

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

3

2022

Москва

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

3

2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокوشي А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. д. э. н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р. (Beisinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Бутурин О. В. д. э. н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. д. и. н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М. профессор Свободного университета Берлина (Libman) (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Синеокая Ю. В. д. филос. н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Тихонова Н. Е. д. социол. н., г. н. с. Института социологии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2022

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-21 ООО «Тематическая редакция»

Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS,
Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS
(Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)
Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)
Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)
Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)
Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)
Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Isosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics
Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)
Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)
Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)
Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)
Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)
Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)
Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)
Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)
Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2022

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executor under the contract № 4У-ЭА-131-21 "Thematic editorial office", Ltd

Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia.

Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons_journal@mail.ru. Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ, ИМИДЖ

Громько Ал.А. Европейская культура – силы притяжения и отталкивания	7
Демин И.В. Методологическое значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологии	21
Бронников И.А., Назарова М.С. Роль фрейминга в конструировании имиджа региона (на материалах Томской области)	35

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Бабурин О.Н., Кузнецова Г. В., Подбиралова Г.В., Хекерт Е.В. Мировая торговля и международные морские перевозки в условиях новых геоэкономических рисков	50
Тарануха Ю.В. Что мешает переходу к креативному предпринимательству?	67
Четверикова А.С. Вклад стран Вишеградской группы в общеевропейскую экономику	88

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Трунов Ф.О. О применимости принципа мультилатерализма во внешней политике (на примере ФРГ)	102
Спиридонова В.И. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке	116

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Белоус Ю.А. Фактор региональной политики ЕС в Испании	128
--	-----

CONTENTS

CULTURE, IDEOLOGY, IMAGE

Gromyko Al. European Culture – Centripetal and Centrifugal Forces	7
Demin I. The Methodological Significance of Lotman's Semiotics of Culture for the Modern Theory of Ideology	21
Bronnikov I., Nazarova M. The Role of Framing in Constructing the Image of a Region (a case-study of the Tomsk region)	35

WORLD ECONOMY

Baburina O.N., Kuznetsova G.V., Podbirali G.V., Khekert E.V. World Trade and International Shipping Under the Conditions of New Geo-Economic Risks	50
Taranukha Yu. What Prevents The Transition To Creative Entrepreneurship?	67
Chetverikova A. The Contribution of the Visegrad Countries to the European Economy	88

INTERNATIONAL RELATIONS

Trunov Ph. On the Applicability of Multilateralism in Foreign Policy (the case of Germany)	102
Spiridonova V. «Civilization-state» as a New Formula of Existence in the XXI Century	116

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Belous Y. The Impact of the European Union Regional Policy in Spain	128
--	-----

DOI: 10.31857/S0869049922030017
EDN: EWIMOU

КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ, ИМИДЖ CULTURE, IDEOLOGY, IMAGE

Оригинальная статья / Original Article

Европейская культура – силы притяжения и отталкивания¹

© А.А. ГРОМЫКО

Громько Алексей Анатольевич, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), alexey@gromyko.ru. ORCID 0000-0003-4228-1552

В статье рассматриваются основные черты и направления трансформации феномена европейской культуры в современную эпоху. Хронологически в центре внимания находится период с 1980-х гг. Исследование базируется на представлении об общих гуманистических основаниях европейской культуры. Автор описывает ее состояние в период холодной войны, а затем анализирует поиски ее новых смыслов, включая понятие «новое средневековье» и тему страха. Другое направление исследования – роль Просвещения в судьбах европейской культуры, преломление его идейного наследия в контексте общества потребления и индивидуализма. Современная европейская культура характеризуется как переплетение старого и нового, премодерна, модерна и постмодерна. Затронута проблематика вестернизации, омассовления и стандартизации культуры, как и сдвига к различным направлениям постматериализма и неоавангардного искусства.

Ключевые слова: европейская культура, гуманизм, общество риска, омассовление, поп-арт, модерн, постмодерн, пост-материализм, авангардизм

Цитирование: Громько А.А. (2022) Европейская культура – силы притяжения и отталкивания // Общественные науки и современность. № 3. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049922030017, EDN: EWIMOU

¹ Благодарность. Автор статьи выражает признательность искусствоведу Николасу Ильину, профессору Ю.И. Рубинскому, профессору Ю.А. Борко за рекомендации и замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to art consultant Nicolas Iljine, professor Yu.I. Rubinsky, professor Yu.A. Borko for recommendations and comments made in the course of the article's preparation.

European Culture – Centripetal and Centrifugal Forces

© AL. GROMYKO

Alexey A. Gromyko, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), alexey@gromyko.ru. ORCID 0000-0003-4228-1552

Abstract. The author explores the main features of the transformation of European culture in the modern world. In the centre of attention is the period from the 1980s. The study is based on the humanistic principles of European culture. Its analysis in the era of the Cold War and afterwards is undertaken as well as the analysis of its new meanings, including the notion of “new Middle Ages” and the topic of fear. The article also explores the role of the Age of Enlightenment in the history of European culture and its later development in the context of liberalism, consumerism and individualism. Contemporary European culture is characterised as an overlap of premodern, modern and postmodern. The problem of westernisation and standardisation of culture is dwelt upon together with the shift to different currents of post-materialism and neo-avant-garde art.

Keywords: European culture, humanism, risk society, pop art, modern, postmodern, post-materialism, avant-garde

Citation: Gromyko Al. (2022) European Culture – Centripetal and Centrifugal Forces. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049922030017, EDN: EWIMOU

Судьбы Европы и европейская культура – тема чрезвычайно широкая и одновременно конкретная. Она такая же историософская, как и узко специализированная в зависимости от того, что становится объектом исследования – политика или экономика, идентичность или ценности, изящные искусства или культура повседневности, духовная сфера или материальная, литература или кинематограф, музеи или театр, культура памяти или культура диалога. О различных аспектах современной европейской культуры написано бесконечно много, но комплексно об этом феномене – достаточно мало, например [Европейская... 2013; Рубинский 2002; Рубинский 2013].

В данной статье на знаковых примерах прослеживается ряд ведущих тенденций в трансформации европейской культуры от эпохи холодной войны и индустриального общества к постбиполярной эпохе и миру постмодерна. Особое внимание уделяется историческому периоду, начиная с 1980-х гг. В эпистемологическом смысле и с точки зрения теоретических подходов к изучению многогранного феномена европейской культуры автор проводит анализ с учетом идей, предложенных в работах П.Я. Чаадаева, Ф.А. Степуна, Н.А. Бердяева, Д.С. Лихачева, О. Шпенглера, А. Тойнби, З. Фрейда, Х. Ортега-и-Гассета, У. Эко, Э. Гуссерля, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, Дж. Грея и др. Большой вклад в изучение данного феномена внесли ученые Института Европы РАН – Н.П. Шмелев, Ю.И. Рубинский, Е.В. Водопьянова и др.

* * *

За последние десятилетия Старый Свет претерпел огромные изменения. После развала Советского Союза в 1991 г. на политической карте Евразии, помимо России, появились 14 новых независимых государств, шесть из которых – в пределах географической Европы (Эстония, Латвия, Литва, Беларусь, Молдова и Украина). В то же время к западу от рос-

сийских границ набирали обороты процессы интеграции. За последние 40 лет количество стран, входящих в Евросоюз (до 1992 г. – Европейское экономическое сообщество), возросло с 9 до 28. Тем не менее, его не обошли центробежные силы, и в 2020 г. ЕС покинула Британия.

Рассуждения о Европе неизбежно сопровождаются давними спорами о границах Старого света, будь то географические, цивилизационные, политические или ценностные. В данном случае под понятием «Большая Европа» понимается крайне неоднородное цивилизационное пространство, расположенное между трех океанов – Атлантическим, Северным Ледовитым и Тихим [Европа... 2019].

Взрослый европеец 30-40 лет назад и сейчас – это люди, живущие в разных реальностях. Все же в учебниках истории за указанное время изменилось не столь много, особенно если брать историю Европы до второй половины XX в. Школьные учебники в странах на пространстве от «Лиссабона до Владивостока» по своей сути – продукты одной рамочной культурной матрицы, пусть, возможно, самой многоликой и противоречивой в мире. Культура – одна из граней «длинной истории», истории структур, которые меняются крайне медленно. Человеческое поведение и восприятие мира никогда не поспевали за темпом технологического развития. Тем более это относится к идентичности каждого народа и отдельно взятого человека, включая культурную среду, в которую мы помещены с детства и пронизаны ею. Эта среда сильно дифференцирована на культуру «высокую» и «низкую», элитарную и народную, утонченную и потребительскую, локальную и глобальную.

Европейская культура в эпоху холодной войны

Ко всей Большой Европе относятся слова Э. Гуссерля, сказанные в 1935 г.: «как бы ни были враждебно настроены друг к другу европейские нации, у них все равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их всех и преодолевающее национальные различия» [Гуссерль 1995, 302]. Европейцы, наследники греко-римской и христианской цивилизаций и до, и после 1945 г. воспитывались на классических примерах и произведениях Возрождения и Просвещения, литературы, поэзии, живописи и архитектуры Нового времени, «золотого» для России XIX столетия и «серебряного века». Возможно, XIX в. стал пиком европейской культуры, по крайней мере, в ее «высокой» составляющей. Затем европейский гуманизм был почти растоптан двумя мировыми войнами. Биполярный мир во многом политизировал европейскую культуру, но не полностью. Почти 70 лет спустя после Гуссерля российский европеист Ю.И. Рубинский констатировал: «Какими бы глубокими ни были различия между европейцами, их роднит общность судьбы, совместимость, более того, взаимодополняемость их богатейшего культурного наследия» [Рубинский 2002, 60].

Индустриальное общество стало новой «заливочной формой» культуры. С феноменом «восстания масс» и ускоренной урбанизацией в первой трети XX в. происходило омассовление культуры, ее демократизация, эмансипация, секуляризация, масштабное проникновение «высокой» культуры в народные массы. Во второй половине столетия одной из ведущих форм такого омассовления стала вестернизация, все больше соскальзывающая в американизацию, стандартизацию, которые породили разновидность массовой культуры – поп-культуру. Произошел своего рода бриколаж², «отскок», выразившийся в «мести» культуры, когда народная культура в своем вульгарном воплощении подмяла под себя культуру «высокую». В результате круг замкнулся – «высокая» культура вновь, как когда-то до «восстания масс», стала уделом творческого меньшинства, причем меньшинства,

² От фр. *bricolage* – бильярдный термин, означает послать шар к борту, чтобы, оттолкнувшись от него, он попал в лузу.

которое стоит в основном на национальной, а не на космополитической почве. В этом прослеживаются параллели между социальной эмансипацией начала XX в. и различными революциями и социальными катаклизмами в 1980–2000-е гг.

Культура отражает ход истории, как во многом и придает ей форму. Европа 1980-х гг. еще представляла собой послевоенный феномен, часть мира, не только разделенного биполярной эпохой, но и сформированной великой Победой 1945 г. Однако экономически и технологически Европа уже была глубоко вовлечена в процесс перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, от модерна к постмодерну, в том числе в области культуры. Именно в 1980 г. вышла книга классика футурологии Э. Тоффлера «Третья волна» о постиндустриальном мире [Toffler 1980; Тоффлер 1999]³. И все же настоящим водоразделом стал рубеж 1980–1990-х гг., когда мир после окончания холодной войны и ухода в историю Советского Союза стал превращаться в глобальный с точки зрения торговли, рыночных отношений, финансов, политики и, конечно, культуры.

До 2010-х гг. Европа жила в этом глобальном мире – апогее неолиберальной модели глобализации, которая к настоящему времени во многом канула в Лету. История последних десятилетий испещрена крутыми поворотами. Западная часть мира в целом рассталась с иллюзиями однополярности. Шло становление полицентризма, включая его культурную составляющую, например, такое явление, как индийский Болливуд. Глобальный мир испытал потрясение в начале XXI столетия, когда международному сообществу бросил вызов международный терроризм, который крушил памятники древней и современной культуры. Позже большая часть планеты впала в «великую рецессию», а пандемия, начавшаяся в 2020 г., привела мир в состояние новой пугающей неопределенности.

Что характерно для истории, даты и хронологические рамки относительны. Постиндустриальный мир формировался в 1970-е гг. Об этом писал Д. Белл [Bell 1973; Белл 1999], но еще десятилетием ранее по Европе прокатилась «культурная революция» (или революция контркультуры), в чем-то предвосхитив грядущие изменения. Она была отпрыском массового сознания позднего индустриального общества не в меньшей степени, чем предтечей сверхлиберального индивидуализма, захлестнувшего мир в последующем. Культура, будучи по своей сути производной коллективного и традиционного, все больше использовалась в угоду индивидуальному и частному.

При всем расколе мира в биполярную эпоху, общие гуманистические рамки европейской культуры сохранялись. Так, об этом свидетельствует киноискусство, столь чувствительное к политике: советские фильмы четыре раза удостоивались американской премии Оскар в разных категориях; в последний раз – в 1981 г., на пике нового витка холодной войны («Москва слезам не верит» Владимира Меньшова в номинации «лучший фильм на иностранном языке»). Со времен громкого успеха гастролей Большого театра в Лондоне в 1956 г. театральные визиты по обе стороны «железного занавеса» стали достаточно обычным явлением в последующие десятилетия.

В программе советской средней школы, не говоря уже о факультетах искусствоведения, изучали произведения Шекспира и Гете, других классиков европейской литературы и поэзии. В СССР на русский язык большими тиражами переводили произведения А. Франса и Г. де Мопассана, Ч. Диккенса и Дж. Свифта, М. Сервантеса и В. Скотта, Э. Золя и В. Гюго, Дж. Байрона и А. Дюма, О. де Бальзака и М. Пруста, А. де Сент-Экзюпери и Э.М. Ремарка – перечислять можно долго. В театрах шли пьесы европейских драматургов. По воспоминаниям представителей советской интеллигенции, они

³ При ссылке на знаковое произведение с точки зрения логики изложения статьи автор приводит выходные данные на первое оригинальное издание, а затем на издание на русском языке (при наличии).

воспринимали себя как представителей европейской культуры, и это было обычным явлением. В целом, взаимодействие европейской и российской культур было двусторонним процессом, особенно со времен Петра I. Европейский классицизм сыграл огромную роль в классицизме русском⁴.

В отличие от классического искусства, иное судьба уготовила русскому авангарду, в первую очередь абстракционизму. В историю вошел разгром Н. Хрущевым художников-авангардистов в московском выставочном комплексе «Манеж» в 1962 г., как и закрытие в Москве выставки художников-нонконформистов в 1974 г. («бульдозерная выставка»). По-настоящему за рубежом открыли русский авангард благодаря «Русским сезонам» С. Дягилева в Париже в начале XX в., а затем в 1979 г., когда во Франции, в Центре Помпиду прошла масштабная выставка «Париж – Москва». Знаковая серия выставок искусства русского авангарда под названием «Великая утопия» состоялась уже в начале постсоветского времени, в 1992 г., во Франкфурте и Амстердаме, а также в США.

Другой пример состояния культурного пространства – музыка, и не обязательно классическая. В 1978 г. в СССР с разрешения советского министерства культуры приезжала группа «Bonny M.», а в следующем году в Ленинграде и Москве концерты давал Элтон Джон. Еще больший общественный резонанс вызвали выступления в Советском Союзе рок-группы «Scorpions» в 1988 г. Вскоре после этого они выпускают свой новый альбом, включавший знаковую песню «Ветер перемен». В постперестроечной России гастролы современных западных музыкантов станут постоянными, включая концерт П. Маккартни на Красной площади в 2003 г.

Окончание холодной войны на рубеже 1980–1990-х гг. несколько сгладило противоречия внутри Старого света, в том числе вследствие деидеологизации культуры. Одним из символов этого стало возвращение писателя А. Солженицына в 1994 г. в новую Россию 20 лет спустя после высылки писателя из СССР. Уместно напомнить, что Нобелевский лауреат по литературе 1970 г., Солженицын до переезда в США несколько лет жил в Цюрихе и путешествовал по Западной Европе. Поначалу на Западе писателя превозносили за антикоммунистические взгляды, но затем мнение о нем изменилось. В фигуре Солженицына переплелись давние на Руси споры западников, славянофилов и почвенников. На Западе он нашел приют, резко осуждал советский строй, но одновременно критиковал американскую действительность, стал восприниматься как сторонник «религиозно-патриархального романтизма». Позже Солженицын рассуждал об обновленном союзе трех славянских республик – России, Белоруссии, Украины – и Казахстана⁵. Другой знаковой фигурой из тех, кого выслали за антисоветские взгляды из СССР, был философ А. Зиновьев. С 1978 г. по 1999 г. он проживал в Мюнхене. Во многом, вслед за Солженицыным, траектория его взглядов развивалась от западничества к славянофильству.

После демонтажа «железного занавеса» новых культурных разломов, уже иного уровня, со временем избежать не удалось. Европа, подтверждая диагноз своей вечной внутренней противоречивости, стала местом новых разделительных линий, а западные европейцы занялись новой социальной и культурной инженерией. В лице ЕЭС, а затем Европейского союза создавался нарратив новой Европы, границы которой приравнялись к границам интеграционного проекта с центром в Брюсселе. Цивилизационные границы Старого

⁴ Из бесед автора с Ю.А. Борко, выдающимся советским и российским европейцем, профессором, главным научным сотрудником Института Европы РАН.

⁵ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Комсомольская правда. 18.09.1990. № 213–214 (19913–19914). С. 1. (http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf?ysclid=I37jzb6mj7).

света исторически были подвижными – они то сужались, то расширялись, но в целом с течением времени они вбирали в себя все новые и новые земли. Однако никогда – до 1990-х гг. – не предпринималась попытка вместо цивилизационного, исторического, политического, социального и культурного пространства бывших европейских метрополий обозначать границы Европы внешним контуром постмодернистского регионального интеграционного объединения, другими словами – вначале умозрительно резко сузить европейское пространство до территории ЕС, а затем расширять «Европу» на основе сконструированных и формально узаконенных в ЕС правил. В России же возобновился давний историософский спор, в котором Россия и Запад противопоставлялись.

Справедливо, что культурой пронизано человечество на всем протяжении его существования, как и то, что у каждого века, каждой эпохи – своя культура. В этом преемственность не вступала в противоречие с разнообразием и обновлением. Как бы ни трактовать европейскую культуру Нового и Новейшего времени, как бы ни раскладывать ее по национальным полкам и эпохам, было принято считать, что у нее общий знаменатель – ценность христианства и гуманизм. Конечно, европейская культура не раз сталкивалась со своими антиподами, в том числе с нацизмом и фашизмом, которые почти ее уничтожили. Претендуя на свою этику и эстетику, они не были проявлением «иной культуры»; то была антикультура, направленная против человечности.

Различные формы омащивления культуры в индустриальную и постиндустриальную эпохи далеко не всегда вели к ее деградации. Например, тиражирование «Голубя мира» П. Пикассо не лишало это произведение гуманистического заряда. Одновременно всегда существовала опасность выхолащивания ценности того или иного образа в результате его многократного и неуместного воспроизведения. Так, бесчисленное количество футболок с изображением Моны Лизы или Э. Че Гевары, проданных по всему миру, скорее привели к вульгаризации этих образов, чем к популяризации символов красоты и пассионарности. После крушения СССР шла своеобразная мутация советской символики, в рамках соц-арта происходило ее взаимопроникновение с западным поп-артом. Ленин соседствовал с надписью Coca-Cola, Сталин – с Мэрилин Монро; портреты Ленина и Сталина помещали на фоне бренда сигарет Marlboro; Горбачева изображали в стиле «Диптиха Мэрилин» Уорхола, а скульптурную композицию «Рабочий и колхозница» увенчивали головой Микки Мауса.

Поиск новых смыслов

Современная эпоха всеобщей и всепроникающей информации, стандартизации и унификации поставила под вопрос возможности массового воспитания культурного человека по-европейски. Условия для этого были тяжелыми: за своеобразием 1980-х гг. в истории Старого света последовал период иллюзий, а затем разочарований – в том числе эпического масштаба, таких как Великая рецессия или пандемия. Многие несущие конструкции современной европейской культуры стали осмысливать именно в 1980-е гг. Неслучайно француз Ж. Бодрийяр опубликовал свою знаменитую работу «Симулякры и симуляции» [Baudrillard 1981; Бодрийяр 2015] в 1981 г. Один из ее тезисов стал эталонным – «в мире все больше информации и все меньше смысла».

В течение последних десятилетий в западной части Старого света предпринимали попытки придать европейской культуре новые смыслы. Одним из них стало представление о «новом средневековье», которое развивал и популяризовал У. Эко, в том числе в работе «Средние века уже начались» (1993) [Эко 1994]. В ней он полемизировал с более ранней антиутопией Р. Вакка «Ближайшее средневековое будущее» [Vacca 1971], в ко-

тором автор предсказывал отступление современной технологической эры в мрачное прошлое⁶. Сам Эко был более оптимистичен и рассматривал современность как «непрерывный переходный период», когда, как и в средневековье, задача заключалась не в консервации прошлого, а в том, чтобы поставить конфликт между старым и новым под контроль и создать механизм адаптации. Эти рассуждения Эко созвучны с работами других мыслителей, посвященными различным аспектам риска. Так, в 1986 г. вышла хрестоматийная книга У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» [Beck 1986; Бек 1986]. Феномен риска изучал в своих работах о позднем модерне Э. Гидденс [Giddens 2000].

Последние десятилетия роднят ощущения европейца со средневековыми темами страха, даже с ожиданиями конца света, по крайней мере, окончания того мира, к которому привыкли. Такие чувства причудливым образом переплетались с периодами эйфории. Однако новый духовный подъем всегда заканчивался возвращением пессимистических настроений. В 1980-е гг. Европа боялась третьей мировой войны между СССР и США из-за размещения на ее территории и по обе стороны «железного занавеса» ядерных ракет. В 1986 г. разразилась техногенная катастрофа Чернобыля. Эйфория окончания холодной войны сменилась холодным душем конфликтов на постсоветском пространстве, югославскими войнами и борьбой за сохранение территориальной целостности самой России. Перестроечные иллюзии были омрачены драмами и трагедиями миллионов людей, которые оказывались не «по ту сторону» границы после распада СССР.

На рубеже тысячелетий ожидания счастливого «конца истории» сменились мрачными прогнозами «столкновения цивилизаций». Приближение в летоисчислении магической цифры «2000» одни связывали со Страшным судом, другие – с «компьютерным Апокалипсисом». Не успел новый миллениум начаться, как с российского на новый уровень поднялась проблема международного терроризма после «9/11». На уничтожение европейской культуры и ее физическое истребление был направлен проект так называемого всемирного халифата ИГИЛ⁷. В 2008–2009 гг. Европу сотрясла Великая рецессия, а в 2020 г. – пандемия COVID-19.

Иные интеллектуалы в оценке современного состояния Европы отталкивались не от Средних веков, а от другого периода в ее истории – эпохи Просвещения, которая положила начало политической философии и идеологии либерализма, культуры, а затем культ личности и свободы индивида. О проблемах, которые накапливались в этой сфере, говорили разделенные столетием Дж. С. Милль и И. Берлин. Продвигая либеральные идеи каждый по-своему, они признавали необходимость коллективности в культуре, принадлежности к одному сообществу. Проблема последних десятилетий в жизни Старого света во многом связана с выхолащиванием принципов классического либерализма, с опошлением и доведением до абсурда представлений о свободе, с превращением либерализма в секулярную религию, с исчерпанностью универсальности проекта Просвещения. Дж. Грей назвал такую разновидность мышления гиперлиберализмом, который произвел культурную деконструкцию, освободил личность от культурных идентичностей⁸.

⁶ О «новом средневековье» задолго до европейских интеллектуалов последних десятилетий писал, например, Николай Бердяев в работе «Новое средневековье» (1924). Бердяев сравнивал свое время с периодом поздней античности.

⁷ Организация запрещена в России.

⁸ Grey J. The Problem of Hyper-Liberalism. TLS. 30 March 2018. (<https://www.the-tls.co.uk/articles/john-gray-hyper-liberalism-liberty/>). Также см.: [Grey 1999; Grey 1993; Bellamy 1992].

Стали множиться проявления такого гиперлиберализма – например, введенное в ряде европейских стран требование удалить из общественных мест и из внешнего облачения человека символы веры. Тем самым, с точки зрения консервативной общественной мысли, да и здравого смысла, Европа лишала себя культурных корней, культурного иммунитета, становилась уязвимой перед экспансией других культур, включая фундаменталистскую часть культуры исламской. Система ценностей современного европейца все больше представляла собой деформированный, несбалансированный набор идей, среди которых доминирует не либерализм в его классическом виде, а неолиберализм в ущерб консервативным и коллективистским традициям общественной мысли и сознания [Громыко 2020].

С 1990-х гг. европейская культура и идентичность европейца подверглась испытаниям из-за небывалых миграционных процессов. После распада СССР несколько десятков миллионов бывших советских граждан оказались в новых государствах, в которых они стали национальным меньшинством. Особенно это коснулось более 20 миллионов русских. В то же время парадоксальным образом новая Россия, границы которой отодвинулись на восток, этнически превратилась в более европейское государство, чем Советский Союз, так как доля русских, в основе мировоззрения которых превалировала европейская культура, в стране резко возросла (до 80%).

В Западной и Центральной Европе беспрецедентный миграционный кризис развернулся позже. Его пик пришелся на 2015 г., когда в результате «неконтролируемой миграции» в ЕС прибыло несколько миллионов выходцев из Ближнего Востока и Африки. В центре этих событий находилась Германия. Споры, основанные на разном представлении о государственном суверенитете и о соотношении между интересами «коренных жителей» и «пришлых», стали яблоком раздора в отношениях между странами-членами Евросоюза. Средиземное море, бассейн которого был колыбелью нескольких древних цивилизаций, включая греко-римскую, становилось могилой для десятков тысяч беженцев, мечтавших обрести в Европе землю обетованную. С тех пор масштабные миграционные проблемы не прекращались, неизбежно обостряя вопрос о европейском самосознании, культуре и идентичности.

Критика идей Просвещения, побочным продуктом которых в XX в. стали сверхчеловек Ницше и общество массового потребления, звучала во многих современных литературных произведениях, например, в «Парфюмере» П. Зюскинда [Süskind 1985; Зюскинд 2016]. Герой его романа Гренуй, убивший себя, – своего рода сверхчеловек наоборот. Запах в этом романе, по сути, – инструмент массового потребления, доведенного до истерии. Книга У. Голдинга «Повелитель мух», ставшая впоследствии культовой, появилась в 1954 г., но Нобелевскую премию за свое творчество писатель получил в переломные восьмидесятые [Golding 1954; Голдинг 1983]. Много лет спустя, в 2009 г., в рейтинге газеты The Times эта работа войдет в список лучших 60 книг предшествующих 60 лет⁹. Ее смысл заключается не в восхвалении Человека – это книга не о Прометее или Икаре, а о человекопадении.

Другим направлением в осмыслении современной культуры и идентичности Европы стала категория империи. Появилась литература, посвященная Европейскому союзу как империи, включая элементы культуры, идентичности, например [Zielonka 2006; Тэвдой-Булмули 2019]. И здесь уместно упомянуть о феномене «усталости от расширения» в Евросоюзе (enlargement fatigue). Он обозначил пределы ЕС как империи облагоустроенной, «неосредневековой».

⁹ The Best 60 Books of the Past 60 Years. The Sunday Times. 3 August 2009.

«Хлеба и зрелищ!»

Современная европейская культура предстает переплетением и напластованиями старого и нового – премодерна, модерна и постмодерна. Из толщи истории в Европу Новейшего времени перенесена установка «Хлеба и зрелищ!», которая приняла гипертрофированный массово-потребительский характер. Одним из ее олицетворений стали моллы – огромные торгово-развлекательные центры, которые довели культурную индустрию до абсолюта, до слияния массовой культуры с индустрией развлечений, включая кино – в основном американское. Доля голливудских фильмов на экранах Западной Европы увеличилась в 1975–1995 гг. с 41 до 75% (по продаже билетов). То была улица с односторонним движением – даже доля Британии в экспорте аудиомызыкальной продукции в США в 1986–2001 гг. сократилась с 30 до 1% [Европейская... 2013, 262]. Европейская киноиндустрия оказалась зажата между голливудской моделью и «арт-хаусом».

О подводных камнях омассовления и стандартизации культуры еще в далекие 1920-е гг. рассуждали мыслители Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др.). Великая народная культура, сотни лет назад породившая в Европе смеховую, потешную, карнавальную культуру, в эпоху постмодерна и «цифры» почти выродилась. После распада социалистического лагеря культиндустрия захлестнула постсоветское пространство. Повсеместно в Европе театр уступал натиску кино и других видов визуального развлечения. Космополитизм вел к омассовлению и в архитектуре. Здания Н. Фостера превратились в символ престижа, но не имели отношения к национальной самобытности.

В последние десятилетия религиозная составляющая культуры и самосознания в Европе все дальше уходила на вторые и третьи роли, за исключением России и ряда других стран. Однако свойственная религиозному мышлению вера в потустороннюю реальность в чем-то замещалась иными явлениями, например, виртуальной реальностью компьютерных игр, а ощущение причастности верующего человека к одной пастве – ощущением взаимосвязи пользователей социальных сетей, где можно, как на исповеди, излить душу, не видя и даже не зная собеседника. Христианский гуманизм с угасанием религиозности европейского общества уступал место гуманизму «общечеловеческому», происходила унификация ценностей в духе «конца истории», который в чем-то сродни свойственным религиозному мышлению ожиданиям конца света. Как раньше люди массово ходили в церковь, так затем они же массово сели перед телевизионным поп-артом – еще одним мощным орудием моральной и эстетической деградации.

На эту проблему давно указывали те, кто играл роль хранителей «высокой» европейской культуры. Среди них К. Поппер, который в 1994 г. дал развернутое интервью журналу «Reset». В нем речь идет о губительном воздействии «голубого экрана» на детей и подростков [Popper 2007]. Одним из воплощений негативной стороны американизации европейской культуры стал телеканал MTV (молодежная музыка и реалити-шоу), созданный в 1981 г. В других странах появились его многочисленные отпрыски, например, «MTV-Россия», открытый в 1998 г. Их отличало засилье низкопробной продукции, о чем и предупреждал Поппер.

В позднеперестроечном СССР и постсоветской России телеэкран и концертные залы захлестнула волна оккультизма, мистики, магии. Миллионы образованных людей попадали под влияние «целителей» и «экстрасенсов», таких как А. Кашпировский и А. Чумак. Стала процветать лженаука. Получалась наглядная иллюстрация теории развития культуры Дж. Фрезера, автора знаменитого труда «Золотая ветвь», который выстраивал свое исследование по формуле «магия – религия – наука» [Frazer 1894; Фрэзер 2001]. Пост-

модернистская волна омащования культуры в виде поп-культуры стала релапсом, откатом культуры в своем развитии. Происходило движение вспять от науки к религии и затем к магии. Необходимо отметить, что в моменты общественных кризисов иррациональные системы ценностей, в том числе религиозные, не раз играли роль социальной «подушки безопасности». Однако если общество «застревает» в этом откате, появляется опасность впасть в архаику. Поэтому вполне объяснимо, что в современной европейской культуре столько внимания уделяют понятиям архаизации, варваризации, включая и вулгаризацию русского языка, и «политическое варварство» (международный терроризм), и «экологическое варварство», и др.

К этим и схожим мотивам обращались классики постмодернистской европейской культуры. Смысл романа Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах» [Barnes 1989, Барнс 2005] заключался в истории о путешествии человека в рай, который оказывается потребительским и невыносимым местом. Английский писатель оказался прозорливее Ф. Фукуямы, который в том же году опубликовал эссе «Конец истории?», положившее начало известному дискурсу [Fukuyama, 1989; Фукуяма, 1990]. В 1988 г., за пять лет до появления статьи С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [Huntington 1993; Хантингтон 1994], вышли «Сатанинские стихи» С. Рушди – произведение, построенное на изображении конфликта культур и цивилизаций [Salman 1988].

1989 г. в истории Европы навсегда связан с падением Берлинской стены как символа раскола мира в биполярную эпоху. Это и сопутствующие события вызвали всплеск размышлений о том, что будет «после». Например, в Германии возник феномен «после-послевоенной литературы», одним из олицетворений которого стал роман Г. Грасса «Широкое поле» (в России роман больше известен под названием «Долгий разговор», предложенным переводчиком Б.Н. Хлебниковым) [Grass 1995]. Окончание холодной войны привело к столкновению в европейской культуре пассионарности и идеализма с обыденностью, прозаичной реальностью, несовершенством человеческой природы. Сменяющие друг друга в последние десятилетия циклы ожиданий и разочарований очевидны. Примеры – поздний СССР и новая Россия 1990-х гг.; Германия после объединения и все еще расколотое немецкое общество тридцать лет спустя; перестроечные иллюзии в духе «Европа – наш общий дом» и возобновление противостояния России и Запада; идеализм «арабской весны» и сменившие его трагедии целых народов Северной Африки и Ближнего Востока; предвкушение «европейской мечты» о лидирующей роли Евросоюза в XXI в. и последовавшая череда опасных кризисов.

Одновременно продолжалось совершенствование технологий, а технический прогресс оставлял все меньше времени на осознание действительности. В результате вновь обрела популярность тема противостояния человека и машины. В кинематографе она ярко воплотилась в блокбастерах о беспощадных роботах-терминаторах. COVID-19 принес с собой и новую разновидность луддизма – «восстания людей против машин»: в 2020 г. в Европе из-за страха от пандемии современные луддиты разрушали вышки мобильных сетей 5G. В этом же прослеживается и происходящий в европейском массовом сознании сдвиг от культуры потребления к постматериализму, о чем свидетельствует идеология европейских экологов и «зеленых».

Важнейшая тема – культура памяти. Почти неизбежно, что с ходом времени новые поколения все больше относятся к событиям удаляющегося прошлого как к чему-то абстрактному. Забвение войн, с одной стороны, служило примирению некогда враждовавших государств, как произошло с Францией и Германией, с другой, – лишало людей «иммунитета» против возрождения милитаристских настроений. Такая милитаризация хорошо прослеживается в истории ЕС последних лет и десятилетий. Россия, пожалуй,

на сегодня – единственная страна в Европе, в которой на системной основе продолжается работа по сохранению памяти о Второй мировой войне (Великой Отечественной войне) как о «живой истории».

Нельзя говорить о том, что в современном европейском искусстве не уделяют внимание антивоенной тематике. Однако часто это – эпатаж, гротеск, сознательная провокация, направленные на эмоциональную встряску, цель которой – не столько напоминание о хрупкости мира, сколько привлечение внимания к новомодным представителям искусства. Один из примеров – выставка «Джейк и Динос Чемпены. Конец веселья» в Петербурге, которая прошла в 2012 г. в Эрмитаже. Композиция инсталляций из множества фигурок – своеобразный бестиарий, в котором нацисты убивают друг друга, по задумке авторов изображала ад на земле. В основе творчества Чепменов – аллюзии, отсылающие к сериям гравюр Ф. Гойи «Капричос» и «Бедствия войны», а также к творчеству И. Босха. Вместе с тем скандальная подача такого рода выставок ведет, как правило, к гипертрофии формы за счет содержания и смысла.

* * *

Европа и европейская культура за последние десятилетия глубоко погрузились в реальность постмодернизма, возникли его новые ответвления – постпостмодернизм, транс- и постгуманизм. Гуманистические основания европейской цивилизации Нового и Новейшего времени, уходящие корнями в античность и христианство, сегодня соседствуют с современной массовой культурой и «цифровым» обществом со всеми их светлыми и темными сторонами. Культурная стрессоустойчивость европейских народов во многом зависит от национальных литературных, театральных, кинематографических школ. Бастионом высокого искусства остаются ведущие национальные музеи, чем может гордиться и Россия. В нашей стране в последние годы наблюдался быстрый рост посещаемости музеев и театров. Так, в 2018 г. было зарегистрировано 140 млн посетителей художественных выставок, а аудитория театров составила 40 млн зрителей¹⁰.

В культурном пространстве продолжался активный творческий поиск, нередко далеко не однозначный. В России произошел бум частных театров: только в Москве и Санкт-Петербурге к концу 2010-х гг. их насчитывалось порядка шестидесяти. То же самое относится к частным музеям современного искусства, среди которых одним из наиболее известных стал музей «Гараж» в московском Парке Горького. Фонд современного искусства V-A-C создал многоформатное пространство современного искусства (арт-центр) в здании бывшей ГЭС-2 напротив Кремля. С 2005 г. проходила Московская биеннале современного искусства, в рамках которой большое внимание уделялось соц-арту как наиболее известному за рубежом постмодернистскому направлению советского искусства 1970–1980-х гг. Россию не обошла стороной и «Манифеста» – общеевропейская биеннале, впервые состоявшаяся в 1996 г. в Роттердаме. В 2014 г. Санкт-Петербург стал первым российским городом, принявшим «Манифеста 10».

Постоянно поднималась тема общности культурного пространства, в основе которого – европейский гуманизм. Уникальным проектом стала выставка «Лицом к будущему. Искусство Европы 1945–1968», которая прошла в 2017 г. в московском Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Иностранцами партнерами проекта

¹⁰ Посещаемость российских театров в 2018 году побила советские рекорды. Интерфакс. 16 января 2019 г. (<https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/poseshchaemost-rossiyskih-teatrov-v-2018-godu-pobila-sovetskie-rekordy>).

выступили Центр изящных искусств BOZAR (Брюссель) и Центр искусств и медиа ZKM (Карлсруэ). В центре проекта находилось послевоенное искусство и культура 18 стран Западной и Восточной Европы (неоавангардное искусство), посвященное темам антивоенной и молодежного бунта, ужасам насилия, новым поискам в сфере реализма и идеализма. Пандемия в 2020–2021 гг. сильно ударила по выставочным и музейным проектам. Масштабная выставка «Многообразие. Единство. Современное искусство Европы. Москва. Берлин. Париж» после длительной вынужденной паузы все же открылась в Третьяковской галерее в ноябре 2021 г.

Будет ли и дальше европейское культурное пространство испытывать фрагментацию, политизацию и в значительной степени деградацию, – вопрос открытый. Сможет ли классическая культура и дальше служить его «цементирующим раствором»? Возможно ли гармоничное сочетание национальных традиций с «цифровым» миром, полным конфликтов? Кажется, что колоссальное культурное наследие Европы еще имеет запас прочности, чтобы противостоять безвкусию, примитивизации, клиповому мышлению, деконструкции высокой и народной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барнс Дж. (2005) История мира в 10 1/2 главах. М.: АСТ. 352 с.
- Белл Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 790 с.
- Бек У. (2000) Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Бодрийяр Ж. (2015) Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ». 240 с.
- Громыко Ал.А. (2020) Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. № 2. С. 6–19.
- Голдинг У. (1969) Повелитель мух // «Вокруг света». № 7–11.
- Гуссерль Э. (1995) Кризис европейского человечества и философия // В: Культурология. XX век: антология. М.: Юрист. С. 302.
- Европа между трех океанов (2019) Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М., СПб.: Нестор-История. (<http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2019/eur3o.pdf>).
- Европейская культура: XXI век (2013) Под ред. Е.В. Водопьяновой. М., СПб.: Институт Европы РАН, Нестор-История. (<http://instituteofeurope.ru/images/monografii/Evrop-cultura.pdf>).
- Зюскинд П. (2016) Парфюмер. История одного убийства. М.: Азбука.
- Рубинский Ю.И. (2013) Ценностные ориентиры Европы. Доклады Института Европы РАН № 297. М.: Институт Европы РАН. 56 с.
- Рубинский Ю.И. (2002) Две Европы или одна? // В: Европа: вчера, сегодня, завтра. Отв. ред. Н.П. Шмелев. Институт Европы РАН. М.: Издательство «Экономика». С. 37–60.
- Тоффлер Э. (1999) Третья волна. М.: АСТ.
- Тэвдой-Булмули А.И. (2019) Европейский Союз как имперский конструкт. К вопросу о применимости понятия // Международные процессы. № 2. С. 91–100.
- Фрэйзер Дж. (2001) Золотая ветвь: Исследование магии и религии. В 2 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб. 528 с.
- Фукуяма Ф. (1990) Конец истории? // Вопросы философии. № 3. С. 84–118.
- Хантингтон С. (1994) Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. № 1. С. 33–48.
- Эко У. (1994) Средние века уже начались // Иностранная литература. № 4. С. 258–267.
- Bellamy R. (1992) Liberalism and Modern Society. Cambridge: Polity Press.

- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Grass G.W. (1995) *Ein weites Feld*. Göttingen: Steidl Verlag.
- Grey J. (1999) *False Dawn. The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books. 272 p.
- Grey J. (1993) *Beyond the New Right. Markets, Government and the Common Environment*. London, New York: Routledge. 212 p.
- Popper K. (2007) *The Power of Television* // In: Popper K. *After the Open Society: Selected Social and Political Writings*. Oxford: Routledge. Pp. 413–424.
- Salman R. (1988) *The Satanic Verses*. London: Penguin Books. 546 p.
- Vacca R. (1971) *Il medioevo prossimo venturo*. Milano: Mondadori Saggi.
- Zielonka J. (2006) *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press.

REFERENCES

- Barnes J. (1989) *A History of the World in 10½ Chapters*. Knopf Canada. 307 p.
- Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée.
- Beck U. (1986) *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Bell D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Bellamy R. (1992) *Liberalism and Modern Society*. Cambridge: Polity Press.
- Eko U. (1994) Srednie veka uzhe nachalis' [The Middle Age Have Already Begun]. *Inostrannaya literatura*. no. 4, pp. 258–267.
- Evropa mezhdu trekh okeanov* [Europe between Three Oceans] (2019) Ed(s): Al.A. Gromyko, V.P. Fedorova. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. (<http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2019/eur3o.pdf>).
- Evropejskaya kul'tura: XXI vek* [European Culture: 21st Century] (2013) Ed(s): E.V. Vodop'yanova. Moscow, Saint-Petersburg: Institut Evropy RAN, Nestor-Istoriya. (<http://instituteofeurope.ru/images/monografii/Evrop-cultura.pdf>).
- Frazer J. (1894) *The Golden Bough. A Study in Comparative Religion*. New York, London: Macmillan and Co.
- Fukuyama F. (1989) The End of History and the Last Man. *National Interest*. no. 16, pp. 3–18.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Golding W. (1954) *The Lord of the Flies*. London: Faber and Faber.
- Grass G.W. (1995) *Ein weites Feld*. Göttingen: Steidl Verlag.
- Grey J. (1999) *False Dawn. The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books. 272 p.
- Grey J. (1993) *Beyond the New Right. Markets, Government and the Common Environment*. London, New York: Routledge. 212 p.
- Gromyko Al. (2020) Metamorfozy politicheskogo neoliberalizma [Metamorphoses of Political Neoliberalism]. *Sovremennaya Evropa*. no. 2, pp. 6–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220200619>.
- Gusserl' E. (1995) Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofiya [The Crisis of European Humanity and Philosophy]. In: *Kul'turologiya. XX vek: antologiya*. Moscow: Yurist. P. 302.

- Huntington S.P. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. vol. 72, no. 3, pp. 22–49.
- Popper K. (2007) The Power of Television. In: Popper K. *After the Open Society: Selected Social and Political Writings*. Oxford: Routledge. Pp. 413–424.
- Rubinskij YU.I. (2013) *Cennostnye orientiry Evropy* [Value Orientations of Europe]. Doklady Instituta Evropy RAN № 297. Moscow: Institut Evropy RAN. 56 p.
- Rubinskij YU.I. (2002) Dve Evropy ili odna? [Two Europes or One?]. In: *Evropa: vchera, segodnya, zavtra*. Ed(s): N.P. Shmelev. Institut Evropy RAN. M.: Izdatel'stvo «Ekonomika». Pp. 37–60.
- Salman R. (1988) *The Satanic Verses*. London: Penguin Books. 546 p.
- Süskind P. (1985) *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes.
- Tevdoj-Bulmulı A.I. (2019) Evropejskij Soyuz kak imperskij konstrukt. K voprosu o primenimosti ponyatiya [The European Union as an Imperial Construct. On the Question of the Applicability of the Concept]. *Mezhdunarodnye processy*. no. 2, pp. 91–100.
- Toffler A. (1980) *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow*. New York: William Morrow and Company.
- Vacca R. (1971) *Il medioevo prossimo venturo*. Milano: Mondadori Saggi.
- Zielonka J. (2006) *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press.

Информация об авторе

Громько Алексей Анатольевич, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, директор Института Европы Российской академии наук. Адрес: Моховая ул., дом 11, стр. 3, Москва, 125009. E-mail: alexey@gromyko.ru

About the author

Alexey A. Gromyko, Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Director, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IERAS). Address: 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russian Federation, 125009. E-mail: alexey@gromyko.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.05.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 18.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 25.05.2022

DOI: 10.31857/S0869049922030029
EDN: EWMXED

Оригинальная статья / Original Article

Методологическое значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологии¹

© И.В. ДЕМИН

Демин Илья Вячеславович, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара, Россия), ilyadem83@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5821-3031

В статье раскрыты возможности применения концептуально-методологических новаций и терминологического аппарата семиотики культуры Ю.М. Лотмана в контексте исследований языка идеологии. Сформулированы некоторые ключевые проблемы, с которыми сталкивается современная теория идеологии. Проведено различие между языковым и метаязыковым уровнями функционирования идеологии. Для описания метаязыкового уровня использованы термины «идеологическая парадигма», «фоновая идеология», «идеологическая модель». Показано, что идеология, функционирующая на метаязыковом уровне, стремится совпасть с политическим языком, выдает себя за идеологически нейтральный язык социальной науки.

Ключевые слова: идеология, теория идеологий, семиотика, семиотика культуры, Ю.М. Лотман, семиотика идеологии, политический язык, метаязык

Цитирование: Демин И.В. (2022) Методологическое значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для современной теории идеологии // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 21–34. DOI: 10.31857/S0869049922030029, EDN: EWMXED

¹ Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

Funding. The article was prepared with support from the Grants Council of the President of the Russian Federation, Project MD-2252.2021.2 “The Political Language of Russian Conservatism: A Cultural and Semiotic Analysis”.

The Methodological Significance of Lotmans' Semiotics of Culture for the Modern Theory of Ideology

© I. DEMIN

Илья В. Демин, Samara National Research University (Samara, Russia), ilyadem83@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-5821-3031

Abstract. The article reveals the possibilities of using the conceptual and methodological innovations and the terminological apparatus of the Yu. Lotmans' semiotics of culture in the context of studies of the language of ideology. Some key problems that the modern theory of ideology faces are formulated. The author makes a distinction between the linguistic and metalinguistic levels of functioning of ideology. To describe the metalinguistic level, the article uses the terms "ideological paradigm", "background ideology" and "ideological model". It is shown that functioning of ideology at the metalinguistic level tends to coincide with the political language, it pretends to be the ideologically neutral language of social science.

Keywords: ideology, theory of ideologies, semiotics, Yu. Lotman, semiotics of culture, semiotics of ideology, political language, metalanguage

Citation: Demin I. (2022) The Methodological Significance of Lotmans' Semiotics of Culture for the Modern Theory of Ideology. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.3, pp. 21–34. DOI: 10.31857/S0869049922030029, EDN: EWMXED

В последние десятилетия семиотический подход все шире распространяется в исследованиях общества и культуры, что позволяет говорить о семиотическом повороте в социально-гуманитарных науках (см. [Семиотический... 2018]). Области политической философии, политической социологии и политической лингвистики, к которым традиционно относят исследования идеологии, также затронула данная тенденция². Однако терминология и исследовательские приемы, выработанные в рамках структурной лингвистики, семиотики культуры и философии языка, зачастую применяют некритически, эклектично совмещая их с традиционными подходами и методами анализа идеологии. Философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал культурно-семиотического подхода к анализу политико-идеологических феноменов до сих пор не тематизированы.

В данной статье автор намечает пути применения концептуально-методологических новаций и терминологического аппарата семиотики культуры Ю.М. Лотмана в контексте исследований языка политики и идеологических дискурсов. Основной акцент будет сделан на базовых концептах семиотической теории культуры («коммуникация», «граница», «перевод», «метаязык») и их значении для изучения семантического поля политики.

Следует отметить, что проблему идеологии и политического языка Лотман и другие представители Московско-Тартуской школы не рассматривали в качестве центральной и приоритетной, однако есть основания полагать, что разработанную в рамках этого направления методологию анализа языков и текстов культуры можно использовать для описания символического универсума политики.

В начале XXI в., как справедливо отмечает О.Ю. Малинова, понятие идеологии «употребляется в столь разных смыслах, что нет никакой надежды дать ему четкое и един-

² Один из первых образцов применения семиотической терминологии и методологии к анализу явлений политической жизни можно обнаружить в статье К. Гирца «Идеология как культурная система» [Geertz 1964]. Следует, однако, заметить, что Гирц не ставил перед собой задачу разработать целостную концепцию идеологии.

ственное определение» [Малинова 2003, 30]. В современной исследовательской литературе существует множество трактовок и определений идеологии, ориентированных на различные философские и методологические направления (марксизм и постмарксизм, социология знания, структурализм и постструктурализм, философская герменевтика, семиотика культуры), которые локализованы в разных дисциплинарных и междисциплинарных контекстах (политическая философия, история идей, политическая социология, культурология, политическая лингвистика), что делает актуальной задачу классификации. В контексте данной статьи представляется целесообразным взять за основу классификации критерий проблемного поля.

В философии XX в. присутствуют два мощных полюса притяжения (и отталкивания), которые во многом определяют проблематику и исследовательские стратегии социально-гуманитарных наук – «сознание» и «язык». Исходя из данного факта, целесообразно выделять подходы и направления, которые рассматривают идеологию преимущественно как форму общественного сознания³, и подходы, предполагающие анализ идеологии как формы языка⁴. В первом случае идеология предстает в качестве социально-когнитивного феномена, а ее концептуализацию осуществляют на стыке социальной философии, эпистемологии и истории идей. Во втором случае идеология мыслится как феномен социально-лингвистический, и концептуализация понятия осуществляется в проблемном поле философии языка, семиотики, политической лингвистики. Наконец, в отдельную, третью группу следует выделить исследования, в рамках которых идеологию рассматривают и как социально-когнитивный, и как лингвистический (дискурсивный) феномен⁵. Преимущество данной классификации, по мнению автора, состоит в том, что здесь трактовки идеологии помещаются в широкий контекст философских и научных исследований.

Исследователи, которые работают в рамках отнесенных к третьей группе подходов, стремятся совместить базовые презумпции лингвистического (и семиотического) поворота с требованиями научной рациональности, примирить методологические крайности лингвоцентризма и конструктивизма, с одной стороны, и научного реализма, с другой. Такая исследовательская стратегия в политических науках потенциально способна дать наиболее плодотворные результаты, однако отмеченная методологическая «двойственность» ставит перед исследователями идеологий ряд трудноразрешимых теоретических проблем⁶. Остановимся на некоторых из них.

³ Помимо анализа идеологии в классическом марксизме и «социологии знания» К. Манхейма, сюда следует отнести теорию «деидеологизации» (Д. Белл, С.М. Липсет, Р. Арон), структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, Д. Аптер, Н. Луман) и концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы.

⁴ Здесь в первую очередь следует упомянуть различные постструктуралистские (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Бодрийяр) и постмарксистские (А. Бадью, С. Жижек, Ш. Муфф, Э. Лакло) трактовки идеологии. К этой же группе нужно отнести и критический дискурс-анализ Т.А. ван Дейка.

⁵ В последние десятилетия подход, в рамках которого идеологию рассматривают как гибридный когнитивно-дискурсивно-социальный феномен, получил широкое распространение в работах как западных (М. Фриден, Дж. Балкин), так и отечественных (А.И. Соловьев, Г.И. Мусихин) исследователей (см.: [Freeden 1996; Balkin 1998; Соловьев 2001; Мусихин 2012]).

⁶ Теоретические проблемы, о которых пойдет речь, проявляются на всех уровнях анализа идеологии, в том числе и при изучении массовых политических верований, задающих систему координат коллективного поведения в ту или иную эпоху (уровень социальной психологии). Однако наибольшую остроту данные проблемы приобретают на уровне истории понятий и истории идей, в ходе исследования и сопоставления политических и философско-политических учений, доктрин, систем взглядов. На этом уровне идеологии функционируют не в качестве эклектичного набора убеждений, которые выполняют определенные социальные функции, но в каче-

1. Проблема идентификационных критериев идеологии как системы убеждений и/или типа дискурса. Данная проблема имеет фундаментальное значение для современных социальных и политических наук. Она проявляется как на уровне политической истории и социальной психологии, так и на уровне истории философии и истории политических учений. Суть ее следует сформулировать следующим образом: на каком основании можно отделить идеологию от смежных с ней феноменов и типов дискурса, которые имеют внешнеидеологическую (например, национальную, культурно-языковую, религиозную) природу?

Следует подчеркнуть, что данную проблему не только нельзя решить, но даже поставить в рамках редукционистских подходов (как лингвистического, так и социологического толка). Так, в социологическом редукционизме, представленном, в частности, в марксистских и неомарксистских исследованиях, идеология отождествляется с определенной социальной функцией (выражение классовых интересов, санкционирование порядка господства и подчинения в обществе, маскировка социальных антагонизмов и т.д.). Таким образом, объявляется идеологическим любой комплекс идей и верований, который выполняет данную функцию (независимо от его происхождения и когнитивной специфики). Смещение идеологии с наукой, религией, философией в рамках данного подхода наиболее ярко проявилась в таких концептах советского обществознания, как «религиозная идеология», «буржуазная социология», «реакционная философия» и пр.

Концептуальный контекст лингвистического редукционизма, наиболее последовательно реализованного в работах Р. Барта и У. Эко, также не оставляет возможности отделить идеологию от внешнеидеологических феноменов культуры, поскольку идеология приобретает здесь всеобъемлющий, всепроникающий, диффузный характер.

Отмеченные типы редукционизма сплавляются воедино в постмарксистских трактовках идеологии, которые представлены в работах Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижика. Проблема оснований различения идеологических и неидеологических способов социальной идентификации, идеологических и неидеологических практик, социально-философских учений, концепций и доктрин в методологическом горизонте постмарксизма не рассматривается, так как изначально считается иррелевантной.

2. Проблема когнитивной природы идеологии (соотношения идеологии и «общего знания»). Ее можно рассматривать как частный случай проблемы идентификационных критериев. В большей или меньшей степени она занимала всех обращавшихся к понятию идеологии политических теоретиков, но особую остроту данная проблема приобретает в контексте нейтрального подхода к анализу идеологии⁷. Ключевым здесь оказывается вопрос о соотношении и взаимоотношениях идеологии и науки, идеологии и социального знания. При всех оговорках о взаимовлиянии и взаимопроникновении научных знаний и идеологических доктрин, «интерсубъективности» и относительности знания, само когнитивное различие между идеологией и наукой остается незыблемым. Оно сохраняет свое конститутивное значение и для социальных исследований. Следовательно, стоит отметить, что интерпретация науки как одной из форм идеологии означала бы конец научной рациональности (см. [Демин 2015]).

В рамках современных социологических исследований, ориентированных на методологический конструктивизм и конвенционализм, предпринимаются попытки обойти эту

стве идеологических парадигм, структурирующих политическое пространство, раскрывающих символический универсум политики, делающих его понятным, интеллигибельным.

⁷ Коль скоро трактовка идеологии как «ложного сознания» признается иррелевантной, идеология более не может однозначно рассматриваться как антитеза научного познания. О различиях критического и нейтрального подходов к пониманию идеологии см. [Бурсевич 2010].

проблему через противопоставление идеологии не знанию как таковому, а общему (для того или иного социума) знанию [Мусихин 2011, 140]. Недостаточность такой стратегии высвечивает то обстоятельство, что социальные группы, обладающие различными «идентификационными идеологиями», зачастую вкладывают в понятие общего знания совершенно разный смысл, наделяют данным статусом различные (даже взаимоисключающие) комплексы представлений. Как должна решаться проблема «общего знания», если отвергнуты «внешние» (несоциологические, эпистемологические) критерии? Представляется, что ответ на этот вопрос невозможно получить до тех пор, пока сами термины «идеология» и «общее знание» употребляются в усредненно-конвенциональном значении. Нельзя приблизиться к разрешению проблемы когнитивного статуса идеологии, оставаясь в границах конвенционалистского и социологического понимания знания.

3. Проблема различения социально-исторического и парадигмального аспектов идеологии. Терминологическая путаница, которая часто сопровождает не только общественно-политические, но и теоретические дискуссии вокруг понятия «идеология», зачастую проистекает из неразличения двух аспектов (философско-парадигмального и социологического) его рассмотрения. Термин «идеология» имеет два различных, хотя и взаимосвязанных значения. Идеология как конкретно-исторический комплекс политически значимых убеждений и верований представляет собой фактор формирования и сохранения групповой идентичности. В отличие от конкретно-исторической идеологии, «идеологическая парадигма», как правило, терминологически отождествляется с тем или иным философско-мировоззренческим «измом» («либерализм», «социализм», «консерватизм», «анархизм» и т. д.). Ее нельзя однозначно «привязать» к какой-либо социальной группе или структуре. Функция такой парадигмы состоит в том, чтобы упорядочить, структурировать все семантическое поле политики, «картографировать» «территорию политического». Конкретно-исторические идеологии тех или иных социальных групп и институтов, как правило, эклектически совмещают в себе элементы различных идеологических парадигм.

Различение упомянутых двух аспектов и ракурсов, конечно, не следует абсолютизировать, но его нельзя и полностью элиминировать. В первом случае происходит идеалистическое гипостазирование абстрактных сущностей, идеологическим универсалиям приписывают транс-исторический характер. Во втором случае политическая жизнь утрачивает какое-либо универсальное измерение, а все категории политической теории приобретают сугубо контекстуальное и конвенциональное значение. Представляется, что в условиях санкционированного конвенционализма и социальным конструктивизмом размывания границ между идеологией и социальным знанием *большую опасность* представляет вторая из отмеченных тенденций. Из этого следует, что различение «вариативного» (социально-исторического) и «инвариантного» (парадигмального) в исследованиях идеологий нуждается в новом концептуальном обосновании.

4. Проблема типологии идеологий. Признание необходимости различать два аспекта идеологии, два ракурса ее рассмотрения актуализирует проблему оснований выделения «базовых» идеологий (идеологических парадигм). Какой критерий должен быть взят за основу типологии идеологий? Искомая типология не может отталкиваться от спекулятивно постулируемых «ценностей» или мировоззренческих «принципов»⁸. Однако полный отказ от поиска

⁸ Следует отметить, что в современных политических исследованиях наиболее распространенным остается подход, в рамках которого идеологии различают по их базовым ценностям. Например, различие между либерализмом и консерватизмом (или либерализмом и социализмом) объясняется тем, что эти идеологии выстраивают различные иерархии политических ценностей, по-разному отвечают на вопрос, какие ценности являются исходными, а какие – производными (см.: [Feldman 2003; Шестопал 2014]).

общего знаменателя содержательно вариативных идеологических позиций, учений и доктрин неизбежно заводит теорию идеологий в тупик социального конвенционализма («консерватизм есть то, что люди, интересующиеся политикой, считают консерватизмом» и т.д.).

Признание необходимости выделять «инвариантное» в многообразии политической жизни выдвигает на первый план вопрос о том, в каком дисциплинарно-методологическом и понятийно-терминологическом контексте можно обосновать типологию идеологий, которая избегает крайностей спекулятивного догматизма и конвенционализма.

5. В качестве частного случая проблемы типологии идеологий следует рассмотреть **проблему объяснения ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации групп и индивидов**. Вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что социальные субъекты могут заблуждаться как относительно собственной идеологической идентичности (ошибочная самоидентификация), так и относительно идентичности других субъектов. Так, индивид, который в политической жизни руководствуется либеральным пониманием свободы, государства и права, одновременно может считать себя консерватором и идентифицировать свою идеологическую идентичность как «консервативную» (возможен – и, пожалуй, даже более распространен – обратный пример). Данную проблему порождает методологическая ограниченность конвенционалистского и социологического понимания категории «знание». В горизонте конвенционализма мнение субъекта могут признать ошибочным на том основании, что оно расходится с господствующим, общим, «усредненным» пониманием того, что такое «консерватизм» и «либерализм». Здесь необходимо спросить: может ли общее и усредненное понимание быть ошибочным? Оставаясь в границах социологической трактовки знания и идеологии, на данный вопрос можно дать однозначно отрицательный ответ. Не лишаются ли в этом случае такие термины, как «идеология», «либерализм», «консерватизм» не только универсального (внеконтекстуального) значения, но и вообще какого-либо смысла? Не становятся ли они «означающими без означаемого»?

Дальнейшие рассуждения будут направлены на обоснование тезиса о том, что обозначенные проблемы могут продуктивно обсуждаться в методологическом и терминологическом контексте разработанной Ю.М. Лотманом семиотической теории культуры.

Семиотическую трактовку культуры Лотмана неоднократно анализировали как отечественные [Егоров 1999; Чередниченко 2001; Волкова 2002; Автономова 2009], так и зарубежные [Andrews 2003; Ким Су Кван 2003; Waldstein 2008; Монтичелли 2012] ученые. Она хорошо изучена и востребована в современных социальных и культурологических исследованиях. Кратко остановимся лишь на тех ее положениях, которые позволяют прояснить указанные проблемы и наметить пути их решения.

1. Неустрашимый плюрализм и «полиглотизм» культуры. Принцип языкового плюрализма проявляется на всех уровнях семиотического анализа культуры. «Ситуация множественности языков, – отмечал Лотман, – исходна, первична» [Лотман 2010а, 13]. Различные языки культуры «как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в “одной плоскости”, образуя в ней внутренние границы» [Лотман 2010а, 13]. Положение о множественности сосуществующих, накладывающихся друг на друга и/или граничащих друг с другом языков культуры – не просто эмпирическая констатация. Оно приобретает характер фундаментальной методологической презумпции: «Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир» [Лотман 2010а, 13].

Методологический плюрализм лотмановской концепции культуры обусловлен тем обстоятельством, что «единственное явление не может иметь своеобразие, которое требует хотя бы двух сопоставляемых систем» [Лотман 1992б, 388].

2. Культурная коммуникация как пересечение семиотических границ и поиск общего языка. В рамках полиглотической модели культуры пересматривается одно из ключевых понятий социально-гуманитарных наук – понятие коммуникации. Коммуникация более не предполагает наличия одного, общего для коммуницирующих сторон, языка, напротив – именно ситуация изначального многоязычия делает коммуникацию возможной и необходимой. Всякая коммуникация – не что иное, как выход вовне, за границы наличного языка, коммуникация предполагает переход семиотической границы (см. [Демин 2018]).

3. Перевод как универсальный компонент человеческого мышления. Любая форма знаковой коммуникации предполагает и включает в себя акт перевода, который Лотман определяет как «элементарный акт мышления» [Лотман 1996, 193].

Семиосферу характеризует не только множественность языков, но и их принципиальная разнородность. Языки культуры различны по своей природе, происхождению, семантическим, синтаксическим и прагматическим параметрам. Соотношение разнородных языков семиосферы Лотман толкует и описывает в терминах теории перевода. Диапазон возможных способов соотнесенности языков простирается от полной взаимной переводимости до полной непереводимости. Данные модели взаимоотношений языков находятся на противоположных полюсах, и в реальной культурной коммуникации они никогда не реализуются в чистом виде⁹. Принципиально, что понятие перевода оказывается ключевым не только для описания языков внутри одной культуры, но и для прояснения соотношения символических универсумов разных культур. Оппозицию семиотического и несемиотического (внеязыкового) Лотман заменяет оппозицией переводимого и непереводимого¹⁰.

4. Соотношение языка и текста. В семиотике культуры Лотмана различаются две модели, которые по-разному описывают соотношение языка и текста. В моделях культурной коммуникации, которые тяготеют к полюсу полной взаимопереводимости (ситуация, характерная для искусственных языков), язык предшествует тексту, а текст представляется манифестацией возможностей наличной языковой системы. На противоположном полюсе (полная взаимонепереводимость), к которому тяготеют «поэтические» языки, соотношение языка и текста переворачивается. Отправным пунктом здесь становится уже не язык, но текст. Последний всегда «богаче и сложнее любого из языков, поскольку представляет собой устройство, в котором сталкиваются и соплагаются языки» [Лотман 2010б, 582]. Текст культуры здесь выступает как «резерв полиглотизма» и генератор не только новых культурных смыслов, но и новых языков¹¹.

5. Язык и метаязык. Всякая культура продуцирует не только гетерогенные языки и тексты, но и метаязыки. Посредством метаязыков культура осуществляет саморефлексию, генерирует самоописания и самообъяснения: «Каждый вид культуры создает свою концепцию культурного развития, то есть типологию культуры» [Лотман 1992б, 386]. Метаязыки составляют «необходимое условие семиотического функционирования» языковых систем. «Только с их помощью системы сознают себя и осознают себя как целостности»

⁹ Ситуацию абсолютной тождественности языка (кода), делающую перевод избыточным, и ситуацию абсолютной непереводимости, делающую перевод невозможным, следует рассматривать как два противоположных полюса, между которыми локализуется все многообразие коммуникативных культурных практик.

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Франк 2012]. Если воспользоваться терминологическим различием, которое Ю. В. Шатин, вслед за Д. Дили, проводит между «семиотикой» и «семиологией», то окажется, что для семиотической модели культуры Лотмана в большей степени подходит термин «семиология» (см.: [Шатин 2015, 13; Дили 2014]).

¹¹ Общая семиотическая закономерность, работающая на всех уровнях языкового общения, состоит в том, что чем более чужды друг другу языки, чем более они разнородны, тем потенциально больший новаторский эффект может быть достигнут в результате перевода.

[Лотман 2010б, 588]. Функция метаязыковых структур состоит в том, что они доорганизуют «гетерогенный семиотический мир, частично переводя его на свой язык, частично исключая из своих пределов» [Лотман 2010б, 588]¹².

В данном пункте становится отчетливо видна центральная методологическая проблема, с которой сталкивается семиотическая теория культуры. С одной стороны, метаязык (язык описания) не может быть «отделен от языка культуры того общества, к которому принадлежит сам исследователь» [Лотман 1992б, 387], а потому составляемая им типология всегда «характеризует не только описываемый им материал, но и культуру, к которой он принадлежит» [Лотман 1992б, 387]. С другой стороны, в семиотике культуры выдвигается задача создания «единообразной системы метаязыка, которая ни для одной из частей описания не совпадала бы с языком объекта (как это имело место во всех предшествующих типологиях культуры, в которых язык последнего синхронного среза культуры неизменно выступал в качестве метаязыка всего описания)» [Лотман 1992б, 388].

Научная типология не может обойтись без выделения универсалий культуры, а последние, в свою очередь, предполагают такой метаязык, который не совпадает с языком изучаемого объекта. Лотман предпринимает попытку построения такого метаязыка на основе пространственных моделей, в частности, аппарата топологии. Он исходит из того, что «всякая модель культуры может быть описана в пространственных терминах» [Лотман 1992б, 406]. Различные типы культур по-разному структурируют пространство, генерируют несовпадающие (или даже несовместимые) пространственные структуры картины мира. Общим для них, однако, остается то обстоятельство, что их можно описать и соотнести при помощи пространственных (или квазипространственных) терминов и семантических оппозиций («внешнее – внутреннее», «мы – они», «верх – низ», «центр – периферия», «организованное – неорганизованное» и т.д.).

Следует остановиться на еще одном принципиальном положении семиотики культуры. Согласно Лотману, «чем глубже ситуация неперевода между двумя языками, тем острее потребность в общем для них метаязыке, который перекидывал бы между ними мост, способствуя установлению эквивалентностей» [Лотман 1992а, 169]. Таким метаязыком может быть только язык самой семиотики культуры, который стремится отыскать инвариантное в вариативном, соотнести внешне различные, но структурно изоморфные феномены. Означает ли сказанное, что семиотика выводит собственный язык и используемую понятийную сетку за пределы культуры и истории? На данный вопрос следует ответить отрицательно в связи с тезисом о том, что метаязыковые (в том числе типологические) описания культуры не имеют внешний характер по отношению к «тексту культуры», их генерирует сама культура, они – ее неотъемлемые структурные компоненты. Однако Лотман не делает из данного положения релятивистских выводов. Семиотика культуры не предполагает уравнивания когнитивного статуса всех типов метаязыков и «постмодернистского» низведения науки до уровня одной из «культурных практик», одного из многих языков описания (см. [Кнабе 1995]). Научное (семиотическое) описание культуры, основанное на применении понятийного аппарата топологии, обладает «привилегированным» эпистемологическим статусом, поскольку оно, удерживая реальные различия языков, позволяет в то же время отвергнуть релятивистскую идею о несоизмеримости (абсолютной непереводаемости) культур.

Теперь можно обратить внимание на то, какой смысл приобретает каждая из обозначенных проблем современной теории идеологий в контексте семиотики культуры.

¹² Подробнее о категории «самописание» в семиотике Лотмана см. [Монтичелли 2012].

1. Осмысление проблемы идентификационных критериев идеологии в культурно-семиотической оптике предполагает сопоставление идеологических и неидеологических (например, научных, религиозных) способов концептуализации политики.

Отталкиваясь от идеи неустранимого языкового плюрализма культуры, можно заключить, что идеологию в любую историческую эпоху ее развития нельзя рассматривать в качестве единственного источника политических смыслов, единственно возможной модели политической реальности. Идеология может быть господствующим способом концептуализации политической жизни, но она никогда не выступает единственным «кодом доступа», который раскрывает измерение политики. Данное замечание позволяет, помимо прочего, понять сущностно исторический характер самого феномена идеологии, идеологического моделирования социальной действительности. Наряду с идеологией существуют (по крайней мере потенциально, в качестве непроявленных возможностей) иные способы концептуализации политики (мифология, религия, наука). Выявление идентификационных критериев (то есть семиотической специфики) идеологии возможно не иначе как через ее сопоставление с иными «символическими формами» культуры.

2. Проблему когнитивного статуса идеологии и «общего знания» в горизонте культурно-семиотического подхода можно частично прояснить путем введения понятия «фоновая идеология».

Приведем некоторые примеры функционирования фоновой идеологии. Современная теория государства и права, а также и современная политология в значительной мере опираются на идеологические презумпции классического либерализма (принцип разделения властей, равенство всех перед законом, идея неотъемлемых прав человека, различение «демократических», «авторитарных» и «тоталитарных» политических режимов и т.д.) и используют язык либеральной идеологической парадигмы в качестве идеологически нейтрального метаязыка [Демин 2017]. Не менее яркие примеры подмены научных терминов идеологическими концептами можно обнаружить и в языке советского обществознания. Однако из того, что некоторые свойственные идеологиям презумпции в определенном историческом контексте большинство (или даже все члены общества, включая специалистов в области социальных наук) начинают рассматривать в качестве самоочевидных аксиоматических истин, не следует, что они утрачивают свой специфически идеологический характер. Не всякий комплекс представлений, функционирующий в культуре в качестве «общего знания», можно признать идеологически нейтральным. Однако различие между идеологизированным и неидеологизированным общим знанием ускользает от теории идеологии, ориентированной на конвенционалистскую трактовку категории знания.

Феномен «фоновой идеологии» репрезентирует важную черту, присущую идеологическому способу моделирования социальной действительности в целом. Любая идеология имплицитно тяготеет к отождествлению собственного языка с метаязыком политики, то есть языком политической науки¹³. Идеология не только «картографирует» территорию политического, но и генерирует самоописания и описания иных, альтернативных идеологий. «Чужие» идеологии непрестанно «перетолковываются» на языке своей. В структуру всякой идеологии встроена такой механизм «перевода». Проблема соотношения идеологии и общего знания в контексте семиотически ориентированной теории приобретает центральное значение и трансформируется в проблему перевода (с языка одной идеологической парадигмы на язык другой)¹⁴.

¹³ В этой связи идеология может быть охарактеризована как квази-наука, а язык идеологии – как квазинаучный.

¹⁴ Вопрос о возможности, специфике и критериях успешности перевода текстов с языка одной идеологической парадигмы на язык другой заслуживает отдельного рассмотрения. Выскажем лишь некоторые предва-

3. Проблема различения социально-исторического и парадигмального аспектов функционирования идеологии в оптике культурно-семиотического подхода можно описать при помощи терминов «язык», «текст», «дискурс».

Термин «идеологическая парадигма» в контексте семиотического подхода указывает на «твердое ядро» политического языка, фиксирует те смыслы, которые не находят адекватного выражения в языковом пространстве альтернативной идеологической модели.

Всякий значимый идеологический текст (политический трактат, манифест) использует ресурсы идеологических парадигм, принимая тот или иной язык в качестве базового или проводя их «синтез». В свою очередь политические тексты способны трансформировать существующие – и даже порождать новые – политические языки.

Важно подчеркнуть, что различие между социально-историческим и парадигмальным аспектами идеологии в горизонте культурно-семиотической теории нельзя свести к традиционному различению двух уровней функционирования идеологического сознания – «массового», который изучают в рамках социологии и социальной психологии, и «философско-теоретического», рассматриваемого в контексте истории политических учений и «истории понятий». Если понимать под идеологической парадигмой упорядочивающую схему социальной реальности, структуру политического универсума, а не просто набор фундаментальных политических убеждений, окажется, что парадигмальный аспект имплицитно присутствует на всех уровнях политической жизни и политического действия. Он присутствует в том числе и в дорефлексивных практиках повседневной жизни, а не только в теоретических трактатах по философии политики.

4. Различие между идеологическими парадигмами в оптике семиотики культуры предстает как различие в способах структурирования политического пространства. Идеологические парадигмы (либерализм, социализм, консерватизм) репрезентируют различные модели социальной действительности («социальные онтологии»), каждая из которых по своему «картографирует» территорию политического. Границы и ориентиры, которые представляются наиболее значимыми в рамках одной идеологической парадигмы, могут оказаться второстепенными или вовсе незначительными в контексте другой. Здесь можно воспользоваться аналогией с географическими картами. Идеологические парадигмы можно уподобить различным типам географических карт (физические, демографические, климатические). Развивая данную аналогию, стоит отметить, что карты одного типа могут иметь разный масштаб, и наоборот, разнотипные карты могут быть одномасштабными.

Содержательные различия между идеологическими парадигмами нельзя свести к различиям в построении иерархии политических ценностей (свобода, равенство, справедливость, собственность, толерантность и т.п.). Различия ценностных ориентаций, на которых традиционно акцентируют внимание политические науки, являются производным. Исходными же представляются различия в идеологическом структурировании социальной действительности, стратегиях ее интерпретации. Иными словами, политическая аксиология всегда имплицитно отсылает к политической онтологии и эпистемологии. В данной особенности, по мнению автора, и состоит одно из наиболее значимых открытий современной семиотически ориентированной теории идеологии.

рительные соображения в этой связи. Всякая базовая идеология имеет склонность подводить альтернативные и враждебные ей идеологические модели под общий знаменатель, сближать их, видеть в них лишь количественные, а не качественные различия. Так, в оптике либерализма коммунистические, социалистические, фашистские идеологические доктрины подводятся под общий знаменатель «коллективистского, закрытого общества». Марксистская идеологическая парадигма отрицает (или, по крайней мере, преуменьшает, затушевывает) принципиальные мировоззренческие различия между консервативными политическими теориями и либерализмом («буржуазной» идеологией).

5. Проблема ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации, в конечном счете, сводится к построению семиотически корректной типологии идеологий, основанной на выявлении инвариантных, парадигмальных идеологических структур в многообразии политических дискурсов. Феномен ошибочной идеологической идентификации и самоидентификации можно объяснить тем обстоятельством, что структуры идеологии (базовые презумпции, семантико-аксиологические оппозиции, правила интерпретации) на уровне массовой политики, как и структуры языка на уровне повседневного словоупотребления, по большей части остаются скрытыми и непрозрачными.

Вывод заключается в том, что значение семиотики культуры Ю.М. Лотмана для политических наук состоит в возможности зафиксировать и описать семиотическое единство и в то же время неустранимое языковое многообразие политической семиосферы. Контекст семиотики культуры позволяет раскрыть семантическую специфику, присущую идеологическому способу моделирования социальной действительности в целом, и в то же время выработать аппарат сравнительного описания различных идеологических моделей (фоновых идеологий).

В отличие от ряда постструктуралистских (Р. Барт) и постмарксистских (Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижек) направлений, также ориентированных на анализ языка идеологий, семиотика культуры Лотмана препятствует размыванию границ между идеологией и наукой, смещению и сплавлению политических исследований с политической практикой – иными словами, она позволяет избежать релятивистских следствий того, что в постметафизической философии именуется «практическим поворотом».

Описание семантического поля политики с помощью терминов «граница», «перевод», «метаязык» позволяет если не разрешить, то, по крайней мере, обойти проблему референции (соотношения политического языка и политической реальности), которая была камнем преткновения для большинства философско-политических теорий XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономова Н.С. (2009) Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: РОС-СПЭН. 192 с.
- Бурсевич В.В. (2002) Критический и нейтральный подходы к исследованию идеологии: сравнительный анализ // Вестник ПГУ. Серия. Гуманитарные науки. № 1. С. 95–100.
- Волкова Е.В. (2002) Пространство символа и символ пространства в работах Ю. М. Лотмана // Вопросы философии. № 11. С 149–164.
- Демин И.В. (2015) Проблема соотношения идеологии и науки в современной эпистемологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 146–153. DOI: 10.5862/JHSS.215.19
- Демин И.В. (2017) Критика идеологии прав человека в политической философии Алена де Бенуа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». № 2. С. 81–96.
- Демин И.В. (2018) Понятие границы в семиотике культуры Ю.М. Лотмана // Ярославский педагогический вестник. № 3. С. 243–249. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10085.
- Дили Д. (2014) Литературная семиотика и доктрина знаков // Критика и семиотика. № 1. С. 18–29. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22307057_98185555.pdf).
- Егоров Б.Ф. (1999) Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М.: Новое литературное обозрение. 384 с.
- Ким Су Кван (2003) Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». М.: Новое литературное обозрение. 176 с.
- Кнабе Г.С. (1995) Знак. Истина. Круг (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) // В: Лотмановский сборник. Т. 1. М.: «ИЦ – Гарант». С. 266–278.

Лотман Ю.М. (1992а) Риторика // В: Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллин: «Александра». С. 167–183.

Лотман Ю.М. (1992б) О метаязыке типологических описаний культуры // В: Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Таллин: «Александра». С. 386–406.

Лотман Ю.М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры. 464 с.

Лотман Ю.М. (2010а) Культура и взрыв // В: Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ. С. 12–148.

Лотман Ю.М. (2010б) Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // В: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ. С. 580–589.

Малинова О.Ю. (2003) Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. № 4. С. 8–30. (<https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ideologii-v-sovremennyh-politicheskikh-issledovaniyah/viewer>).

Монтчелли Д. (2012) Самоописание, диалог и периферия у позднего Лотмана // Новое литературное обозрение. № 3. С. 40–55. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18756/).

Мусихин Г.И. (2011) Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. № 5. С. 128–144. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16985221_87570016.pdf).

Мусихин Г.И. (2012) Идеология и культура // Полис. Политические исследования. № 1. С. 53–62. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17282447_76802041.pdf).

Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: Коллективная монография (2018) Отв. ред. И.В. Демин. Самара: Самар. гуманитар. акад. 270 с.

Соловьев А.И. (2001) Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. № 2. С. 5–23. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078458_59223916.pdf).

Франк С.К. (2012) Взрыв как метафора культурного семиозиса // Новое литературное обозрение. № 3. С. 12–30. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18754).

Чердниченко И.В. (2001) Структурно-семиотический метод Тартуской школы: Монография. СПб.: Золотой век. 200 с.

Шагин Ю.В. (2015) Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // Критика и семиотика. № 2. С. 10–17. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24357903_39463632.pdf).

Шестопал Е.Б. (2014) Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. Политические исследования. № 2. С. 61–71. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21262670_43446175.pdf).

Andrews E. (2003) Conversations with Lotman: Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition. Toronto: University of Toronto Press. 204 p.

Balkin J.M. (1998) Cultural Software: A Theory of Ideology. New Haven: Yale University Press. 335 p.

Feldman S. (2003) Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes // In: Oxford Handbook of Political Psychology. Oxford: Oxford University Press. Pp. 477–508.

Freeden M. (1996) Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press. 603 p.

Geertz C. (1964) Ideology as a Cultural System // In: Ideology and Discontent. Ed(s): D. Apter. New York: Free Press. Pp. 47–76.

Waldstein M. (2008) The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics. Saarbrücken: VDM Muller. 219 p.

REFERENCES

- Andrews E. (2003) *Conversations with Lotman: Cultural Semiotics in Language, Literature, and Cognition*. Toronto: University of Toronto Press. 204 p.
- Avtonomova N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* [Open Structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow: ROSSPEN. 192 p.
- Balkin J.M. (1998) *Cultural Software: A Theory of Ideology*. New Haven: Yale University Press. 335 p.
- Bursevich V.V. (2010) Kriticheskiy i neytral'nyy podkhody k issledovaniyu ideologii: sravnitel'nyy analiz [Critical and Neutral Approaches to the Study of ideology: A Comparative Analysis]. *Vestnik PGU*. no. 1, pp. 95–100.
- Cherednichenko I.V. (2001) *Strukturno-semioticheskiy metod Tartuskoj shkoly* [Structural-Semiotic Method of the Tartu School]. Saint-Petersburg: Zolotoj vek. 200 p.
- Demin I.V. (2015) Problema sootnosheniya ideologii i nauki v sovremennoy epistemologii [The Problem of the Correlation between Ideology and Science in Modern Epistemology]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. no. 1, pp. 146–153. DOI: 10.5862/JHSS.215.19.
- Demin I.V. (2017) Kritika ideologii prav cheloveka v politicheskoy filosofii Alena de Benua [Criticism of the Ideology of Human Rights in the Political Philosophy of Alain de Benoît]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoy akademii*. no. 2, pp. 81–96.
- Demin I.V. (2018) Ponyatie granitsy v semiotike kul'tury Yu.M. Lotmana [The Concept of Boundaries in Lotman's Semiotics of Culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik*. no. 3, pp. 243–249. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10085.
- Dili D. (2014) Literaturnaya semiotika i doktrina znakov [Literary Semiotics and the Doctrine of Signs]. *Kritika i semiotika*. no. 1, pp. 18–29. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22307057_98185555.pdf).
- Egorov B.F. (1999) *Zhizn' i tvorchestvo Yu. M. Lotmana* [The Life and Work of Yu. M. Lotman]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.
- Feldman S. (2003) Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. In: *Oxford Handbook of Political Psychology*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 477–508.
- Frank S.K. (2012) Vzryv kak metafora kul'turnogo semiozisa [Explosion as a Metaphor for Cultural Semiosis]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. no. 3, pp. 12–30. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18754).
- Freeden M. (1996) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford University Press. 603 p.
- Geertz C. (1964) Ideology as a Cultural System. In: *Ideology and Discontent*. Ed(s): D. Apter. New York: Free Press. Pp. 47–76.
- Kim Su Kvan (2003) *Osnovnye aspekty tvorcheskoy evolyutsii Yu. M. Lotmana: «ikonichnost'», «prostranstvennost'», «mifologichnost'», «lichnostnost'»* [The Main Aspects of the Creative Evolution of Yu. M. Lotman: “Iconicity”, “Spatiality”, “Mythologicity”, “Personality”]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 176 p.
- Knabe G.S. (1995) Znak. Istina. Krug (Yu. M. Lotman i problema postmoderna) [Sign. Truth. Circle (Yu. M. Lotman and the Postmodern Problem)]. In: *Lotmanovskiy sbornik*. vol. 1. Moscow: «IC – Garant». Pp. 266–278.
- Lotman Yu.M. (1992a) Ritorika [Rhetoric]. In: Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. Vol. 1. Tallinn: «Aleksandra». Pp. 167–183.
- Lotman Yu.M. (1992b) O metazyazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury [On the Metalanguage of Typological Descriptions of Culture]. In: Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. Vol. 1. Tallinn: «Aleksandra». Pp. 386–406.
- Lotman Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. 464 p.

Lotman Yu.M. (2010a) Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. In: Lotman Yu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. Pp. 12–148.

Lotman Yu.M. (2010b) Mozg – tekst – kul'tura – iskusstvennyy intellekt [Brain – Text – Culture – Artificial Intelligence]. In: Lotman Yu.M. *Semiosfera*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. Pp. 580–589.

Malinova O.Yu. (2003) Kontsept ideologii v sovremennykh politicheskikh issledovaniyakh [The Concept of Ideology in Contemporary Political Studies]. *Politicheskaya nauka*. no. 4, pp. 8–30. (<https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ideologii-v-sovremennyh-politicheskikh-issledovaniyakh/viewer>).

Montichelli D. (2012) Samoopisanie, dialog i periferiya u pozdnego Lotmana [Self-Description, Dialogue and Periphery in the Late Lotman]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. no. 3, pp. 40–55. (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/115_nlo_3_2012/article/18756).

Musikhin G.I. (2011) Diskursivnyy analiz ideologii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Discourse Analysis of Ideologies: Opportunities and Limitations]. *Polis. Political Studies*. no. 5, pp. 128–144. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16985221_87570016.pdf).

Musikhin G.I. (2012) Ideologiya i kul'tura [Ideology and Culture]. *Polis. Political Studies*. no. 1, pp. 53–62. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17282447_76802041.pdf).

Semioticheskiy povorot v sotsial'no-gumanitarnom poznanii: istoki, predposylki, kul'turnyy kontekst [Semiotic Turn in Social and Humanitarian Knowledge: Origins, Prerequisites, Cultural Context] (2018) Ed(s): I.V. Demin. Samara: Samar. Gumanit. Akad. 270 p.

Shatin Yu.V. (2015) Semiotika vs semiologiya: k voprosu o polnote znakovoy teorii [Semiotics vs Semiology: About Completeness of the Theory of Signs]. *Kritika i semiotika*. no. 2, pp. 10–17. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24357903_39463632.pdf).

Shestopal E.B. (2014) Tsennostnye kharakteristiki rossiyskogo politicheskogo protsessa i strategiya razvitiya strany [Value Characteristics of the Russian Political Process and the Country's Development Strategy]. *Polis. Political Studies*. no. 2, pp. 61–71. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21262670_43446175.pdf).

Solovyev A.I. (2001) Politicheskaya ideologiya: logika istoricheskoy evolyutsii [Political Ideology: The Logic of Historical Evolution]. *Polis. Political Studies*. no. 2, pp. 5–23. (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078458_59223916.pdf).

Volkova E.V. (2002) Prostranstvo simvola i simvol prostranstva v rabotakh Yu. M. Lotmana [The Space of the Symbol and the Symbol of Space in the Works of Yu. M. Lotman]. *Voprosy filosofii*. no. 11, pp. 149–164.

Waldstein M. (2008) *The Soviet Empire of Signs: A history of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken: VDM Muller. 219 p.

Информация об авторе

Демин Илья Вячеславович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Адрес: ул. Московское шоссе, д. 34, Самара, 443086. E-mail: ilyadem83@yandex.ru

About the author

Ilya V. Demin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Samara National Research University Address: 443086, Samara, Moskovskoye shosse Street, 34. E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 31.01.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 04.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 11.05.2022

DOI: 10.31857/S0869049922030030
EDN: EWNGZC

Оригинальная статья / Original Article

Роль фрейминга в конструировании имиджа региона (на материалах Томской области)¹

© И.А. БРОННИКОВ, М.С. НАЗАРОВА

Бронников Иван Алексеевич, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), i.a.bronnikov@polit.msu.ru. ORCID: 0000-0002-8277-0839

Назарова Мария Сергеевна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), nazarova.mari1997@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4691-8936

В статье рассмотрен процесс формирования имиджа региона с использованием технологии фрейминга на примере Томской области. Цель работы – выявить особенности применения указанной технологии при конструировании имиджа субъекта РФ в региональных и федеральных СМИ. В рамках исследования раскрыта сущность понятия «имидж региона», а также рассмотрены поэтапное разделение процесса его конструирования и способы использования фрейминга в нем. В результате проведенного контент- и фрейм-анализа определены сильные и слабые стороны в сформированных региональных конструктах. Полученные в исследовании данные позволили, с одной стороны, раскрыть характерные черты созданных конструктов Томской области, с другой – дать ряд рекомендаций региональным и федеральным органам власти для уточнения внутри- и внешнеполитической стратегии позиционирования области.

Ключевые слова: имидж региона, фрейм, фрейминг, Томская область, СМИ, медийное пространство

Цитирование: Бронников И.А., Назарова М.С. (2022) Роль фрейминга в конструировании имиджа региона (на материалах Томской области) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 35–49. DOI: 10.31857/S0869049922030030, EDN: EWNGZC

¹ Благодарность. Исследование выполнено в рамках Программы развития междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Acknowledgment. The study was conducted within the framework of the Program for the Interdisciplinary Scientific and Educational School Development of Lomonosov Moscow State University “Protection of the International Cultural and Historical Heritage”.

The Role of Framing in Constructing the Image of a Region (a case-study of the Tomsk region)

© I. BRONNIKOV, M. NAZAROVA

Ivan A. Bronnikov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), i.a.bronnikov@polit.msu.ru. ORCID: 0000-0002-8277-0839

Mariia S. Nazarova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), nazarova.mari1997@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4691-8936

Abstract. The article discusses the process of forming the image of a region using framing technology in a case-study of the Tomsk region. The aim of the study was to identify the features of the technology's application in the image building of a constituent entity of the Russian Federation in regional and federal media. Within the framework of the article the essence of the concept «image of the region», the stage-by-stage division of this process as well as the ways of using framing were revealed. As result of the content and frame analysis, strengths and weaknesses in the formed regional constructs were identified. The conclusions allowed, on the one hand, to reveal the characteristic features of the created constructs of the Tomsk region, and, on the other one, to give several recommendations to regional and federal authorities to clarify the internal and foreign policy strategy for positioning the region.

Keywords: the image of the region, frame, framing, Tomsk region, mass media, media space

Citation: Bronnikov I., Nazarova M. (2022) The Role of Framing in Constructing the Image of a Region (a case-study of the Tomsk region). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 35–49. DOI: 10.31857/S0869049922030030, EDN: EWNGZC

Введение

В настоящее время медийное пространство постоянно расширяет свои границы и зачастую имеет большее значение, чем физические характеристики политического объекта. Именно поэтому сегодня искусственно созданные конструкты, в частности имидж и фрейм, представляют собой необходимый элемент выстраивания политической коммуникации. Следует отметить, что сейчас названные феномены могут играть гораздо более значимую роль, чем физическое измерение выбранного политического объекта. В связи с чем исследования, посвященные раскрытию сущности фрейма и имиджа, представляются в достаточной степени актуальными как для политологического сообщества, так и для практической составляющей.

Данная тенденция характерна для всех объектов политического мира, и административно-территориальные единицы – не исключение. Для России эта особенность играет достаточно существенную роль в связи с обширностью территории государства. СМИ выступают единственным оптимальным инструментом «знакомства» большей части населения страны с другими субъектами федерации. Соответственно, необходимо тщательно анализировать этапы конструирования представления о территориях разного уровня.

В социальных науках понятие «фрейм» появилось благодаря работе Г. Бейтсона «Теория игры и фантазии» 1955 г. В данной статье автор в качестве примера приводил свой опыт похода в зоопарк, где обезьяны играли в драку, то есть действия приматов были идентичны конфликтной ситуации, однако сами участники понимали игровой характер ситуации. Исследователь ввел термин метакоммуникации, в который и вошла передача сигналов, способная идентифицировать ту или иную ситуацию. По Г. Бейтсону, фрейм –

это контекст ситуации, который позволяет определить ее сущность, при этом данная ситуация, вероятнее всего, носит обыденный, повседневный характер [Bateson 1987].

В политической коммуникативистике популярно определение, которое предложили У. Гамсон и А. Модильяни. В их понимании фрейм – это основная идея текста либо сюжета в средствах массовой информации, содержащая суть главного «сюжета информационного сообщения» [Gamson, Modigliani 1989, 143]. Таким образом, можно говорить о том, что в данном случае речь идет не столько об отражении тех или иных событий, сколько о том, что СМИ создают фрейм, в который обязательно закладывают такие характеристики, как субъективность и своего рода «фильтрация», поскольку данный процесс либо акцентирует внимание на каких-либо аспектах, либо сглаживает нелицеприятные моменты.

Соотношение понятий «имидж региона» и «фрейминг»

Исследователи уделяют особое внимание имиджу территории, а также структуре и факторам, влияющим на процесс его конструирования, что находит свое отражение в следующих работах: Ф. Котлер «Маркетинг мест» [Kotler 2005], С. Анхольт «Конкурентная идентичность: новый бренд-менеджмент для стран, городов и регионов» [Anholt 2006], Д.П. Гавра «Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве» [Гавра 2013], статьи И.А. Василенко [Василенко 2016], Т.П. Лебедевой [Лебедева 2011], Ю.В. Тарановой [Таранова 2010], А.А. Осетровой [Осетрова 2006] и т.д.

Переходя к проблеме фреймов и процессу их конструирования, стоит отметить, что данное понятие используют во многих дисциплинах, соответственно, существует большое количество его определений, которые представили Г. Бейтсон [Bateson 1987], И. Гофман [Гофман 2004], М. Минский [Минский 1979], Д. Шен и М. Райан [Rein, Schön 1996], У. Гамсон и А. Модильяни [Gamson, Modigliani 1989]. Достаточно подробно сущность понятия «фрейм» раскрыли в своих работах М. Коринг и Дж. Мэттс [Kohring, Matthes 2008], Р.М. Энтман [Entman 1993], К.Х. де Вриз, Х.А. Семетко и Дж. Питер [de Vreese, Peter, Semetko 2001], Г.С. Батыгин [Батыгин 2001], О.В. Павлова [Павлова 2008], Т. Аалберг [Aalberg 2011], Б. Бругман, К. Бюргерс и Г. Стин [Brugman, Burgers, Steen 2017]. Более того, исследователи М. ван Хульст и Д. Яноу [ван Хульст, Яноу 2011], Дж. Дракман [Druckman 2004] и Р. Слотуус [Slothuus 2008] обстоятельно описали технологию фрейминга.

В целом существуют четыре уровня позиционирования региона, в зависимости от которых необходимо применять технологии, ориентированные на разные группы аудитории. Первый уровень – внутреннее позиционирование, направленное на жителей региона: для успешной реализации внутривнутриполитического имиджа необходимы мероприятия и работа СМИ, потребителями которых становятся население региона. Второй – макрорегиональный уровень, нацеленный на усиление позиции субъекта в рамках административно-территориального деления государства. Здесь основными потребителями имиджа будут жители близлежащих регионов. Третий уровень – национальное позиционирование, при котором представление о регионе продвигают на федеральном уровне. Четвертый уровень – международный: позиционирование осуществляется за пределами государства [Панкрухин 2006]. Для позиционирования на последних двух уровнях нужна не только эффективная стратегия продвижения региона на заданных рынках, но и существенные ресурсы для ее реализации.

Также сейчас не существует единого мнения по поводу структуры имиджа региона, то есть сформировались разные подходы к определению его компонентов. Например, Ю.В. Таранова выделяет следующие элементы: политический, географический, инвестиционный, социально-экономический, туристический, спортивный и научный [Таранова 2010, 15].

Ряд исследователей разделяют все компоненты регионального имиджа на инвариантные и вариативные [Пашикина 2012, 64]. Первые характеризуются относительной устойчивостью, слабыми изменениями в течение времени, а также одинаковым восприятием среди всех групп населения (географическое положение). Вторые, в свою очередь – это черты региона, которые имеют динамичный характер и трансформируются даже за короткий промежуток времени (демографические и экономические показатели и ресурсы).

Свое видение структуры имиджа региона предлагает И.В. Логунцова, которая выделяет концептуальную, деятельностную, личностную и атрибутивную составляющие [Логунцова 2011, 31–32]. Концептуальная компонента наиболее важна, поскольку она представляет собой яркую характеристику региона, которую последний тиражирует. Деятельностная характеристика включает в себя событийный ряд, ориентированный на формирование позитивного имиджа. Личностный компонент связан с персоналиями, которые ассоциируются с данной территорией либо выступают в роли ее лица. В свою очередь, атрибутивная характеристика представляет собой не просто символику места, но и различные информационные каналы, которые также позволяют обеспечить позитивное позиционирование территории.

Существует большое количество технологий формирования имиджа политического объекта: аудиовизуальная и печатная реклама, наружная реклама, распространение сувенирной продукции, взаимодействие в онлайн-пространстве, PR-мероприятия, фрейминг и др. [Анохин, Гришин 2012, 121].

Переходя к рассмотрению концепции фрейминга, следует отметить, что данная технология расширяет теорию установления повестки дня, поскольку заостряет внимание на сущности вопросов, но не на конкретной теме. В основе фрейминга лежит смещение агентами или СМИ фокуса внимания аудитории на определенные события и помещение их в заданное смысловое поле, то есть данная технология представляет собой конкретный способ обработки информации.

В качестве примера использования технологии фрейминга можно привести исследование фрейма России в СМИ Германии. Авторы И.В. Кокурина и Н.Ю. Хорецкая пришли к выводу, что немецкой аудитории навязывают образ России, используя фреймы войны, диктатуры, опасности и прочих негативно окрашенных категорий. В частности, заголовок статьи о футбольных болельщиках был сформулирован следующим образом: «Война, кажется, переместилась на улицы российских городов», что уже закладывает в образ России характеристики угрозы, агрессии и жестокости [Кокурина, Хорецкая 2018, 61].

Технология фрейминга не ограничивается медийным пространством. Она также находит свое применение как метод налаживания коммуникации во всех сферах жизни общества. Исследователи выделяют следующие виды фрейминга [Пономарев 2016]:

- интерактивный фрейминг – выстраивание субъектами деятельности коммуникации по поводу какой-либо ситуации, паттерна ее осмысления и необходимых действий со стороны всех участников;
- мотивационный фрейминг – стимулирование лидерами членов группы для обеспечения слаженных действий коллектива путем принятия единых ценностей, норм и целей;
- проблемный фрейминг – определение причинно-следственных связей, оценка текущей ситуации, объяснение и прогноз возможных сценариев развития ситуации и предложение актору действий для разрешения какого-либо спорного вопроса или проблемы;
- медиа-фрейминг – конструирование и распространение искусственно созданных рамок в медийном пространстве для влияния на частоту употребления, качество и способы трансляции проблемных тем и иных смысловых блоков, наполняющих контент СМИ;

- фрейминг новостей – конструирование и употребление журналистским сообществом уже существующих медиа-фреймов и стереотипов о текущих проблемах и спорных вопросах.

Все виды фрейминга в некоторой степени взаимосвязаны и тесно переплетаются в случае, если проблема какой-либо сферы жизни общества затрагивает большую часть населения территории. Именно поэтому, несмотря на доминирующую роль СМИ в процессе конструирования фреймов, нельзя забывать и о социальных практиках применения названной технологии.

Исходя из всего вышесказанного, фрейминг можно определить как процесс отборки некоторых элементов воспринимаемой индивидом реальности и выстраивание повествования, подчеркивающего взаимосвязь данных элементов, которая способствует определенной интерпретации. Таким образом, фрейминг представляет собой технологию конструирования сценария типичной деятельности, основанной, с одной стороны, на практике, с другой – на ее в разной степени искажениях.

Процесс конструирования имиджа региона не может быть непродуманным, поэтому очевидно, что его необходимо разделить на определенные стадии [Таранова 2010, 16]. Во-первых, необходимо определить как целевую аудиторию, так и ее ожидания, которые касаются позиционирования территории. Данный этап важен, поскольку в будущем имидж региона не должен вызывать отторжения у потребителей, на которых он был нацелен. Во-вторых, следует выделить существующие или вымышленные специфические черты региона, на которых можно построить узнаваемый имидж. Третий этап характеризуется сопоставлением реальной ситуации в регионе, действительных его характеристик с ожиданиями аудитории и разрабатываемой концепцией регионального имиджа, поскольку при большом расхождении данных черт конструируемое позиционирование может быть малоэффективно. На четвертом этапе определяют наиболее действенные каналы коммуникации. На пятом – разрабатывают стратегию регионального имиджа в соответствии с мнением аудитории, экспертов, властей и т.д. На последнем этапе определяют эффективность сконструированного образа региона в соответствии с выбранными критериями. В качестве данных критериев могут выступать повышение инвестиционной привлекательности, эффективное позиционирование первых лиц региона как политиков не только регионального, но и федерального уровней, а также проведение мероприятий международного характера, которые пользовались бы большой популярностью среди иностранцев, российских туристов и федеральных властей.

Поскольку фрейм представляет собой определенную рамку, через которую могут отражаться объекты окружающего мира, исследователи считают основными функциями фрейминга и его конечного результата обозначение проблемы, поиск причин, дискуссии по заданному вопросу, а также попытки решения найденной трудности [Павлова 2008, 26]. Кроме вышеперечисленных функций, исследователи также выделяют вынесение морального суждения о причинах, последствиях и самой проблеме [Entman 1993], что, на взгляд авторов, крайне важно, поскольку транслируемые мнения оказывают достаточное влияние и на общественное мнение. Таким образом, технология фрейминга может быть встроена в процесс конструирования имиджа региона на этапе соотнесения реальных характеристик и черт, ожидаемых потребителями конструкта, причем сам фрейм будет представлять собой сценарий повседневной региональной деятельности, куда входят такие элементы, как место действия, актер, основное действие и причинно-следственные связи. Фрейминг, в свою очередь, выступает в качестве технологии конструирования названного феномена.

В рамках проводимого исследования под имиджем региона авторы понимают искусственно сформированное, но поддающееся влиянию внешней среды представление

аудитории о территории, которое базируется на чувственно-эмоциональном восприятии потребителей, носит исключительно субъективный характер и включает в себя исторические, социокультурные, социально-экономические, политические и другие уникальные характеристики региона [Василенко 2016, 69].

Методология

Цель исследования – выявить особенности применения технологии фрейминга в процессе конструирования регионального имиджа на разных уровнях. Для исследования была выбрана Томская область как представитель «среднестатистического» российского региона. Названный субъект РФ достаточно удален от федерального центра, этнически однороден и на протяжении нескольких лет находится в середине рейтинга социально-экономического развития, отличаясь высокой политической устойчивостью. По мнению авторов, в стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 г. уделяется недостаточное внимание вопросам позиционирования региона: документ, который определял бы вектор формирования имиджа области, отсутствует. Безусловно, существуют органы власти, занимающиеся вопросами регионального продвижения и взаимодействия со СМИ (пресс-центр Администрации Томской области, департаменты инновационной политики и внутренней политики и др.), которые способствуют формированию позитивного имиджа.

Исходя из того, что сегодня большинство традиционных СМИ имеют соответствующие страницы в интернете, для исследования были отобраны основные российские и томские медиа-ресурсы: «ТАСС», «РИА Новости», «РИА Томск» и «ТВ2». Перечисленные ресурсы являются наиболее посещаемыми в своих категориях. Хронологические рамки исследования берут начало с 2017 г., что обусловлено проходившими губернаторскими выборами. Публикации отбирались по релевантности по тегу «Томская область».

По мнению авторов, для анализа интернет-СМИ можно применять модель массовой коммуникации Г. Лассуэлла, которая состоит из таких элементов, как источник информации, сообщение, канал передачи информации, получатель и эффект названного воздействия [Юферева 2017, 292]. В рамках проведенного исследования данную модель совместили с теорией фреймов. Соответственно, для передаваемого сообщения необходимо отвечать на вопрос «Что здесь должно происходить?», то есть в данный сценарий закладывается место действия, актер, основное действие и – в ряде случаев – причинно-следственные связи. Соответственно, фрейм-анализ будет основан на рассмотрении названного сценария, в то время как в рамках контент-анализа будут раскрыты характеристики, которыми наполняется данный сценарий. В качестве единицы контент-анализа было выбрано слово.

Конструирование имиджа и фрейма Томской области в региональных СМИ

Рассмотрев теоретические основы конструирования имиджа территории и регионального фрейма, можно перейти к анализу данных феноменов в Томской области. Помимо имиджевых характеристик, будут выделены структурные элементы фрейма: «верхний» слой, включающий в себя место действия, субъект действия и само действие, и «нижний» слой, представляющий собой причинно-следственные связи.

Для позиционирования Томской области в местных СМИ характерно усредненное представление: в публикациях регион разнопланово, но все же сохраняется своего рода обыкновение и типичность российского региона. В таблице 1 представлены элементы «верхнего» слоя фрейма Томской области, формируемого региональными СМИ.

Фрейм Томской области в региональных СМИ

The frame of the Tomsk region in the regional media

Характер элементов по отношению к региону Элементы сценария	Внешние	Внутренние
Ключевые места	Субъекты РФ, Китай, мероприятия федерального и международного уровней (например, Санкт-Петербургский экономический форум)	Томск, Северск, региональные мероприятия (например, форум «U-Novus»)
Актеры	В.В. Путин, Правительство РФ, М.В. Мишустин, «Газпром», «Ростелеком»	С.А. Жвачкин, Администрация Томской области, томские ВУЗы
Действие	Конкуренция с другими субъектами РФ	Развитие региона путем получения средств из федерального бюджета

Переходя к «нижнему» слою фрейма Томской области, можно отметить, что в качестве причин ключевого действия, выступают, с одной стороны, коронавирусная инфекция, которая, по мнению авторов, помешала региональным органам власти в полной мере выполнить свои социально-экономические обязательства перед федеральным центром и населением². С другой стороны, немаловажную роль отводят и огромному потенциалу, который позволяет региону конкурировать с наиболее развитыми в той или иной сфере субъектами РФ³. В обоих случаях затрагиваются качественные характеристики Томской области, которые либо успешно воплощаются, либо по каким-либо обстоятельствам остаются нераскрытыми. В зависимости от выбора причины представляется возможным выделить два наиболее отчетливо различимых последствия. Во-первых, если речь идет о коронавирусе как основной тормозящей силе изменений, то действие, описанное в статье, приведет к улучшению текущей ситуации⁴. Во-вторых, реализация потенциала региона положит начало новым достижениям Томской области в социально-экономической, туристической, научной и иных сферах⁵. Таким образом, вне зависимости от причин ключевого действия его следствия будут положительно влиять на жизнь в регионе.

Имиджевые характеристики, конструируемые интернет-СМИ Томской области, были поделены на четыре группы. Большая часть региональных черт носит качественный характер, то есть отражает реально существующие аспекты региона. В рамках данной группы можно выделить особую значимость следующих категорий: «научно-образовательная

² Томская область в 2020 г. не выполнила план по нацпроектам на 1 млрд руб. РИА Томск. 2020. (<https://clck.ru/UFw4U>).

³ Томская область входит в число регионов Сибири с низким уровнем безработицы. ТВ2. 2020. (<https://clck.ru/UFwPP>).

⁴ Томская область улучшила позиции в рейтинге регионов по качеству жизни. ТВ2. 2020. (<https://clck.ru/UFwJn>).

⁵ Томская область вошла в краеведческий проект «Золотое кольцо Сибири». РИА Томск. 2018. (<https://clck.ru/UFwEU>).

сфера), «медицина», «инновационный», «крупные инвестиционные проекты», «технологичный» и «нефтяной»). Можно сделать вывод о представлении региона как интеллектуального центра Сибири с развитой экономической сферой, что в целом создает благоприятное впечатление о Томской области для ее жителей.

Второй по упоминаемости группой имиджевых характеристик стали черты, отражающие уровень деятельности актора: федеральный или региональный. К первой категории относятся следующие описания: «российский», «федеральный», «национальный» и «государственный». В свою очередь, вторая категория характеризуется таким понятийным аппаратом, как «региональный», «областной», «местный» и «муниципальный». Данное разделение позволяет более четко обозначить степень взаимозависимости центра и региона, которая формируется в рамках публикуемых материалов. В случае с Томской областью существенный перекоп в ту или иную сторону не отмечен, соответственно, в региональный имидж закладываются сбалансированные отношения федерального центра и субъекта РФ.

Далее по степени упоминания идет блок, связанный с оценочными суждениями. Сюда включены характеристики, которые должны вызывать эмоциональный отклик у читателя. Существенное внимание уделяется указанию на то, что регион является первым в какой-либо деятельности («новый», «пилотный»). Более того, отмечается и его успешное продвижение во многих сферах («передовой», «конкурентный», «эффективный», «лидирующий»), что в совокупности формирует представление о регионе-первопроходце, который успешно справляется с поставленными задачами. Тем не менее, необходимо отметить, что характеристик, вызывающих эмоциональный отклик у потребителя, может быть недостаточно, поэтому важно более тщательно прорабатывать сочетание качественных и оценочных черт.

Менее всего употребляется блок характеристик, связанных с географическим положением региона. В данном случае акцент был сделан на описании региона как «сибирского» и «таежного». В целом для внутривнутриполитического имиджа региона это представляется достаточным, поскольку потребители осведомлены, в какой части России они находятся.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внутривнутриполитический имидж и фрейм Томской области не имеют ярко выраженного системного характера, но СМИ выстраивают их в большей степени непротиворечиво, отражая сильные стороны субъекта и не в критической степени прикрывая неудачи региона, что необходимо для успешного формирования названных конструктов.

Перед томскими ресурсами встает задача раскрывать события внутри субъекта РФ более подробно, несколько сокращая упоминания других регионов в своих материалах. На взгляд авторов, тематические блоки выделены удачно, однако следует больше внимания уделять экологии и туризму как наиболее перспективным с точки зрения имиджевой стратегии направлениям. Качественные характеристики, транслируемые региональными СМИ, эффективны для рассмотренных конструктов, однако необходимо предлагать больше положительных оценочных суждений для эмоционального отклика аудитории.

Имидж и фрейм Томской области в федеральных СМИ

Переходя к рассмотрению созданных конструктов Томской области в российских СМИ, стоит сказать о том, что регион, который находится в середине федеральных рейтингов по социально-экономическому развитию, не представлен в достаточной степени ярко на данном уровне. Тем не менее, публикации посвящают наиболее значимым региональным событиям, которые влияют не только на население Томской области, но и на всю Сибирь – а в ряде случаев и на Россию в целом. В таблице 2 представлена структура «верхнего» слоя регионального фрейма в федеральных СМИ.

Фрейм Томской области в федеральных СМИ

The frame of the Tomsk region in Russian media

Характер элементов по отношению к региону Элементы сценария	Внешние	Внутренние
Ключевые места	Регионы Сибири (Новосибирская, Омская, Кемеровская области, Республика Алтай)	Томск, Северск, Асино, Колпашево
Актеры	Бизнес-структуры («Газпром», «Росатом»)	С.А. Жвачкин, Администрация Томской области, правоохранительные органы, томские ВУЗы
Действие	Сотрудничество области с коммерческими структурами и другими субъектами РФ	Преступления и происшествия в регионе

В «нижнем» слое фрейма Томской области наиболее часто причиной действия становятся ранее подписанные соглашения, которые в настоящее время расширяют⁶. Подобным образом СМИ раскрывают потенциал региона и показывают его как стабильного и экономически выгодного партнера. Кроме того, немаловажной причиной действия выступает выяснение обстоятельств преступлений⁷, поскольку в контексте одного из обозначенных ключевых действий это необходимо для удержания внимания потребителя. Не удивляют и следствия, вызванные ключевыми действиями: с одной стороны, это дальнейшее взаимодействие с экономическими партнерами и федеральными органами власти⁸, с другой – расследование и выяснение обстоятельств дела⁹. Данная ситуация не позволяет сделать вывод об устойчивом фрейме Томской области в российских СМИ, так как существенная его часть так или иначе связана с происшествиями, которые представляются очень нестабильным и нецелесообразным фактором в формировании регионального имиджа – даже несмотря на то, что в настоящее время происшествия укоренились в сценарии региональной деятельности.

Имиджевые характеристики, формируемые российскими СМИ, также были разделены на четыре группы. Как и в случае с региональными медиа, наиболее часто употребляются реальные черты Томской области. По мнению авторов, к ним относятся такие категории, как «информационный», «научный», «политически устойчивый», «медицина», «технологичный» и «уголовное дело». Если исключить последнее понятие, то можно сделать вывод, что федеральные интернет-ресурсы стремятся показать субъект РФ как высоко-

⁶ «Газпром нефть» расширит пул поставщиков продукции томских производителей. ТАСС. 2017. (<https://tass.ru/ekonomika/4304749>).

⁷ В Томской области загорелась пилорама. РИА Новости. 2019. (<https://clck.ru/UGRvu>).

⁸ Власти: «дорожные карты» помогают профилактике производственных травм в Томской области. ТАСС. 2017. (<https://tass.ru/inotomsk/4453565>).

⁹ Число погибших при пожаре в Томской области увеличилось до 10 человек. РИА Новости. 2020. (<https://clck.ru/UGSFw>).

развитый с технологической точки зрения регион, сочетающий в себе политическую стабильность и интеллектуальный потенциал. Однако бесконечные следственные мероприятия снижают привлекательность конструируемого имиджа, подогревая при этом интерес к происходящему в Томской области.

Вторая по частоте упоминания группа обозначает уровень деятельности: региональный или федеральный. К первому относились такие описания, как «региональный», «областной», «муниципальный» и «местный», ко второму – «национальный», «российский», «федеральный» и «государственный». В рамках данной группы имиджевых характеристик сформировался своего рода баланс, которого не хватало во фрейме Томской области при описании отношений «центр-регион», соответственно, данные характеристики в этом случае крайне важны.

Группа оценочных характеристик региона несколько трансформировалась в федеральных СМИ по сравнению с местными, поскольку здесь нашли свое отражение не только положительные качества, но и отрицательные. Безусловно, первых несколько больше («профессиональный», «новейший», «крупнейший» и «современный»), однако вторые более эмоционально окрашены («опасный», «чрезвычайный», «аномальный», «тяжелый»). Подобное шаткое равновесие может быть нарушено любой неосторожной характеристикой, опубликованной в российских СМИ.

В качестве черт, связанных с географическим положением региона, было выделено только определение «сибирский», других характеристик Томской области по заданному параметру обнаружено не было. В целом для российского населения этого может быть достаточно, поскольку более точное расположение может только запутать потребителя имиджа, что негативно скажется на сформированном конструкте.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что фрейм и имидж Томской области в федеральных СМИ сконструированы крайне противоречиво и бессистемно, что приводит к неэффективности сформированных феноменов. В данном случае необходимо прорабатывать каждый конструкт более тщательно, поскольку имиджевые характеристики не могут полностью заменять элементы фрейма. Например, в выстраивании позиционирования отношений «центр-регион» недостаточно работать только с региональным имиджем. Соответственно, перед федеральными СМИ встает задача выстраивания непротиворечивости как внутри конструктов, так и между ними.

Федеральные СМИ в процессе конструирования фрейма Томской области отличаются повышенным вниманием к городам и районам на территории рассматриваемого региона, что позволяет говорить об отсутствии отождествления субъекта РФ и его столицы. Кроме того, в материалах отмечается существенный перекокс в сторону исполнительной власти, которая представляется единственным сильным актором на региональной политической арене. Также, по мнению авторов, установился достаточно шаткий баланс между положительными и отрицательными имиджевыми характеристиками. Соответственно, для формирования более привлекательного имиджа Томской области федеральным медиа необходимо сместить акцент в сторону таких позитивных характеристик, как высокий уровень образования, науки и цифровизации региона.

Выводы

В результате проведенного исследования можно дать ряд рекомендаций органам власти Томской области и федерального уровня, которые позволят более эффективно выстраивать имидж региона с помощью технологии фрейминга.

Подводя итоги, можно отметить, что в настоящее время Томская область – в большей степени среднестатистический сибирский регион – имеет недостаточно привлекательный

имидж во всех категориях СМИ, поскольку у него отсутствует четкая имиджевая стратегия. Одновременно во фрейм введены крайне противоречивые характеристики. Соответственно, технология фрейминга также реализуется бессистемно, несмотря на ее огромный потенциал.

Перед органами власти Томской области встает ряд задач, выполнение которых будет способствовать формированию более привлекательного внутривластного имиджа. Следует начать с того, что аудитория не знает о крупных событиях регионального и федерального уровня, поскольку данную тему местные СМИ освещают достаточно плохо. Безусловно, существует ряд событий – например, «U-Novus» – которым медиа уделяют внимание, однако подобных единичных случаев недостаточно. Соответственно, необходимо выделять финансирование из областного бюджета на организацию и освещение разного рода мероприятий, которые представляют интерес для внутренней аудитории. Кроме того, Томская область известна высоким уровнем образования и научного потенциала, однако данные темы широко не освещаются. Для потребителя конструктивно важно понимать, какими характеристиками наделяется регион, поэтому данную проблему можно решить через названные мероприятия, которые могут иметь научно-образовательную или культурную направленность. Также можно отметить, что региональные СМИ большое внимание уделяют иным субъектам РФ вместо того, чтобы обозначить связь с федеральным центром. В данном случае региональной власти необходимо более четко прорабатывать линию взаимодействия с центром и ясно доносить ее до потребителя. Более того, существуют такие проекты, как «Золотое кольцо Сибири» и «Умный город», которые представляются достаточно перспективными как для социально-экономической сферы, так и для их встраивания в имиджевую стратегию. Однако им уделяют небольшое внимание, поскольку региональные органы власти недостаточно заинтересованы в реализации названных проектов, что необходимо исправить.

Для позиционирования Томской области на федеральном уровне также характерна оторванность региона от центра из-за не вполне понятной российской аудитории линии взаимодействия «центр-регион». Отсюда вытекает и некоторая идеализация областной политической системы, что в условиях игнорирования таких событий, как «отравление» А. Навального, формирует представление, не соответствующее реальному положению дел. Именно поэтому федеральным органам власти необходимо в некоторой степени смягчить цензурирование, поскольку подобными «пробелами» в информационном поле часто пользуются зарубежные медиа, что, в свою очередь, негативно влияет на имидж Томской области в иностранных государствах. Кроме того, региональным и федеральным органам власти необходимо организовать мероприятия соответствующего уровня на территории Томской области, так как и в российских, и в зарубежных медиа отмечается недостаток событий, способных заинтересовать потребителя. Отрицательно на формировании имиджа и фрейма Томской области сказывается большое количество упоминаний местных происшествий, которые аудитория может находить занятыми, но они не формируют благоприятное впечатление о регионе. В свою очередь, отсутствие иного контента неизбежно приводит к появлению негативных имиджевых характеристик, что возможно исправить научными мероприятиями и туристическими событиями.

Соответственно, необходимо выстраивать более тесное и открытое взаимодействие политической сферы со СМИ, поскольку именно последние влияют на то, какую информацию получает потребитель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анохин М.Г., Гришин О.Е. (2012) Имидж, авторитет и репутация политика: технологии формирования // В: Сборники конференций НИЦ «Социосфера». С. 119–123.
- Батыгин Г.С. (2001) Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 5–24.
- Бронников И.А., Горбачев М.В. (2020) Протестный потенциал самоорганизации граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 5. С. 23–35.
- ван Хульст М., Яноу Д. (2011) Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1–2. С. 87–113.
- Василенко И.А. (2016) Возможности инновационных технологий территориального брендинга для формирования современного имиджа российских регионов // Власть. № 1. С. 68–73.
- Василенко И.А., Егорова А.Н. (2019) Особенности формирования социально-политической концепции «умного города» в регионах России (на примере Сарова, Елабуги, Сочи) // Государственное управление. Электронный вестник. № 77. С. 188–211.
- Гавра Д.П., Таранова Ю.В. (2013) Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве: учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций.
- Гофман И. (2004) Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН.
- Казаков А.А. (2015) Теория установления повестки дня VS фрейминг: к вопросу о соотношении подходов // Политика. № 1 (76). С. 103–113.
- Кокурина И.В., Хорецкая Н.Ю. (2018) Манипулятивный потенциал фрейма при создании образа России в немецкоязычных СМИ // Политическая лингвистика. № 5 (71). С. 59–63.
- Котлер Ф. (2005) Маркетинг мест. СПб.: Питер.
- Лебедева Т.П. (2011) Имидж государства в мировом политическом пространстве: структурные модели формирования // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). № 1. С. 13–28.
- Логунцова И.В. (2011) Имидж российских территорий как объект управления // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). № 1. С. 29–38.
- Минский М. (1979) Фреймы для представления знаний. М.: Энергия.
- Осетрова А.А. (2006) Имидж региона: формула успеха // Publicity. № 1. С. 18–22.
- Павлова О.В. (2008) Проблема разграничения фрейминга и других когнитивных механизмов интерпретации дискурса // Вестник ТГУ. № 6. С. 24–27.
- Панкрухин А.П. (2006) Маркетинг территорий. СПб.: Питер.
- Пашкина Т.А. (2012) Понятие «имидж территории» в современной науке и практике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. № 2. С. 63–66.
- Пономарев Н.Ф. (2016) Коммуникационный менеджмент власти. Институциональные теории и дискурсивные практики: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука.
- Таранова Ю.В. (2010) Формирование имиджа региона в условиях информационного общества: на примере Ленинградской области : Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб.
- Юферева А.С. (2017) Средства массовой информации как институт политической коммуникации в условиях интернета // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Т. 2. № 3. С. 286–296.
- Aalberg T. (2011) The Framing of Politics as Strategy and Game: A Review of Concepts, Operationalizations and Key Findings // Journalism. No. 13 (2). Pp. 162–178.
- Anholt S. (2006) Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London: Palgrave Macmillan.

- Bateson G. (1987) A Theory of Play and Fantasy // In: Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind*. Northvale. Pp. 183–198.
- Brugman B., Burgers C., Steen G. (2017) Recategorizing Political Frames: A Systematic Review of Metaphorical Framing in Experiments on Political Communication // *Annals of the International Communication Association*. Vol. 41. No. 2. Pp. 181–197.
- de Vreese C.H., Peter J., Semetko H.A. (2001) Framing Politics at the Launch of the Euro: A Cross-National Comparative Study of Frames in the News // *Political Communication*. No. 18 (2). Pp. 107–122.
- Druckman J.N. (2004) Political Preference Formation: Competition, Deliberation, and the (Ir)relevance of Framing Effects // *American Political Science Review*. Vol. 98. No. 4. Pp. 671–686.
- Entman R.M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. No. 43(4). Pp. 51–58. (https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/30920539/framing.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAIWOWYYGZ2Y53UL3A&Expires=1552657727&Signature=nFKwN9jsYzDF7bexZeud0tqrwVo%3D&response-content-disposition=inline%3B%20filename%3DFraming_Toward_Clarification_of_a_Fracture.pdf).
- Entman R.M. (2007) Framing Bias: Media in the Distribution of Power // *Journal of Communication*. No. 57. Pp. 163–173.
- Gamson W.A., Modigliani A. (1989) The Changing Culture of Affirmative Action // *Research in Political Sociology*. No. 3. Pp. 137–177.
- Kohring M., Matthes J. (2008) The Content Analysis of Media Frames: Toward Improving Reliability and Validity // *Journal of Communication*. Vol. 58. Issue 2. Pp. 258–279.
- Rein M., Schön D. (1996) Frame-Critical Policy Analysis and Frame-Reflective Policy Practice // *Knowledge and Policy: The International Journal of Knowledge Transfer and Utilization*. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–104.
- Slothuus R. (2008) More Than Weighting Cognitive Importance: A Dual-Process Model of Issue Framing Effects // *Political Psychology*. Vol. 29. Issue 1. Pp. 1–28.

REFERENCES

- Aalberg T. (2011) The Framing of Politics as Strategy and Game: A Review of Concepts, Operationalizations and Key Findings. *Journalism*. no. 13 (2), pp. 162–178.
- Anholt S. (2006) *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. London: Palgrave Macmillan.
- Anohin M.G., Grishin O.E. (2012) Imidzh, avtoritet i reputaciya politika: tekhnologii formirovaniya [Image, Authority and Reputation of a Politician: Formation Technologies]. In: *Conference collections RPC «Sociosphere»*. Pp. 119–123.
- Bateson G. (1987) A Theory of Play and Fantasy. In: Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind*. Northvale. Pp. 183–198.
- Batygin G.S. (2001) Kontinuum frejmov: dramaturgicheskij realizm Irvinga Gofmana [Continuum of Frames: Dramatic Realism by Irving Hoffmann]. *RUDN Journal of Sociology*. no. 2, pp. 5–24.
- Bronnikov I.A., Gorbachev M.V. (2020) Protestnyj potencial samoorganizacii grazhdan v usloviyah stanovleniya novyh informacionnyh institutov i mediastruktur [Protest Potential of Citizens' Self-Organization in the Context of the Emergence of New Information Institutions and Media Structures]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. no. 5, pp. 23–35.
- Brugman B., Burgers C., Steen G. (2017) Recategorizing Political Frames: A Systematic Review of Metaphorical Framing in Experiments on Political Communication. *Annals of the International Communication Association*. vol. 41, no. 2, pp. 181–197.

de Vreese C.H., Peter J., Semetko H.A. (2001) Framing Politics at the Launch of the Euro: A Cross-National Comparative Study of Frames in the News. *Political Communication*. no. 18 (2), pp. 107–122.

Druckman J.N. (2004) Political Preference Formation: Competition, Deliberation, and the (Ir)relevance of Framing Effects. *American Political Science Review*. vol. 98, no. 4, pp. 671–686.

Entman R.M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. no. 43(4), pp. 51–58. (https://s3.amazonaws.com/academia.edu.documents/30920539/framing.pdf?AWSAccessKeyId=AKIAIWOWYYGZ2Y53UL3A&Expires=1552657727&Signature=nFKwN9jsYzDF7bexZeud0tqrwVo%3D&response-content-disposition=inline%3B%20filename%3DFraming_Toward_Clarification_of_a_Fractured.pdf).

Entman R.M. (2007) Framing Bias: Media in the Distribution of Power. *Journal of Communication*. no. 57, pp. 163–173.

Gamson W.A., Modigliani A. (1989) The Changing Culture of Affirmative Action. *Research in Political Sociology*. no. 3, pp. 137–177.

Gavra D.P., Taranova Yu.V. (2013) *Imidj territorialnih subektov v sovremennom informacionnom prostranstve: ucheb. posobie* [The Image of Territorial Subjects in the Modern Information Space: A Study Guide]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, School of Journalism and Mass Communication.

Goffman E. (2004) *Analiz frejmov. Esse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institute of Sociology RAS.

Kazakov A.A. (2015) Teoriya ustanovleniya povestki dnya VS frejming: k voprosu o sootnoshenii podhodov [Agenda Setting Theory VS Framing: On the Question of Approaches Correlation]. *Politika*. no. 1 (76), pp. 103–113.

Kohring M., Matthes J. (2008) The Content Analysis of Media Frames: Toward Improving Reliability and Validity. *Journal of Communication*. vol. 58, issue 2, pp. 258–279.

Kokurina I.V., Horeckaya N.Yu. (2018) Manipulyativnyj potencial frejma pri sozdanii obraza Rossii v nemeckoyazychnyh SMI [Potentially Manipulative Frame in Creating the Image of Russia in the German Media]. *Political Linguistics*. no. 5 (71), pp. 59–63.

Kotler F. (2005) *Marketing mest* [Marketing of Places]. Saint Petersburg: Piter.

Lebedeva T.P. (2011) Imidj gosudarstva v mirovom politicheskom prostranstve: strukturnie modeli formirovaniya [Image of the State in the World Political Space: Structural Models of Formation]. *Moscow University Bulletin. Series 21. Management (State and Society)*. no. 1, pp. 13–28.

Loguntsova I.V. (2011) Imidzh rossijskih territorij kak ob»ekt upravleniya [Image of Russian Territories as an Object of Management]. *Bulletin of Moscow University. Series 21: Governance (state and society)*. no.1, pp. 29–38.

Minsky M. (1979) *Frejmy dlya predstavleniya znanij* [Frames for Representing Knowledge]. Moscow: Energy.

Osetrova A.A. (2006) Imidj regiona: formula uspeha [Image of the Region: A Formula for Success]. *Publicity*. no. 1, pp. 18–22.

Pankrukhin A.P. (2006) *Marketing territorij* [Territory Marketing]. Saint-Petersburg: Peter.

Pashkina T.A. (2012) Ponyatie «imidzh territorii» v sovremennoj nauke i praktike [The Concept of «The Image of a Territory» in Modern Science and Practice]. *Bulletin of the Saratov University. New series. Sociology series. Political science*. no. 2, pp. 63–66.

Pavlova O.V. (2008) Problema razgranicheniya frejminga i drugih kognitivnyh mekhanizmov interpretacii diskursa [The Problem of Distinguishing between Framing and Other Cognitive Mechanisms of Discourse Interpretation]. *TSU Bulletin*. no. 6, pp. 24–27.

Ponomarev N.F. (2016) *Kommunikacionnyj menedzhment vlasti. Institucional'nye teorii i diskursivnye praktiki: ucheb. posobie* [Communication Management of Power. Institutional Theories and Discursive Practices: A Study Guide]. Moscow: FLINT: Science.

Rein M., Schön D. (1996) Frame-Critical Policy Analysis and Frame-Reflective Policy Practice. *Knowledge and Policy: The International Journal of Knowledge Transfer and Utilization*. vol. 9, no. 1, pp. 85–104.

Slothuus R. (2008) More Than Weighting Cognitive Importance: A Dual-Process Model of Issue Framing Effects. *Political Psychology*. vol. 29, issue 1, pp. 1–28.

Taranova Yu.V. (2010) *Formirovanie imidzha regiona v usloviyah informacionnogo obshchestva: na primere Leningradskoj oblasti* [Formation of the Image of a Region in the Conditions of the Information Society: On the Example of the Leningrad Region]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Saint-Petersburg.

van Hulst M., Yanou D. (2011) Frejmy politicheskogo: ot frejm-analiza k analizu frejmirovaniya [Frames of the Political: From Frame Analysis to Framing Analysis]. *Russian Sociological Review*. vol. 10, no. 1–2, pp. 87–113.

Vasilenko I.A. (2016) Vozmozhnosti innovacionnyh tekhnologij territorial'nogo brendinga dlya formirovaniya sovremennogo imidzha rossijskih regionov [Possibilities of Innovative Technologies of Territorial Branding for the Formation of a Modern Image of Russian Regions]. *The Power*. no. 1, pp. 68–73.

Vasilenko I.A., Egorova A.N. (2019) Osobennosti formirovaniya social'no-politicheskoy koncepcii «umnogo goroda» v regionah Rossii (na primere Sarova, Elabugi, Sochi) [Features of the Formation of the Socio-Political Concept of a «Smart City» in the Regions of Russia (a case-study of Sarov, Yelabuga, Sochi)]. *E-journal. Public Administration*. no. 77, pp. 188–211.

Yufereva A.S. (2017) Sredstva massovoj informacii kak institut politicheskoy kommunikacii v usloviyah interneta [Mass Media as an Institution of Political Communication in the Context of the Internet]. *Bulletin of Tatishchev Volga University*. vol. 2, no. 3, pp. 286–296.

Информация об авторах

Бронников Иван Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Москва, 119192. E-mail: i.a.bronnikov@polit.msu.ru

Назарова Мария Сергеевна, магистр политологии, аспирант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Москва, 119192. E-mail: nazarova.mari1997@mail.ru

About the authors

Ivan A. Bronnikov, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Address: 119192, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4. E-mail: i.a.bronnikov@polit.msu.ru

Mariia S. Nazarova, Master (Political Science), Postgraduate Student, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Address: 119192, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4. E-mail: nazarova.mari1997@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.10.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 20.02.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 28.02.2022

DOI: 10.31857/S0869049922030042
EDN: EWNTXM

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА WORLD ECONOMY

Оригинальная статья / Original Article

Мировая торговля и международные морские перевозки в условиях новых геоэкономических рисков

© О.Н. БАБУРИНА, Г.В. КУЗНЕЦОВА, Г.В. ПОДБИРАЛИНА, Е.В. ХЕКЕРТ

Бабурина Ольга Николаевна, ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова» (Новороссийск, Россия), olgababurina@mail.ru. ORCID 0000-0003-1618-0483

Кузнецова Галина Владимировна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва, Россия), gkuznet3@gmail.com. ORCID 0000-0001-5370-9732

Подбиралина Галина Викторовна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Москва, Россия), galvp@mail.ru. ORCID 0000-0002-1281-0508

Хекерт Евгений Владимирович, ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова» (Новороссийск, Россия), mail@nsma.ru. ORCID 0000-0003-0953-3949

В статье рассматриваются проблемы мировой торговли и международных морских перевозок в современных условиях, связанных с затянувшейся пандемией COVID-19, наращиванием санкций в отношении России со стороны недружественных стран, развитием цифровизации и усилением требований к экологизации судов. Ситуация в сфере морских перевозок существенно влияет на формирование мировых цен и условий международной торговли, 80% логистического обеспечения которой осуществляется морским транспортом. Внешнеторговые операции России в настоящее время сопровождаются повышенными рисками, к числу которых можно отнести факторы, связанные с принадлежностью части эксплуатируемых российских судов к иностранному флагу, их изношенностью, действием западных санкций и т.п. Показано, что высокие ставки тарифов на морские перевозки и сбои в работе морского транспорта в совокупности с геополитической напряженностью способны оказать негативное влияние на состояние морской хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: мировая торговля, морской транспорт, морской флот, международные морские перевозки, COVID-19, санкции

Цитирование: Бабурина О.Н., Кузнецова Г.В., Подбиралина Г.В., Хекерт Е.В. (2022) Мировая торговля и международные морские перевозки в условиях новых геоэкономических рисков // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 50–66. DOI: 10.31857/S0869049922030042, EDN: EWNTXM

World Trade and International Shipping under the Conditions of New Geo-Economic Risks

© O. BABURINA, G. KUZNETSOVA, G. PODBIRALINA, E. KHEKERT

Olga N. Baburina, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk, Russia), olgababurina@mail.ru, ORCID 0000-0003-1618-0483

Galina V. Kuznetsova, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), gkuznet3@gmail.com. ORCID 0000-0001-5370-9732

Galina V. Podbiralina, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia), galvp@mail.ru. ORCID 0000-0002-1281-0508

Evgeny V. Khekert, Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk, Russia), mail@nsma.ru. ORCID 0000-0003-0953-3949

Abstract. The article deals with the problems of world trade and international maritime transport in the context of modern risks associated with the COVID-19 pandemic, the increase in sanctions from unfriendly countries against Russia, the development of digitalization and growing requirements for the greening of ships. It is defined that the current imbalance of supply and demand in the field of maritime transport has a significant impact on the formation of world prices for international trade, 4/5 of the physical volume of which is carried out by sea transport. It has been determined that Russia's foreign trade transactions are currently carried out in a high-risk zone: in addition to global risks, there are internal risks associated with the majority of the deadweight of Russian ships belonging to a foreign flag, deterioration of ships, the effect of Western sanctions, etc. It is shown that high tariff rates for maritime transport and disruptions in the operation of maritime transport combined with geopolitical tensions can undermine the post-pandemic recovery of the entire global economic system.

Keywords: world trade, maritime transport, maritime fleet, international shipping, COVID-19, sanctions

Citation: Baburina O., Kuznetsova G., Podbiralina G., Khekert E. (2022) World Trade and International Shipping under the Conditions of New Geo-Economic Risks. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 50–66. DOI: 10.31857/S0869049922030042, EDN: EWNTXM

Не успело мировое сообщество заявить о преодолении последствий экономического спада 2020 г., вызванного пандемией COVID-19, и представить прогнозы на 2022 г.¹, как начались новые проблемы. Они были обусловлены вспышкой эпидемии в Китае и возможным спадом производства в нем, а главное – новыми антироссийскими санкциями со стороны недружественных ей стран, которые могут иметь экономическую проекцию на Пекин. Прогнозируется, что данные события могут оказать влияние на динамику, географию и структуру мировых товаропотоков и отразиться на характере перевозок внешнеторговых грузов. Тот факт, что 4/5 логистического обеспечения мировой торговли осуществляется морским транспортом, объясняет значимый интерес именно к этому виду грузоперевозок.

Поддержание достигнутых объемов мировой торговли зависит как от возможностей парка морских судов, так и от пропускной способности портовой инфраструктуры. В слу-

¹ World Economic Outlook Update. Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation. International Monetary Fund. January 2022. (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/01/25/world-economic-outlook-update-january-2022>).

чае сокращения этих возможностей возрастают размеры фрахтовых ставок и увеличивается время транспортировки грузов, что приводит к росту цен на мировых товарных рынках и к потерям для потребителей. Напротив, в случае их избытка и падения цен на перевозки убытки несут судовладельцы и операторы морских линий.

Следует учитывать, что строительство судов и портовых сооружений представляет собой высокотехнологичный и дорогостоящий процесс с длительными сроками окупаемости и экономическими рисками, который может оказывать определенное влияние на ценообразование в мировой торговле. Таким образом, исследование взаимосвязей развития мировой торговли и морского транспорта требует комплексного подхода и рассмотрения разновекторных факторов влияния. Это обстоятельство находит отражение в исследованиях по данной проблематике [Бабурина, Кондратьев 2016; Бабурина, Хекерт 2017], в том числе по вопросам воздействия цифровизации [Бабурина, Кузнецова 2020], а также угроз, связанных с обеспечением информационной безопасности [Бабурина, Гуриева 2019].

Пандемия COVID-19 изменила образ жизни мирового сообщества. «Отсутствие лекарства привело к тому, что основными методами борьбы с распространением заболевания стали массовый карантин и всеобщая самоизоляция, размеры которой достигли невероятного размаха. Глобальный мир... никогда не испытывал такого ограничения в свободе передвижения» [Громыко 2020].

Локдауны и ограничения в передвижениях отразились на всех сферах деятельности человечества. При этом при исследовании морского транспорта и международных морских перевозок возникают проблемы, связанные со сложностью сбора и сравнения информации [Поливач 2021]. С одной стороны, ряд показателей представляется в денежном выражении (экспорт и импорт товаров, стоимость фрахта), с другой стороны, используются натуральные показатели. В их числе грузооборот морских портовых операторов в тоннах или TEU²; дедвейт³ в тоннах; количество судов, зарегистрированных под национальным и иностранным флагом, и др. Кроме того, оценка данных по грузообороту усложняется тем, что имеющаяся информация не всегда однородна и сопоставима, поскольку большинство портов имеет государственно-частную форму.

В ходе приведенного ниже исследования использовались статистические данные, опубликованные в докладах Международного валютного фонда, ЮНКТАД⁴, информация агентства Drewry по мировому контейнерному индексу⁵ и данные других организаций.

² TEU (от англ. twenty-foot equivalent unit, двадцатифутовый эквивалент) – условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств. // Глоссарий терминов по грузоперевозкам, логистике, таможенному оформлению. 2004. (<http://law.niv.ru/doc/dictionary/customs-clearance/fc/slovar-196.htm#zag-157>).

³ Дедвейт (Deadweight) - полная грузоподъемность или максимальная подъемная способность судна, определяемая как разница между весовыми водоизмещениями судна с полным грузом и порожнего (т.е. масса корпуса со всеми механизмами, оборудованием и устройствами), или масса перевозимого груза, топлива, провизии, запасов, экипажа и (для морских судов) пресной воды, пассажиров с багажом. // Там же.

⁴ Обзор морского транспорта, 2019. ЮНКТАД. (https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_ru.pdf). Мировая торговля достигла рекордного уровня в 28,5 трлн долларов в 2021 году, но, вероятно, снизится в 2022 году. 17 февраля 2022. ЮНКТАД. (<https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-high-285-trillion-2021-likely-be-subdued-2022>).

⁵ Drewry World Container Index – 05 May. Drewry. 2022. (<https://www.drewry.co.uk/supply-chain-advisors/supply-chain-expertise/world-container-index-assessed-by-drewry>).

Мировой экономической рост и мировая торговля

По данным МВФ, в 2020 г. спад мирового ВВП составил 3,5%, наиболее сильно пострадали секторы транспорта, туризма и путешествий. В группе развитых стран его падение в среднем составило 4,7%, при этом в Австралии показатель достиг 2,5%, в США – 3,5%, Японии – 4,7%, в Европейском Союзе – 6,2%, в Соединенном Королевстве – 9,9% (чему также поспособствовал эффект от брекзита). В странах Африки, в силу меньшей развитости сектора услуг, снижение ВВП было не столь существенным – 1,8%. В странах Южной Америки, которые зависят от морской торговли, ВВП упал на 7,1%. В Азии, за счет результатов Китая (рост на 2,1%), общее снижение ВВП составило 1,8%. В Российской Федерации падение ВВП составило 3%⁶.

Мировая торговля отреагировала на пандемию падением в среднем на 5,4% (экспорт – 5,3%, импорт – 5,5%). Также как и падение мирового ВВП, объем спада торговли в разных странах был разным. В развитых странах экспорт упал на 6,7%, импорт – на 5,5%, в развивающихся показатели составили 2,3 и 5,2% соответственно.

С четвертого квартала 2020 г. началось медленное, но поступательное движение вверх всех макроэкономических показателей, и данные по 2021 г. выглядели позитивно. Прогнозы на 2022 г. были скромнее, однако по некоторым странам (например, Индия – 9,0%) – существенными (таб. 1). Появилась вероятность, что вызванный пандемией кризис в ближайшее время будет преодолен – в том числе благодаря росту применения новых технологий и продуктов вследствие цифровой трансформации экономики и общественной жизни.

В 2021 г. стоимостной объем мировой торговли составил 28,5 трлн долл., что превышает показатель 2020 г. на 25%, а показатель 2019 г. – на 13%⁷. Важно, что данный показатель продемонстрировал особенно высокий темп развития в четвертом квартале, что дало основание для оптимистических прогнозов на 2022 г. С опережением росла торговля в развивающихся странах – 30% за 2021 г. против 15% в группе развитых. Наиболее быстро возрастал объем взаимной торговли между развивающимися странами (Юг-Юг), темпы ее роста в 2021 г. достигли 32%⁸.

Одним из главных драйверов роста мировой торговли стал фактор роста на практически все сырьевые промышленные и сельскохозяйственные товары (рис. 1).

Максимальный рост торговли в 2021 г. отмечался в топливно-энергетическом, металлургическом и химическом секторах. В секторе готовой продукции, в торговле оборудованием связи, точными приборами и транспортными средствами рост замедлился по причине глобальной нехватки полупроводников. Помимо роста мировых цен, на динамике мировой торговли сказались такие факторы, как ослабление ограничений, связанных с пандемией, и компенсация отложенного спроса.

⁶ World Economic Outlook Update. Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation. International Monetary Fund. January 2022. (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/01/25/world-economic-outlook-update-january-2022>).

⁷ Мировая торговля достигла рекордного уровня в 28,5 трлн долларов в 2021 году, но, вероятно, снизится в 2022 году. ЮНКТАД. 17 февраля 2022. (<https://unctad.org/news/global-trade-hits-record-high-285-trillion-2021-likely-be-subdued-2022>).

⁸ Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

Таблица 1

Темпы роста ВВП по странам и регионам, %, прогноз на 2022 г.

Table 1

GDP growth rates by countries and regions, %, forecast for 2022

Страны и регионы /годы	2020	2021	2022*	2022**	2023**
Мир	-3,4	5,9	4,4	3,6	3,6
Страны с развитой экономикой	-4,5	5,0	3,9	3,3	2,4
США	-3,4	5,6	4,0	3,7	2,3
Зона евро	-6,3	5,2	3,9	2,8	2,3
Германия	-4,6	2,7	3,8	2,1	2,7
Япония	-4,6	1,6	3,3	2,4	2,3
Соединенное Королевство	-9,8	7,2	4,7	3,7	1,2
Канада	-5,3	4,7	4,1	3,9	2,8
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	-2,1	6,5	4,8	3,8	4,4
Китай	2,3	8,1	4,8	4,4	5,1
Индия	-7,3	9,0	9,0	8,2	6,9
Россия	-3	4,5	2,8	-8,5	-2,3
Бразилия	-4,1	4,7	0,3	0,8	1,4

*Прогноз, представленный в январе 2022 г.

**Прогноз, представленный в апреле 2022 г.

Источник: *World Economic Outlook Update. Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation. International Monetary Fund. January 2022.* (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/01/25/world-economic-outlook-update-january-2022>); *War Sets Back The Global Recover. International Monetary Fund. 2022.* (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>).

Source: *World Economic Outlook Update. Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation. International Monetary Fund. January 2022.* (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/01/25/world-economic-outlook-update-january-2022>); *War Sets Back The Global Recover. International Monetary Fund. 2022.* (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022>).

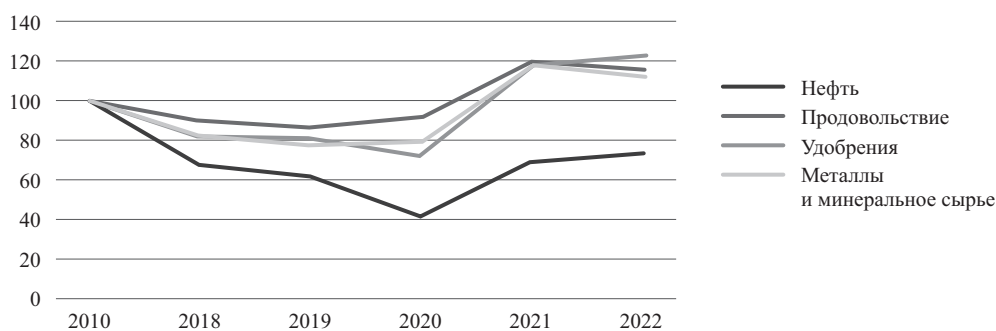

Рис. 1. Индексы цен на некоторые виды товаров, 2010 г. принят за 100

Figure 1. Price indices for some types of goods, 2010 = 100

Источник: *составлено по Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021.* (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf); *Global Trade. Updated. UNCTAD. February 2022.* (https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2021-update1_en.pdf).

Source: *compiled from Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021.* (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf); *Global Trade. Updated. UNCTAD. February 2022.* (https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2021-update1_en.pdf).

Главным сдерживающим фактором на пути восстановления мировой экономики и международной торговли оставалась неопределенность ситуации с COVID-19. Темпы вакцинации населения – особенно в бедных странах – были недостаточными для того, чтобы надеяться на скорое прекращение пандемии. Насчитывалось немало государств, где вакцину получила лишь десятая часть населения (Алжир – 12,5%, Ангола – 11,4%, Габон – 7,5%). В некоторых государствах были вакцинированы лишь 1-2% населения (Буркина-Фасо, Бенин, Йемен, Нигерия и т.д.). В целом в группе стран с низким уровнем доходов было вакцинировано только 7% населения, в то время как в развитых странах прививку от COVID-19 получили 75% жителей. Возможное распространение эпидемии чревато вводом новых ограничений на перемещения, нарушениями цепочек поставок и дальнейшим ростом цен на энергоресурсы и другие товары.

Введение санкций в отношении России стало дополнительным фактором нестабильности мировой экономики и торговли, воздействие которого оценить в настоящее время сложно. Несмотря на то, что доля России в мировом хозяйстве чуть выше 3%, а показатель Украины еще ниже – 0,41%, отношения между этими государствами и реакция на них со стороны других государств оказали существенное влияние на динамику и географию мировой торговли. Согласно докладу ЮНКТАД, опубликованному в конце марта 2022 г., главным риском конфликта и последовавших санкций стал беспрецедентный рост цен на топливо и продовольственные товары, что в первую очередь затронет беднейшие страны⁹. Кроме того, эти страны ожидают рост внешнего долга, усиление инфляции, экономический спад и рост безработицы. Международные организации пересмотрели прогнозы их экономического развития в сторону понижения основных макроэкономических показателей (таб. 1).

Новая вспышка коронавируса в Шанхае и Шэньчжэне (КНР) в начале 2022 г. может усугубить проблемы с цепочками поставок. На этом фоне фиксируется понижение прогнозных оценок по экономическому росту стран мира, в том числе Китая, на текущий год. В частности, крупнейший финансовый холдинг UBS (Швейцария) понизил прогноз по темпам роста ВВП КНР с 5% до 4,2%, Barclays (Великобритания) понизил ожидания по росту ВВП этой страны с 4,5% до 4,3%, Bank of America пересмотрел прогноз с 4,8% до 4,2%, эксперты Standard Chartered (Великобритания) – с 5,3% до 5% [Латишина 2022]. Замедление темпов роста Китая может отрицательно сказаться на динамике и характере мировой торговли и морских грузовых перевозок по всем направлениям.

Морские перевозки и морской торговый флот

На протяжении длительного времени темпы роста мирового экспорта опережали темпы роста мирового ВВП. При этом темпы роста международных морских перевозок возрастали быстрее показателей мировой торговли, что объясняется увеличением тоннажа судов, снижением себестоимости морских перевозок, развитием процессов контейнеризации, а также цифровизацией транспортно-логистических цепочек. Так, в 2006 г. темпы роста морских перевозок составляли более 8%, что почти в два раза превышало показатели роста мирового ВВП. Пандемия изменила этот тренд, и в 2020 г. морские перевозки упали на 3,8% при снижении мирового ВВП на 3,4% (рис. 2).

Более устойчивыми к кризису оказались морские товаропотоки из развивающихся стран (рис. 3).

⁹ Trade and Development Report. Updated: March 2022. Tapering in a Time of Conflict. UNCTAD. (https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2021-update1_en.pdf)

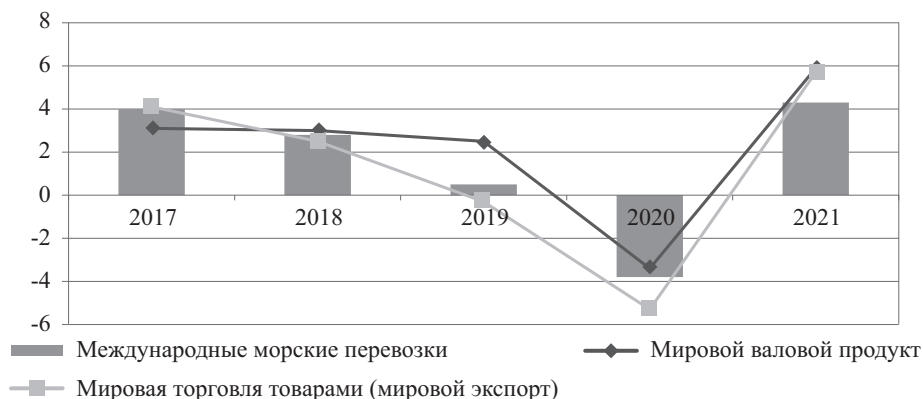

Рис. 2. Темпы роста мирового ВВП, мировой торговли и морских перевозок за период с 2017 по 2020 гг., изменение в %¹⁰

Figure 2. Growth rates of world GDP, world trade and shipping from 2017 to 2020, %

Источник: *составлено по Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).*

Source: *compiled from Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).*

Рис. 3. Международные морские грузовые перевозки по группам стран, млн т

Figure 3. International maritime freight transportation by groups of countries, mln of tons

Источник: *составлено по Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).*

Source: *compiled from Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).*

Если посмотреть динамику морских перевозок за 50 лет, начиная с 1970 г., то можно отметить, что их общий объем увеличился в 4 раза. Тоннаж перевозок нефти возрос чуть более

¹⁰ Показатели за 2021 г. – предварительная оценка.

чем в два раза, основных массовых грузов¹¹ (железная руда, уголь, зерно, бокситы/глинозем и фосфатная руда) – в 7 раз, других сухих грузов (сельскохозяйственные продукты навалом, металлы, минеральное сырье, промышленные товары) – более чем в 6 раз (таб. 2, рис. 4).

Таблица 2

**Динамика международных морских перевозок по видам грузов, в отдельные годы
 (млн погруженных т)**

Table 2

International maritime transportation by type of cargo, in selected years (mln loaded tons)

	1970	1980	1990	2000	2010	2017	2018	2019	2020	Темпы падения 2020/2019 гг., %
Нефть и газ	1440	1871	1755	2163	2752	3146	3201	3163	2918	7,75
Основные массовые грузы	448	608	988	1186	2232	3151	3215	3218	3181	1,15
Другие сухие грузы (помимо массовых)	717	1225	1265	2635	3423	4419	4603	4690	4549	3,0
Итого (все виды грузов)	2605	3704	4008	5984	8408	10716	11019	11071	10648	3,82

Источник: составлено по Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

Source: compiled from Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

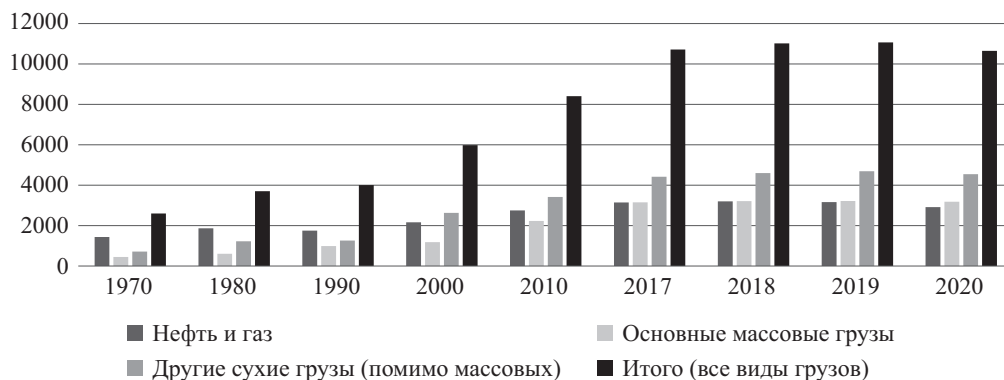

Рис. 4. Динамика международных морских перевозок по видам грузов, в отдельные годы
 (млн погруженных т)

Figure 4. International maritime transportation by type of cargo, in selected years (mln loaded tons)

Источник: составлено по Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

Source: compiled from Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

¹¹ Массовые грузы – грузы, перевозимые в больших количествах и без тары, упаковки: наливные (нефть, растительные масла, спирты), навалочные (руда, рудные концентраты, удобрения), насыпные (зерно, сахар-сырец), лесные грузы. // Национальная энциклопедическая служба. 2022. (<https://vocabulary.ru/termin/gruz-massovyyi.html>).

Такого рода динамика существенно трансформировала структуру морских грузовых перевозок. Самым значимым изменением стало снижение в два раза доли нефти в общем объеме грузопотоков. В частности, если в 1970 г. она составляла 55,2%, то в 2020 г. – 27%. Доля сухих грузов в объемах морских перевозок возросла за этот же период с 45% до 73% (из них на долю основных массовых грузов – железная руда, уголь, зерно, бокситы/глинозем и фосфатная руда – пришлось около 30%). Активное внедрение в транспортный процесс стандартизированных грузовых единиц (контейнеров) способствовало развитию мультимодальных перевозок, повышению производительности труда, сокращению времени на погрузку-выгрузку грузов, повышению их сохранности и множеству других преимуществ. В настоящее время на контейнерные перевозки приходится около 2/3 всего объема морской транспортировки сухих грузов (рис.5).

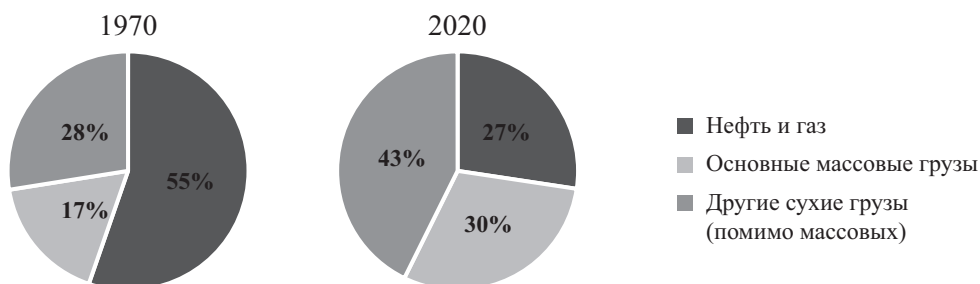

Рис. 5. Структура международных морских перевозок по видам грузов в 1970 и 2020 гг.

Figure 5. International maritime transport by type of cargo, 1970 and 2020 (mln loaded tons)

Источник: составлено по *Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf)*.

Source: compiled from *Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf)*.

Пандемия COVID-19 по-разному сказалась на динамике, объемах и географии морских грузоперевозок. В 2020 г. больше всего пострадал рынок наливных грузов: объемы перевозок сырой нефти, нефтепродуктов и СПГ упали на 7,7%, что было связано с сокращением производства, резким падением спроса на топливо и кардинальным падением цен в первом полугодии, а также общими ограничениями. На другие виды грузов пандемия повлияла меньше. Например, перевозки сухих грузов (помимо массовых) упали на 3%, основных массовых грузов, включая контейнерные перевозки – на 1,1%, хотя именно контейнерные перевозки оказались в наиболее критическом положении. Прекращение обработки грузов из-за карантина в портах США и Китая привело к массовому скоплению пустых контейнеров, которые невозможно было отправить потребителям. Так, например, в США из каждых 100 контейнеров, доставленных из Азии, возвращались только 40. Незапланированное скопление контейнеровозов в заливе Сан Педро в Калифорнии в январе 2021 г. привело к задержке в доставке грузов и потерям грузовладельцев. В марте того же года Суэцкий канал заблокировал контейнеровоз «Эвер Гивен», что вызвало многодневный коллапс мировых грузоперевозок, который обошелся мировой торговле примерно в 400 млн долл. в час [Van Boom, Keane 2021]. Кризис международных контейнерных перевозок 2020–2021 гг. развивался на фоне торговой войны между США и Китаем, а также введения новых пакетов санкций против КНР [Веселов, Белозерцева 2021].

Совокупность перечисленных факторов спровоцировала рост стоимости фрахта, особенно на направлении Юго-Восточная Азия – Северная Европа. Мировой контейнерный индекс WCI Drewry¹² в сентябре 2021 г. достиг 10377 долл. США. Он продолжал оставаться на высоком уровне и в начале 2022 г., и только к концу апреля стал снижаться. Средняя цена перевозки 40-футового контейнера опустилась до 7727 долл. США (рис. 6).

Объемы контейнерных перевозок восстановились до уровня 2019 г. к концу 2021 г. (рис. 7).

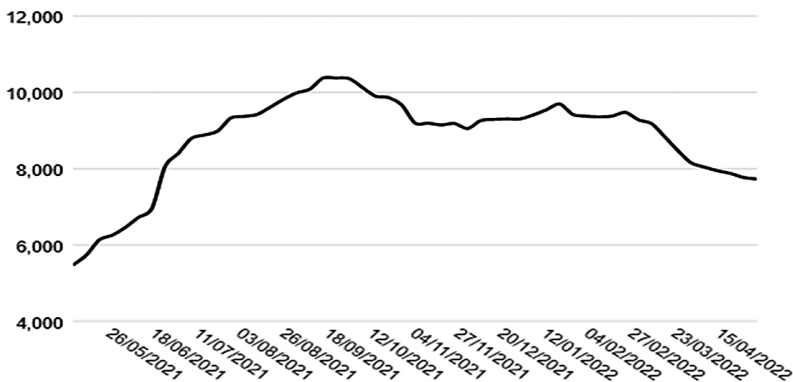

Рис. 6. Динамика Индекса WCI Drewry, долл. за 40 футовый контейнер

Figure 6. Drewry's composite World Container Index, \$ per 40ft container

Источник: *Drewry World Container Index – 05 May. Drewry. 2022.* (<https://www.drewry.co.uk/supply-chain-advisors/supply-chain-expertise/world-container-index-assessed-by-drewry>).

Source: *Drewry World Container Index – 05 May. Drewry. 2022.* (<https://www.drewry.co.uk/supply-chain-advisors/supply-chain-expertise/world-container-index-assessed-by-drewry>).

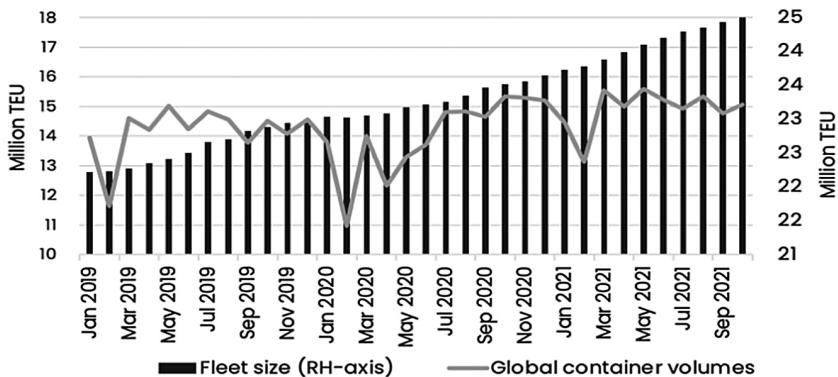

Рис. 7. Контейнерный флот и контейнерные перевозки, млн TEU

Figure 7. Container Volumes and Fleet Growth, million TEU

Источник: [Stausboll 2021].

Source: [Stausboll 2021].

¹² Международное аналитическое агентство Drewry, разработчик мирового контейнерного индекса, считает его, исходя из значений ставок 7–9 судоходных компаний, высчитывая среднее арифметическое. // Впервые в истории цена морского фрахта превысила стоимость перевозки по железной дороге. 29 апреля 2021. TKS.RU. (<https://www.tks.ru/logistics/2021/04/29/0001>).

Повышение тарифов на контейнерные перевозки весомо способствует общему росту мировых цен, особенно на товары потребительского спроса. В то же время товары с высокой добавленной стоимостью, производство которых распределено и требует широкого использования морских перевозок, под влиянием скачков тарифов подвержены росту стоимости на 10 и более процентов.

В 2022 г. события на Украине, антироссийские санкции, нарушения логистических цепочек, блокировка черноморских портов, решения ряда международных морских транспортных компаний об отказе обслуживать грузы, направляемые в Россию, дальнейший рост фрахтовых ставок и другие факторы привели к значительной деформации структуры и географии морских перевозок.

Отменили заказы от российских клиентов (за исключением медицинских товаров и товаров первой необходимости) многие транспортные компании, в том числе швейцарско-итальянская Mediterranean Shipping Company (MSC), датская Maersk Line, французская CMA CGM Group, германская Harpag-Lloyd, японская Ocean Network Express (ONE) и тайваньская Yang Ming. Помимо них, российские грузы бойкотируют крупные порты Европы. В частности, таможенные органы Голландии и Бельгии решили прекратить выпуск грузов в РФ. В портах Франции в начале марта 2022 г. были арестованы два российских сухогруза («Виктор Андрюхин» и «Владимир Латышев»), а ранее власти страны задержали российское судно Baltic Leader, которое перевозило автомобили¹³. В результате российские компетентные структуры намерены искать пути переориентирования логистических маршрутов и формировать новые цепочки поставок с привлечением резидентов дружественных стран¹⁴.

Альтернативой для доставок международных грузов в Россию могут стать возможности китайских транспортных компаний. Например, на китайскую COSCO сейчас приходится около 13% мировых морских контейнерных перевозок.

Стоимость морских перевозок также зависит от предложения судов и динамики заказов на них, причем здесь надо учесть длительный срок их строительства. Согласно данным ЮНКТАД, в 2020 г. мировой морской торговый флот насчитывал 99800 судов, что на 3% превышало показатель 2019 г. На начало 2021 г. грузоподъемность всех морских судов достигла 2,13 млрд т дедвейта, что на 3% выше уровня 2020 г.¹⁵ Вместе с тем, в 2020 г. из-за вызванных пандемией локдаунов и приостановки производств поставки новых судов снизились на 12%, а заказы – на 16%. Оживление международной торговли в 2021 г. столкнулось с нехваткой мощностей, и судоходные компании отреагировали на эти тенденции увеличением заказов на суда, особенно на контейнеровозы и газовозы. Больше всего заказов получил Китай: на январь 2022 г. на него приходилось около 48% всего мирового портфеля заказов на строительство судов (1,470 млн компенсированных валовых тонн, CGt), на долю южнокорейских судостроителей – 45% всех новых заказов (1,380 млн CGt¹⁶), что на 160% выше аналогичного показателя декабря 2021 г. По типам

¹³ Грамматчиков А. Логистический кризис: блокада или временная пробуксовка? // Эксперт. 14 марта 2022 года. (<https://expert.ru/expert/2022/11/logisticheskiy-krizis-blokada-ili-vremennaya-probuksovka>).

¹⁴ Транспортная сеть на грани тромбоза // РБК. 13 марта 2022. (<https://www.rbc.ru/newspaper/2022/03/14/6228b8379a79477c4c1520c7>)

¹⁵ Review of Maritime Transport, 2021. UNCTAD. (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

¹⁶ Compensated gross tonnage (в источниках – компенсированный валовый / регистровый тоннаж. (https://universal_en.ru.academic.ru/78665/Compensated_Gross_Tonnage)) – единица измерения объема производства гражданской судостроительной продукции. // Бабчук Е.В. Компенсированная регистровая тонна как единица

судов наибольшим спросом с начала 2022 г. пользуются контейнеровозы вместимостью от 12 тыс. TEU и газовозы от 140 тыс. м куб. – на их долю пришлось 67% всех новых заказов¹⁷.

Экологизация и цифровизация морского транспорта

Сильное влияние на динамику развития и характер морских перевозок и судостроения в последние годы оказывает общий курс международного сообщества на экологизацию всех сфер жизни. Морской транспорт как серьезный источник загрязнения Мирового океана и выбросов CO₂ находится в фокусе общественного внимания, что вынуждает судостроителей и судовладельцев принимать меры по соответствующей модернизации флота. Так, за 10 последних лет ужесточение международных норм привело к сокращению допустимого уровня содержания серы в топливе на 90%. С 2020 г. он равен 0,5%, а в зонах особого контроля выбросов ECA (Emission Control Areas¹⁸) – 0,1%. Сегодня такими зонами считаются акватории Северного и Балтийского морей, пролив Ла-Манш, Карибское море и 200-мильные зоны США и Канады.

Помимо серы, жестко регулируется содержание оксидов азота в выбросах в атмосферу. Очевидным становится запрос на улучшение параметров гидродинамики, создание более энергоэффективных двигателей, применение низкоуглеродных и безуглеродных видов топлива для судов. Так, консорциум Green Maritime Methanol, в состав которого входят ведущие международные морские компании, судовладельцы, верфи, производители, порты и научно-исследовательские институты, при поддержке Министерства экономики и климатической политики Нидерландов рассматривает возможности применения метанола в качестве альтернативы дизельному топливу.

Другое направление экологизации морского транспорта – использование судов с двигателями на СПГ. Сегодня в мире насчитывается 135 судов с гибридными СПГ двигателями и 1 круизный лайнер, полностью работающий на СПГ (AIDANova, принадлежащий одной из крупнейших британо-американских круизных компаний Carnival Cruises). К 2025 г. будет построено еще 140 судов с гибридными СПГ двигателями. Корпорация Maersk (А.Р.М) в период с 2014 по 2019 г. инвестировала около 1 млрд долл. ежегодно в проекты по повышению технической и финансовой надежности безуглеродных решений, разработке и внедрению энергоэффективных вариантов судовых двигателей¹⁹. Данный тренд в перспективе может привести к ускоренному выводу из эксплуатации морских судов, которые не отвечают новым требованиям, а также к изменению географии размещения заказов на постройку новых судов.

Флот и морское судоходство существенным образом меняются под влиянием цифровой трансформации. В наиболее драматичный период пандемии – в феврале-мае 2020 г. – она позволила сгладить некоторые отрицательные последствия локдаунов, в том числе

измерения объема производства гражданской судостроительной продукции. Труды Крыловского государственного научного центра. 2021. №1 (395). (<https://cyberleninka.ru/article/n/kompensirovannaya-registrovaya-tonna-kak-edinitsa-izmereniya-obema-proizvodstva-grazhdanskoy-sudostroitelnoy-produktsii>).

¹⁷ Рынок судостроения. Мировое судостроение 2022 – кто что строит и почему. 14.02.2022. (https://www.korabel.ru/news/comments/mirovoe_sudostroenie_2022_kto_chno_stroit_i_pochem.html).

¹⁸ Районы ограничения выбросов серы – морские районы, в которых были установлены строгие меры контроля для минимизации выбросов в атмосферу с судов. Emission Control Area. Wikipedia. (https://en.wikipedia.org/wiki/Emission_Control_Area).

¹⁹ Обзор морского транспорта. 2019. ЮНКТАД. (https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2019_ru.pdf).

снизить прямое взаимодействие и физические контакты между людьми, расширить возможности использования дистанционного управления. Управление морскими перевозками перешло к агрегаторам, на цифровых платформах которых размещается информация о заказах и предложениях на фрахт, ценах, тарифах и других условиях. Действует цифровая система портового сообщества (PCS, Port Community System) – открытая и нейтральная платформа электронного взаимодействия информационных систем различных компаний и организаций, работающих в морских портах. Ее использование повысило эффективность портовых услуг и портов в целом.

Свои грузовые сервисы организует Amazon. Китайская компания Alibaba, работающая в сфере интернет-торговли, в партнерстве с транспортной компанией COSCO создала логистическую платформу для малых и средних предприятий. Uber и Tencent (компания-владелец WeChat) расширяют логистические и транспортные услуги.

Скандинавская компания Blockshipping создает глобальную общую контейнерную платформу (The Global Shared Container Platform, GSCP), которая призвана стать первым в мире реестром, работающим в реальном времени, для почти 27 млн морских контейнеров, а также единой платформой для всех участников контейнерных перевозок.

Все активнее внедряются морские автономные надводные суда. Интернет вещей (Internet of things, IoT) также получает широкое распространение на транспорте. Его применение позволяет компаниям снизить трудозатраты, сократить объем отходов, улучшить качество предоставляемых услуг, удешевить логистику [Бабурина, Кузнецова 2021]. Однако при цифровизации могут возникнуть угрозы информационной безопасности морских перевозок, судоходства, портов, терминалов и др. В их числе – внедрение вредоносных вирусов, несанкционированный доступ к конфиденциальной информации, вмешательство в работу судов, искажение данных о местонахождении груза и т.д. Потенциальный ущерб от кибератак может быть сопоставим с последствиями взрыва на нефтяной платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе в 2010 г. [Бабурина, Гуриева 2019].

Проблемы морского торгового флота России в условиях геополитических трансформаций

Либерализация торговли, а также развитие глобализации как планетарного рынка товаров и услуг оказались под угрозой из-за целого ряда антироссийских санкций. Как отмечалось выше, введение новых санкций недружественными в отношении России странами разрывает устоявшиеся торгово-экономические связи и влияет на географию международных морских перевозок.

Большую часть российских внешнеторговых грузов перевозят морским транспортом, в связи с чем морская торговля до недавнего времени развивалась по нарастающей. В 2019 г. грузооборот российских морских портов превысил 840 млн т. В 2020 г., несмотря на пандемию, грузооборот снизился всего на 2,3% до 820,8 млн т, а в 2021 г. он начал восстанавливаться – рост составил 835,2 млн т (1,75%). В общем объеме грузооборота всех портов мира доля российских операторов составляет в среднем около 7,5% за последние три года, что считается весьма высоким показателем. Он значительно превышает долю РФ в мировом ВВП и мировом экспорте. Между тем, есть ряд проблем в организации грузовых морских перевозок, которые требуют решения.

1. Недостаточный дедейт судов под российским флагом. На начало 2021 г. российским судовладельцам принадлежало 1786 судов общим дедейтом 23,9 млн т. По размерам дедейта морского флота Россия находится на 21-м месте в мире, на ее долю приходится около 1,13% мирового тоннажа (таб. 3).

**Структура морского флота, принадлежащего российским судовладельцам,
и мирового флота по флагам регистрации в 2021 г.**

Table 3

**The structure of the marine fleet owned by Russian shipowners
and the world fleet by registration flags, 2021**

Российская Федерация						
Количество судов			Общий дедвейт			
Националь- ный флаг	Иностран- ный флаг	Итого	Националь- ный флаг	Иностран- ный флаг	Итого	Иностранный флот в % от общего дедвейта
1464	322	1786	9184626	14682694	23867320	61,52
Весь мир						
23625	30148	53973	580911310	1535489578	211640088	72,55

Источник: составлено по *Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021.* (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

Source: compiled from *Review of Maritime Transport. UNCTAD. 2021.* (https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf).

Исторически сложилась ситуация, в которой большая часть судов практически всех стран мира уходит под флаги иностранных государств – так называемые удобные флаги. Преимущества их применения заключаются в низких ставках портовых и регистрационных сборов, заниженных требованиях к экипажу и техническому состоянию судна. В целом на суда под иностранным флагом приходится свыше 72% мирового тоннажа (таб. 3).

В общем количестве судов, принадлежащих российским судовладельцам, под иностранным флагом находится 322 судна или 18,0%, однако на них приходится 61,5% общего дедвейта. Такое несоответствие объясняется тем, что под российским флагом находится большое количество старых судов с низкой грузоподъемностью, а под иностранными флагами – новые современные суда с высокой грузоподъемностью. В РФ уже много лет обсуждается проблема ухода судов под иностранные флаги, но она пока так и не нашла решения. Суда под российским флагом перевозят лишь 1-2% внешнеторговых грузов²⁰ [Зенькович 2018]. В Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г. также указывается, что доля российских внешнеторговых грузов, перевозимых судами под Государственным флагом Российской Федерации, не превышает 2%²¹.

2. Возможные проблемы с трудоустройством плавсостава из России. Для российских моряков перемещение за пределы России в связи с закрытием границ и прекращением авиа-сообщения становится проблематичным. Кроме того, появились проблемы с переводами зарплат в валюте в связи с банковскими санкциями. Между тем, в 2021 г. россияне состав-

²⁰ Зенькович О. Как вернуть флот и грузы под российский флаг // ИА Regnum. 14 сентября 2018. (<https://regnum.ru/news/economy/2481937.html>).

²¹ Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. N 3363-п (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052).

ляли 10,5% всех моряков глобального торгового флота (более 198 тыс. человек). Россия находится на втором месте среди крупнейших стран происхождения моряков вслед за Филиппинами. Наша страна занимает второе место как по командному составу, так и по матросам.

3. Ближайшие перспективы развития многих отраслей отечественной экономики неизвестны из-за антироссийских санкций, которые нарушили транспортно-логистические цепочки доставки импортных и экспортных грузов. Из 78 морских линий, внесенных в реестр Росморречфлота, только две российские – Sasco и Fesco. Остальные 76 компаний, осуществляющие судоходство в порты России, – иностранные.

Заключение

В ходе исследования было определено, что мировая торговля и международные морские перевозки остаются в зоне высоких экономических и политических рисков. Главным сдерживающим фактором на пути восстановления мировой торговли и международных морских перевозок остается неопределенность ситуации с COVID-19. Новая вспышка коронавирусной инфекции в Китае в начале 2022 г. может привести к снижению темпов роста китайской экономики, мировой торговли и международных морских перевозок.

К новым факторам риска в феврале 2022 г. добавилось усиление геополитической напряженности, вызванное беспрецедентными антироссийскими санкциями. Детально оценить степень влияния санкций пока невозможно, однако уже сейчас можно говорить о переориентации торгово-экономических связей, изменении в географии международных морских перевозок, росте цен и тарифов.

Морской транспорт в последние годы существенно трансформируется по двум основным направлениям. Первое из них связано с курсом мирового сообщества на экологизацию, который вынуждает судостроителей и судовладельцев принимать меры по модернизации флота и переходу на низкоуглеродные и безуглеродные виды топлива для судов. Такие требования приводят к увеличению стоимости судов и себестоимости морских перевозок, ускоренной утилизации старых судов или их дорогостоящей модернизации, что отражается на росте стоимости фрахта. Второе – ускоренное под воздействием COVID-19 внедрение цифровизации в транспортно-логистические процессы и погрузочно-разгрузочные работы в морских портах и судоходстве, а также рост вероятности появления связанных с этим новых угроз информационной безопасности.

Широкий пакет санкций, введенных недружественными странами в отношении России, и рост фрахтовых ставок уже привели к изменениям в структуре и географии морских перевозок, создали дополнительные вызовы и угрозы, в том числе связанные с трудоустройством российских моряков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабурина О.Н., Гуриева Л.К. (2019) Риски и угрозы функционирования морской отрасли в условиях цифровизации мировой экономики // *Морские интеллектуальные технологии*. № 2-2. С. 109–115.
- Бабурина О.Н., Кондратьев С.И. (2016) Морские перевозки: тенденции развития в мировой и российской экономике // *Транспортное дело России*. № 5. С. 112–116.
- Бабурина О.Н., Кузнецова Г.В. (2020) Перспективы цифровизации международных морских перевозок // *Морские интеллектуальные технологии*. № 4-4. С. 67–72. DOI: 10.37220/MIT.2020.50.4.099.
- Бабурина О.Н., Хекерт Е.В. (2017) Динамика морских перевозок нефтегазовых ресурсов в условиях великой рецессии XXI столетия // *Бюллетень транспортной информации*. № 5. С. 11–17.

Веселов Е.М., Белозерцева Н.П. (2021) Кризис международных контейнерных перевозок 2020-2021 гг.: причины и последствия // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 4. (<https://eee-region.ru/article/6826/> DOI: 10.24412/1999-2645-2021-468-26).

Громыко А.А. (2020) Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 2. С. 5–13. (DOI: 10.15211/vestnikieran22020413).

Лапшина К. (2022) Meituan – ставка на рост e-commerce и сервисов доставки в Китае // Финанс. 4.05.2022. (<https://www.finam.ru/publications/item/meituan-stavka-na-rost-e-commerce-i-servisov-dostavki-v-kitae-20220504-190309>).

Поливач А.П. (2021) Методология количественной оценки морского потенциала различных стран // Общественные науки и современность. № 6. С. 135-149. DOI: 10.31857/S086904990017874-3.

Скорлыгина Н. (2022) Прощай, контейнер. Россию отрезают от мировой торговли товарами // Коммерсантъ. № 36. 02.03.2022. С. 1. (<https://www.kommersant.ru/doc/5238836>).

Stausboll E. (2021). Takeaways from a Staggering Year in Container Shipping: Part 1 // Xeneta. December 28, 2021. (<https://www.xeneta.com/blog/4-takeaways-from-a-staggering-year-in-container-shipment>).

Van Boom D., Keane S. (2021) Evergiven Vessels that Blocked Suez Canal Examined for Damage // CNet. July 7, 2021. (<https://www.cnet.com/science/ever-given-leaves-egypt-suez-canal-everything-to-know>).

REFERENCES

Baburina O.N., Guriyeva L.K. (2019) Riski i ugrozy funktsionirovaniya morskoy otrasli v usloviyakh tsifrovizatsii mirovoy ekonomiki [Risks and Threats to the Functioning of the Maritime Industry in the Context of Digitalization of the World Economy]. *Morskiye intellektual'nyye tekhnologii*. no. 2-2, pp. 109–115.

Baburina O.N., Khekert Ye.V. (2017) Dinamika morskikh perevozok neftegazovykh resursov v usloviyakh velikoy retsessii XXI stoletiya [Dynamics of Sea Transportation of Oil and Gas Resources in the Conditions of the Great Recession of the 21st Century]. *Byulleten' transportnoy informatsii*. no. 5, pp. 11–17.

Baburina O.N., Kondrat'yev S.I. (2016) Morskiye perevozki: tendentsii razvitiya v mirovoy i rossiyskoy ekonomike [Sea Transportation: Development Trends in the Global and Russian Economy]. *Transportnoye delo Rossii*. no. 5, pp. 112–116.

Baburina O.N., Kuznetsova G.V. (2020) Perspektivy tsifrovizatsii mezhduarodnykh morskikh perevozok [Prospects for the Digitalization of International Maritime Transport]. *Morskiye intellektual'nyye tekhnologii*. no. 4-4, pp. 67-72. DOI: 10.37220/MIT.2020.50.4.099.

Gromyko A.A. (2020) Koronavirus kak faktor mirovoy politiki [Coronavirus as a World Politics Factor]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN*. no. 2, pp. 5–13. DOI: 10.15211/vestnikieran22020413.

Lapshina K. (2022) Meituan – ставка на рост e-commerce i servisov dostavki v Kitaye [Meituan – Betting on the Growth of E-commerce and Delivery Services in China]. *Finam*. 4.05.2022. (<https://www.finam.ru/publications/item/meituan-stavka-na-rost-e-commerce-i-servisov-dostavki-v-kitae-20220504-190309>).

Polivach A. P. (2021) Metodologiya kolichestvennoy otsenki morskogo potentsiala razlichnykh stran [Methodology for Quantifying the Maritime Potential of Various Countries]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 135–149. DOI: 10.31857/S086904990017874-3.

Skorlygina N. (2022) Proshchay, konteyner. Rossiyu otrezayut ot mirovoy torgovli tovarami [Goodbye Container. Russia is Cut Off from World Trade of Goods]. *Kommersant*. no. 36, 02.03.2022, p. 1. (<https://www.kommersant.ru/doc/5238836>).

Stausboll E. (2021). Takeaways from a Staggering Year in Container Shipping: Part 1. *Xeneta*. December 28. (<https://www.xeneta.com/blog/4-takeaways-from-a-staggering-year-in-container-shipping>).

Veselov Ye.M., Belozortseva N.P. (2021) Krizis mezhdunarodnykh konteynernykh perevozok 2020-2021 gg.: prichiny i posledstviya [International Container Shipping Crisis 2020-2021: Causes and Consequences]. *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. no. 4. (<https://eee-region.ru/article/6826/> DOI: 10.24412/1999-2645-2021-468-26).

Van Boom D., Keane S. (2021) Ever Given Vessels that Blocked Suez Canal Examined for Damage. *CNet*. July 7. (<https://www.cnet.com/science/ever-given-leaves-egypt-suez-canal-everything-to-know>).

Информация об авторах

Бабурина Ольга Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономическая теория, экономика и менеджмент», ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова». Адрес: 353900, г. Новороссийск, пр. Ленина, 93. E-mail: olgababurina@mail.ru

Кузнецова Галина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова). Адрес: 117997, Москва, Стремянный пер. 36. E-mail: gkuznet3@gmail.com

Подбиралина Галина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова). Адрес: 117997, Москва, Стремянный пер. 36. E-mail: galvp@mail.ru

Хекерт Евгений Владимирович, доктор технических наук, профессор кафедры «Судовождение», ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова». Адрес: 353900, г. Новороссийск, пр. Ленина, 93. E-mail: mail@nsma.ru

About the authors

Olga N. Baburina, Doctor of Sciences (Economics), Research Fellow, Professor, Department of the Economic Theory, Economics and Management, Admiral Ushakov Maritime State University. Address: Russia, Novorossiysk, 93 Lenin Avenue. E-mail: olgababurina@mail.ru

Galina V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics. Address: Russia, Moscow, 36 Stremyanny Lane. E-mail: gkuznet3@gmail.com

Galina V. Podbiralina, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics. Address: Russia, Moscow, 36 Stremyanny Lane. E-mail: galvp@mail.ru

Evgeny V. Khkert, Doctor of Sciences (Technology), Professor, Department of Navigation, Admiral Ushakov Maritime State University. Address: Russia, Novorossiysk, 93 Lenin Avenue. E-mail: mail@nsma.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.03.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 19.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 26.05.2022

DOI: 10.31857/S0869049922030054
EDN: EWOCET

Оригинальная статья / Original Article

Что мешает переходу к креативному предпринимательству?

© Ю.В. ТАРАНУХА

Тарануха Юрий Васильевич, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), yu.taranukha@mail.ru. ORCID 0000-0002-7578-874X

Статья посвящена созданию условий для перехода российского предпринимательства к креативной форме. Рассматривая предпринимательство в качестве способа извлечения выгод посредством рыночных операций и опираясь на концепцию о разных типах предпринимательства (производительного, непроизводительного и хищнического), автор приводит дополнительную аргументацию, чтобы обосновать положение о том, что только деятельность добровольных предпринимателей может служить базой креативного предпринимательства. Главная цель статьи – выявить причины, которые препятствуют росту предложения креативного предпринимательства в российской экономике и обществе, о чем свидетельствует крайне низкая инновационная активность российских бизнес-структур. Существует множество причин для данной тенденции (низкий предпринимательский потенциал, дефицит экономической свободы, огосударствление экономики, деформация принципов вознаграждения), однако в статье обоснован тезис о том, что главным препятствием для креативного предпринимательства выступает недостаток конкуренции, вызванный сращиванием бизнеса с властными структурами. Автор видит решение проблемы низкой креативности российского предпринимательства в проведении мер по обеспечению реальной независимости ветвей власти.

Ключевые слова: предпринимательство, типы предпринимательства, вынужденное и добровольное предпринимательство, креативное предпринимательство, факторы спроса и предложения

Цитирование: Тарануха Ю.В. (2022) Что мешает переходу к креативному предпринимательству? // Общественные науки и современность. № 3. С. 67–87. DOI: 10.31857/S0869049922030054. EDN: EWOCET

What Prevents the Transition to Creative Entrepreneurship?

© YU. TARANUKHA

Yury V. Taranukha, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), yu.taranukha@mail.ru.
ORCID 0000-0002-7578-874X

Abstract. The article is focused on creating conditions for the transition of Russian entrepreneurship to its creative form. Viewing entrepreneurship as a way to obtain benefits through market transactions and using the concept of different types of entrepreneurship (productive, non-productive and predatory), the author provides additional arguments to justify the view that only activities of free entrepreneurs can form a basis for creative entrepreneurship. At the same time, the main purpose of the article is to identify the reasons that prevent the growth of creative entrepreneurship in the Russian economy and society, evidenced by the extremely low innovation activity of Russian business structures. Despite numerous causes (low entrepreneurial potential, economic liberty limitations, increased state role in the economy and deformation of remuneration principles), the article argues that the main obstacle in the way of creative entrepreneurship is the lack of competition caused by merging of business and power structures. In this context, the author believes that the problem of low creativity of Russian entrepreneurship can be solved through measures to ensure real independence of the branches of power.

Keywords: entrepreneurship, type of entrepreneurship, necessity-based entrepreneurship, opportunity-based entrepreneurship, opportunity-based entrepreneurship's factors

Citation: Taranukha Yu. (2022) What Prevents the Transition to Creative Entrepreneurship? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 67–87. DOI: 10.31857/S0869049922030054. EDN: EWOCET

Введение

С последней четверти XX в. при формировании национальных стратегий развития правительства все больше внимания стали уделять предпринимательству, что выразилось в массовом возникновении программ и центров по обучению, популяризации и развитию предпринимательства. Данной тенденции способствовало и распространение в экономической теории шumpетерианских идей о роли предпринимательства. На рубеже тысячелетий его рассматривали уже в качестве определяющего условия социально-экономического развития [Dejardin 2000; Naudé 2008]. Основания для такой оценки имеются. Хорошо известно, что предпринимательство выступает генератором инноваций [Acs, Audrestch 1990; Acs, Braunerhjelm, Audrestsch, Carlsson 2009; Audrestsch, Keilbach 2004; Земцов 2021] и создателем новых рабочих мест [Birch 1979, 1981; Reynolds, Hay, Camp 1999; Баринова, Салимова, Земцов, Царева 2021]. Однако у него есть еще одно, менее заметное, но, возможно, более значимое преимущество. Во-первых, предпринимательство представляет собой воспроизводимый, а значит, неисчерпаемый ресурс в том смысле, что оно выступает одной из форм человеческой деятельности. Во-вторых, предпринимательство – низкозатратный ресурс в том смысле, что, рассматриваемое в качестве «предпринимательской бдительности» [Киринер 2001], оно не требует каких-то специальных инвестиций сверх тех, которые связаны с формированием современного образованного человека. Можно сказать, способность к предпринимательству – это ресурс, который возникает благодаря внутренним трансформациям личностных знаний и опыта.

В России переход к предпринимательству не оправдал ожиданий. Он не обеспечил ни обновления структуры экономики, ни ее материальной базы. Напротив, уровень ее технологического развития значительно снизился, а ее сырьевая зависимость усилилась. Доля минерального сырья в экспорте страны за последние 20 лет увеличилась с 53,8% в 2000 г. до 63,3 % в 2020 г.¹ Степень износа основных фондов устойчиво растет, в 2019 г. она составила 48,8%². Инновационная активность предприятий РФ по критериям 4-ой редакции Руководства Осло в 2018 г. составила 12,8%, что ниже, чем показатель предыдущего года – 14,6%. В обрабатывающей промышленности показатель снизился с 26,2 до 23,2, а в области информационных технологий – с 7,1 до 5,0³. Доля инновационных отечественных товаров и услуг постоянно снижалась и в 2019 г. составила всего 6,5%, а в области информационных технологий – 1,2%⁴.

Уровень предпринимательской активности среди населения России остается крайне низким. Индекс общей предпринимательской активности в России в 2020 г. составил всего 8,5% против 17,5% в Латвии, 20% в Казахстане и 25% в Бразилии, а доля лиц, чей бизнес просуществовал более трех с половиной лет, составляет всего 4,7% [*Верховская, Богатырева, Дорохина, Ласковая, Шмелева* 2021, 35, 45]. Приведенные данные указывают на то, что заложенный в предпринимательстве функциональный потенциал не реализуется автоматически. Поэтому следует обратиться к исследованию факторов, предопределяющих направленность предпринимательской деятельности, для того, чтобы установить условия, генерирующие инновационную направленность предпринимательства.

Производительное и непроизводительное предпринимательство

Экономическую природу предпринимательства понимают по-разному, что стало причиной множественности его трактовок. Представители классической экономической школы (А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль) видели в предпринимательстве своекорыстную деятельность, посредством которой обеспечиваются общественные нужды. В XIX в. некоторые представители классической школы (Ж.-Б. Сэй, Дж.С. Милль) стали связывать его содержание с комбинированием производственных факторов. Данные воззрения благосклонно восприняли представители неоклассической теории (К. Менгер, Л. Вальрас, Ф. Визер, А. Маршалл, Д.Б. Кларк), которые видели в предпринимателе оптимизатора факторов производства. В начале XX в. Ф. Найт определил предпринимательство как готовность взять на себя коммерческий риск. Й. Шумпетер связал содержание предпринимательства с новаторством. В последней трети XX в. доминирующей стала трактовка предпринимательства как новаторства, а предпринимателя как субъекта, выступающего движущей силой прогрессивных изменений в экономике. Вместе с тем идея о созидательной роли новаторства все больше размывалась. Институционалисты (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон) усматривали ее в механизме экономической координации, неонавстрийцы (Л. Мизес, Ф. Хайек) – в силе, поддерживающей равновесие в экономике. И. Кирицнер свел новаторство к идее о предпринимательской бдительности, согласно которой предпринимателю необязательно создавать что-то новое – достаточно лишь обнаружить новую возможность для извлечения выгоды и использовать ее [*Кирицнер* 2001]. В последней

¹ Россия в цифрах (2020) Крат. стат. сб., М.: Росстат. с. 521, 512.

² Там же, с. 237.

³ Там же, с. 454.

⁴ Там же, с. 458–459.

четверти XX в. предпринимательство начали активно исследовать социологи. Основные направления современных исследований предпринимательства в этом ключе отражены в [Чепуренко, Яковлев 2013].

Не подвергая сомнению важность исследования предпринимательства в социальном аспекте, автор все же полагает, что его подлинная природа имеет экономические корни, в связи с чем в настоящей статье предпринимательство будет рассмотрено с этих позиций. Проблема в том, что экономисты чаще всего связывают природу предпринимательства с особенностями выполняемых предпринимателем функций, от чего само предпринимательство считают особым видом деятельности. Специфика заключается в том, что, имея по сути и содержанию многофункциональный характер, она проявляется в разные временные периоды каким-то одним своим свойством, которое доминирует в данную историческую эпоху. В настоящее время доминирующим признаком предпринимательской деятельности выступает инновационная функция. Поэтому ныне среди экономистов преобладает шumpетерианская его трактовка, в которой предпринимательство толкуют как новаторство. Даже если напрямую это не признают, предпринимательство так или иначе связывают с преобразовательной (инновационной) деятельностью [Shane, Venkataraman 2000, 219]. В действительности ни одна из функциональных ролей предпринимателя в отдельности не может адекватно отразить содержательную и сущностную стороны предпринимательства. Подтверждением тому служит множественность трактовок предпринимательства, причем каждая акцентирует внимание на какой-либо одной из выполняемых предпринимателем функций: связанной с риском инициативе, арбитражировании, комбинировании ресурсами, новаторстве, создании новых фирм. В конкретный исторический период предпринимательство преимущественно проявляется в какой-либо одной из них. Становясь доминирующим свойством (признаком), такая функция начинает рассматриваться как сущностная. В действительности, в содержательном аспекте предпринимательская деятельность воплощает в себе все указанные функции одновременно [Тарануха 1997, 489–491].

Как явление экономической жизни предпринимательство следует исследовать сквозь призму рыночного хозяйства, непосредственным продуктом которого оно является и исторически, и генетически. Анализируя его в таком ключе, несложно заметить, что специфика предпринимательства выражается в непрерывной цепи обменных операций, а потому само оно представляет особый тип хозяйственного поведения, которое состоит в стремлении извлечь выгоду посредством обмена. Выполняемые предпринимателем функции – лишь способы достижения данной цели. Напротив, имея общественный характер, оно продуктивно по своей природе. Такая форма предпринимательской деятельности как арбитражирование формально представляет собой наиболее явно выраженную форму чистого обмена: купил дешевле, продал дороже. В действительности оно способствует формированию дополнительной ценности, перемещая ресурсы и блага на рынки, где их ценность выше. Другое дело, что конкретный предприниматель может действовать как спекулянт, не создавая никакой дополнительной ценности. В данном случае мы будем иметь непроизводительное предпринимательство.

Если предпринимательство – особый тип хозяйственного поведения, то смысл такого поведения сводится к поиску источников выгод. Соответственно, для нас предпринимательство – это хозяйственное поведение, направленное на извлечение экономической выгоды посредством рыночных операций [Тарануха 1997, 488]. Практически подобное определение означает, что содержание предпринимательства состоит в способности реагировать на потенциальный источник выгоды, т.е. увидеть и использовать открывшуюся на рынке возможность к собственной выгоде [Кирицнер 2001]. Способ, посредством которого будет реализована эта способность, значения не имеет.

Й. Шумпетер связывал предпринимательство с выполнением новаторской функции. Однако обладатель Международной премии по вопросам исследования предпринимательства и малого бизнеса 2003 г. У. Баумоль (Бомол), понимая узость его трактовки, показал, что даже с шумпетерианских позиций предпринимательство далеко не всегда обеспечивает тот результат, который ему обычно приписывают. Синтезируя шумпетерианскую теорию с реальной практикой, У. Баумоль определяет предпринимательство «...как способность изобретать и находить новые пути увеличения своего благосостояния, власти и престижа» [Baumol 1990, 897–898]. Данная трактовка имеет ряд достоинств. Во-первых, она адекватно отражает целевую функцию предпринимательства – стремление к извлечению выгод. Во-вторых, она выражает его суть – поиск и использование открывшихся возможностей для обогащения. В-третьих, она отражает специфическую сторону предпринимательского приобретательства – неразборчивость в средствах достижения цели.

Действительно, если в конкурентных условиях выживание зависит от завоевания превосходства над соперниками, то «следует ожидать, что не все предприниматели будут слишком заботиться, создает ли их деятельность дополнительный...общественный продукт или, наоборот, она является серьезной помехой производству» [Baumol 1990, 897–898]. Проще говоря, даже будучи новаторской по форме, предпринимательская деятельность создает разные последствия для общественного благосостояния. Сам Баумоль считает такой подход всего лишь расширением перечня шумпетерианского новаторства. В действительности он переворачивает понимание природы новаторства, сопрягая его с сущностной стороной предпринимательства – извлечением частной выгоды без оглядки на последствия для общества.

Однако общество не может позволить себе подобного безразличия. Поэтому именно вклад предпринимателя в общественное благосостояние Баумоль использовал как критерий для выделения разных типов предпринимательства. Производительное (productive) предпринимательство созидает дополнительную ценность (rent-creating) и обеспечивает увеличение общественного благосостояния, что выражается в росте реального ВВП. Непроизводительное (unproductive) предпринимательство связано с перераспределением существующего богатства. Оно не приносит дополнительной ценности и не дает прироста реального ВВП. Типичные формы такого предпринимательства – рентоискательство (rent-seeking) и уклонение от налогов. Деструктивное (destructive) предпринимательство – это деятельность, причиняющая ущерб экономическому благосостоянию общества посредством противодействия экономическому росту и достижению потенциального ВВП. Учитывая, что на практике его реализуют нерыночными и незаконными способами отторжения собственности, более точным определением данного типа было бы хищническое предпринимательство. Наиболее явная его форма – силовое предпринимательство, которое представляет собой использование организованной силы (угроз и принуждения) для ее конвертации в рыночные блага посредством продажи реальных или мнимых услуг (охрана и безопасность, урегулирование конфликтов и принуждение к выполнению обязательств). Попросту говоря, речь идет о «крышевании», которое осуществляют на постоянной основе контролирующие и силовые органы, организованная преступность и охранные предприятия [Волков 2012].

При таком подходе можно заключить, что производительное предпринимательство – это способ перераспределения богатства, который оборачивается для общества положительными внешними эффектами, в отличие от непроизводительного и хищнического предпринимательства, которые сопровождаются отрицательными внешними эффектами. Нетрудно догадаться, что от долевого распределения предпринимателей в экономике будет зависеть степень ее инновационности, а также темпы распространения технологиче-

ских преобразований в ней [Baumol 1990, 909]. Тем не менее, даже, казалось бы, производительная деятельность не всегда оборачивается положительным эффектом.

В качестве примера можно привести репликативного предпринимателя, деятельность которого состоит в тиражировании уже известных решений. На отраслевом рынке с низкой степенью продуктового насыщения она может способствовать росту общественного состояния. В краткосрочном периоде такой рост выразится в расширении выбора для потребителей и возможном снижении цены, в долгосрочном периоде – в неизбежном снижении цены продукта при вероятном углублении его дифференциации. Налицо – продуктивный тип предпринимательства. Однако на рынке с высокой степенью продуктового насыщения появление новых репликаторов ведет к избыточной конкуренции, а значит, к снижению эффекта масштаба и к росту цен, что обернется сокращением общественного благосостояния [Шумпетер 1995, 129; Земцов, Чепуренко, Баринова, Красносельских 2020, 48]. Подобная ситуация – уже пример, как минимум, непроизводительного, а то и деструктивного предпринимательства.

В отношении предпринимателя-новатора, который внедряет новые решения, тоже не все однозначно. Как показал Баумоль, все зависит от того, какой тип инновации он будет внедрять. Если это новый продукт, технология, ресурс, рынок или способ бизнеса, такая деятельность будет производительной. Однако если инновация заключается в новом способе ухода от налогов или в обретении рыночной власти за счет получения особых прав и в неконкурентном доступе к использованию государственных ресурсов (собственности или бюджетных средств), то такое «нововведение» станет деструктивным для экономики, а предпринимательское поведение – хищническим. Вывод состоит в том, что на практике ни одна из групп предпринимателей – ни репликаторы, ни новаторы – априори не может быть отнесена к определенному типу предпринимательства – производительному или непроизводительному.

Направленность предпринимательского поведения определяется множеством факторов. Тем не менее, анализ показывает, что их совокупное влияние на тип поведения может быть выражено двумя неперемными условиями окружающей среды: наличием состязательного характера и обеспечением равнонапряженных условий для всех субъектов предпринимательства [Тарануха 2012, 323–324]. Другими словами, речь идет об обеспечении конкурентных условий, которые, с одной стороны, уравнивали бы эгоистические притязания предпринимателей, а с другой – ориентировали бы их на завоевание превосходства путем внедрения инноваций, создающих дополнительную ценность для общества. Действуя по отношению к предпринимателям как невидимая, а главное, независимая сила, конкуренция выполняет для них роль своеобразного морального кодекса – извлечь выгоду можно, только действуя в общественных интересах и превосходя соперников.

Вынужденное и креативное предпринимательство

Выступая в качестве абсолютно необходимого условия господства производительного предпринимательства, конкуренция оказывается недостаточным условием для его шумпетерианской разновидности. Существенную роль, как оказывается, играет общий социально-экономический контекст предпринимательства [Welter 2011], который формируют макроэкономические, социокультурные, национальные, поло-возрастные, образовательные, психологические и другие факторы. Роль самого контекста состоит в том, что он определяет общую предпринимательскую активность (total entrepreneurship activity – ТЕА) в стране. Поскольку в настоящее время экономический рост и развитие экономики

расценивают в качестве результата предпринимательской деятельности, предпринимательская активность стала важнейшим показателем в международных сравнительных исследованиях развития предпринимательства, проводимых с 1999 г. в рамках Глобального мониторинга предпринимательства (Global entrepreneurship monitor – GEM).

Теоретической базой исследований GEM выступает шумпетерианская идея о предпринимателе-новаторе. Однако содержание его инновационной функции существенно расширено и трактуется как любое начинание, связанное с намерением, созданием или изменением активности субъектов, ведущих независимую хозяйственную деятельность [Reynolds, Hay, Camp 1999, 3]. Таким образом, в GEM новаторство фактически сведено к созданию нового предприятия (бизнеса) [Чепуренко, Образцова, Алимova, Габелко, Мулукова, Денисова, Филатова 2007, 8–9]. Такой подход обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, он отвечает шумпетерианскому пониманию предпринимательства как особого «духа», преодолевающего сопротивление инертного окружения. «Быть предпринимателем – значит делать не то, что делают другие... – значит делать не так, как делают другие», – отмечал экономист [Шумпетер 1982, 199]. Во-вторых, подход GEM соответствует шумпетерианскому пониманию природы предпринимательской функции, которая ограничена во времени: после внедрения инновации предприниматель перестает быть таковым, превращаясь в рутинера. Поэтому в GEM к предпринимателям относят только лиц с неустоявшимся бизнесом, а акцент делают на формировании нового предпринимателя [Reynolds, Hay, Camp 1999, 3; Верховская, Богатырева, Дорохина, Ласковая, Шмелева 2021, 13]. В-третьих, он соответствовал задачам развернувшейся в индустриально развитых странах политики по развитию предпринимательства, требовавшей инструментов, при помощи которых можно было бы, с одной стороны, замерять динамику развития предпринимательства, с другой – оценивать достижения указанной политики. Наконец, такой подход сопрягался с выделением инновационной деятельности в рамках действующих фирм в особую форму предпринимательской активности – интрапренерство, под которым понимают создание условий для развития предпринимательского духа (генерации новаторских идей) внутри действующей фирмы.

В рамках такого подхода деятельность любого предпринимателя рассматривается как производительная, а количественное увеличение предпринимательского корпуса, равно как и рост предпринимательской активности – как критерии положительных изменений в экономике. Однако, как упоминалось ранее, рождение нового предпринимателя и новой инициативы нельзя считать свидетельством позитивных последствий для рынка и экономики. Репликативные предприниматели, наводняя рынок знакомыми покупателям и продавцам бизнес-решениями, создают условия избыточной конкуренции, что оборачивается снижением эффективности работы рынка и общественного благосостояния. Инновационные предприниматели, обогащая экономику новыми продуктами, технологиями и способами ведения бизнеса, расширяют поле потребительского выбора и повышают эффективность конкурентной борьбы. Как указывал У. Баумоль, различие между ними «имеет решающее значение», так как развитие («революционный рост экономики») ассоциируется только с инновационным предпринимателем, что, в свою очередь, требует различных аналитических подходов к каждому подмножеству предпринимателей [Баумоль 2013, 105]. Данное противоречие видели и авторы GEM, из-за чего в 2001 г. в контексте исследования предпринимательской активности предпринимательское сообщество разделили на предпринимателей «по необходимости» и предпринимателей «по возможности» [Reynolds, Camp, Bygrave, Autio, Hay 2001, 7]. Контекст, на основе которого проводили такое деление, был существенно шире, однако сути подразделения предпринимателей на указанные группы это не меняло.

Предпринимательство «по необходимости» (necessity-driven или necessity-based entrepreneurship) характерно для лиц, для которых включение в предпринимательскую деятельность выступает в качестве единственной альтернативы поддержать определенный уровень жизни, а нередко и просто получить какой-либо доход. Как свидетельствуют исследования GEM, данные по странам мира различаются, но мотивация обеспечения финансового благополучия и решения проблемы трудоустройства всегда существенно доминировали [Bosma, Hill, Ionescu-Somers, Kelley, Guerrero, Schott 2021, 66–67]. В России упомянутой мотивацией руководствуются 68,7% и 71,4% предпринимателей соответственно [Верховская, Богатырева, Дорохина, Ласковая, Шмелева 2021, 66]. Одним словом, данная группа – это предприниматели поневоле, которых «втокнули» в предпринимательство сложные жизненные обстоятельства, например, угроза утраты или потеря работы и дохода: их можно отнести к «вынужденному предпринимательству». Подтверждением тому становятся данные GEM, которые устойчиво демонстрируют, с одной стороны, превалирование вынужденного предпринимательства в странах с низкими доходами и менее развитой системой социальной защиты, а с другой – его расширение во время экономического спада и сокращение при подъеме.

Отличительная черта вынужденного предпринимательства – низкий уровень доходности бизнеса и низкая его устойчивость. Еще реже деятельность таких предпринимателей благоприятствует развитию товарного рынка и экономики. Даже если она способствует улучшению формальных показателей, например, ВРП региона и даже ВВП страны, это не свидетельствует о ее «здоровом» влиянии на экономику. О последствиях избыточной конкуренции уже говорилось. Именно эта группа предпринимателей формирует ее экономическую базу. Сама природа вынужденного предпринимательства – безысходность положения его субъекта – предопределяет отнюдь не бережное отношение ко всему окружающему, особенно тому, что существует в форме общественных благ. Вынужденные предприниматели опираются на примитивные технологии, из-за чего увеличение их численности, прежде всего, повышает нагрузку на окружающую среду, способствуя ее деградации. Вынужденное предпринимательство может способствовать углублению горизонтального неравенства доходов и стать причиной усиления социальной напряженности. Оно подчиняет своим нуждам семейное окружение и может тормозить человеческое развитие. Отмеченные угрозы не означают, что вынужденное предпринимательство вредно для экономики страны. Речь идет лишь о том, что не любая предпринимательская деятельность имеет положительный характер. Более значимой следует считать нормативную сторону этого тезиса. В настоящее время любая форма предпринимательства считается благом, а поощрение любой его деятельности – одним из центральных пунктов экономической политики. Однако является ли массовость предпринимательства фактором устойчивого развития экономики на самом деле?

Как уже отмечалось, производительный потенциал вынужденного предпринимательства ограничен, а деструктивный – достаточно обширен. Последнее можно контролировать при помощи институциональных (нормативы) и экономических (штрафы) мер. Тем не менее, существует еще один срез, который напрямую связан с политикой поощрения предпринимательства. Сегодня занятие предпринимательством, в котором владелец бизнеса и работник выступают в одном лице, пропагандируют в качестве средства, которое помогает не только повысить доход, но и обеспечить самореализацию личности. Данные аргументы весьма серьезны. Однако происходит ли так в действительности в ситуации вынужденного предпринимательства?

Стандартный начинающий вынужденный предприниматель – субъект, лишенный сколь-либо значимых ресурсов, который слабо представляет себе содержание предпри-

нительской деятельности, не имеет четкого плана действий и входит на рынки с низкими барьерами, а значит, с наиболее интенсивной конкуренцией. Вероятность выживания такого предпринимателя крайне низка и стремится к нулю. Общемировая статистика свидетельствует: в первый год закрывается 90% вновь открытых бизнесов, только 3% из них продержатся на плаву 3 года⁵. В России картина еще более грустная. С 2016 г. в стране установилась тенденция опережения количества закрывшихся фирм над вновь открывшимися. По данным FinExpertiza, в 2019 г. количество закрывшихся предприятий превысило количество открывшихся в 2,14 раза – 600 тыс. против 290 тыс⁶. В первом полугодии 2021 г. закрылось по собственной инициативе 281,8 тыс. индивидуальных предприятий – 51,4%, 258,3 тыс. лиц или 47,1% было исключено из реестра индивидуальных предпринимателей по решению регистрирующего органа⁷. Причем из вышедших из бизнеса в 2020 г. россиян 62% не рассматривают возможность снова начать свое дело в ближайшие три года [Верховская, Богатырева, Дорохина, Ласковая, Шмелева 2021, 47].

Что данная тенденция означает для неудачливых предпринимателей и для экономики? Для первых это обернется утратой скудных ресурсов и обременением долгами по кредитам и невыполненным обязательствам и, как следствие, снижением уровня жизни и переходом в категорию бедного населения, а для некоторых из них – утратой имущества и пауперизацией. Для экономики закрытие компаний приводит к потере ресурсов, распространению бедности, углублению социального расслоения. Однако также снижается предпринимательская активность, так как страх провала в качестве препятствия для открытия бизнеса постоянно усиливается, о чем в 2019 г. заявили 46,9% респондентов. Россия по этому показателю стабильно входит в топ-20 стран и в 2020 г. заняла 14-е место из 43 стран-участниц проекта GEM [Верховская, Богатырева, Дорохина, Ласковая, Шмелева 2021, 23]. Упомянутые тенденции свидетельствуют о том, что в политике поддержки предпринимательства следует воздерживаться от содействия росту вынужденной предпринимательской деятельности, так как в долгосрочной перспективе она не обеспечивает ни развития предпринимательства, ни устойчивого экономического роста. Это не означает, что такое предпринимательство надо лишить всякого внимания и поддержки. Его поддержка должна ограничиваться исключительно созданием приемлемых для ведения бизнеса институциональных условий, к которым относятся: равный доступ к производственным ресурсам, защита от силовых посягательств, создание равно напряженных конкурентных условий.

Предпринимательство «по возможности» (opportunity-driven или opportunity-based entrepreneurship) характерно для лиц, которые используют открывшиеся на рынке возможности для получения выгод. В противоположность вынужденному предпринимательству оно добровольно по своей природе и обусловлено стремлением использовать обнаруженную возможность. Данный тип предпринимательства – не просто деятельность, а скорее стиль жизни, в котором предпочтение отдается нематериальным выгодам: независимости, самореализации, исполнению амбиций. Чтобы быть добровольным предпринимателем, не обязательно быть выскочкой и революционером, как полагал Й. Шумпетер [Шумпетер 1982, 199]. Автор также не разделяет мысль о том, что деятельность таких предприни-

⁵ 90% бизнесов закрываются в первый год. Sorokin Life. Будни владельца трафик-агентства. (<https://sorokin.life/nachinayushhim/90-biznesov-zakryvayutsya-v-pervyj-god.html>).

⁶ Число закрывшихся бизнесов в два раза превысило число открывшихся. РБК. 6 июня 2019 года. (<https://www.rbc.ru/economics/06/06/2019/5cf7bc9b9a79474f236c46a3>).

⁷ Эксперты сообщили, что количество закрытых ИП за год в России выросло почти в два раза. ТАСС. 19 июля 2021 года. (<https://tass.ru/ekonomika/11931743>)

мателей не может мотивироваться приобретательством, и ее следует рассматривать как вид спорта. Тем не менее, нельзя не признать, что для них «вечная неудовлетворенность достигнутым, жажда борьбы и «стремление к успеху ради успеха», радость творчества имеют существенное значение [Шумпетер 1982, 199]. Однако самая значимая черта добровольного предпринимательства состоит не в новизне решений, а в их разнообразии. Разнообразие – несущий элемент в модели шумпетерианской конкуренции, результатом работы которой становится технический и социально-экономический прогресс в обществе.

Спрос и предложение креативного предпринимательства

Если рассматривать предпринимательство в контексте его влияния на устойчивость развития экономики, то данный тип деятельности следует анализировать не как явление, а как ресурс. По своей природе предпринимательство не обладает такими признаками, как однородность и делимость, и не отвечает требованиям, предъявляемым к категории «ресурс». Однако это не критично в ситуации, когда его анализируют в качестве фактора экономического роста. Особенно оправдано использовать такой подход по отношению к нарождающемуся или раннему предпринимательству⁸, которое выступает объектом анализа в данной статье. С позиций ресурсного подхода изменения в уровне предпринимательской активности можно представить в виде стандартной рыночной модели, где положение кривой спроса будет отражать спрос на услуги предпринимателей, а кривая предложения – уровень предоставления этих услуг на рынок, как показано на рис. 1 [Casson 2003, 195–197].

В такой модели предпринимательство выступает в качестве альтернативы работе по найму и досугу. Кривая спроса на услуги предпринимателей отображает уровень вознаграждения предпринимателя, который зависит от ценности услуг последнего. Рост численности предпринимателей подрывает монополизм каждого отдельного предпринимателя, из-за чего уровень ценности предпринимательских услуг будет снижаться, и кривая спроса на эти услуги станет убывающей. В группе предпринимателей, для которых предпринимательство – альтернатива работы по найму (N), предложение предпринимательских услуг будет абсолютно эластично по реальному доходу от работы по найму. Это означает, что для каждого уровня вознаграждения предложение предпринимателей будет формироваться исключительно за счет лиц, которые рассматривают предпринимательскую деятельность в качестве альтернативы работе по найму (в нашем случае N). В этой части предложение услуг предпринимательства отражено горизонтальной линией, которая показывает ожидаемый уровень вознаграждения (W). Для субъектов, ожидания которых от услуг предпринимательства выше реальных доходов от работы по найму, кривая предложения будет восходящей – она отражает готовность включиться в предпринимательство в зависимости от уровня его вознаграждения. Точка E отражает равновесное состояние рынка при объеме предпринимательских услуг (M) и уровне их вознаграждения (V). Специфика механизма этого рынка состоит в том, что равновесие достигается за счет реагирования предпринимателей на количественные сигналы, а не ценовые. Дело в том, что именно количество предпринимателей позволяет каждому из них определить «цену» своих услуг. Модель позволяет сделать ряд важных выводов:

⁸ Раннее предпринимательство: нарождающиеся предприниматели – владельцы бизнеса с менее чем трех месячным стажем, и владельцы нового бизнеса – те, кто управляет бизнесом и получает доход более 3 месяцев, но менее 3,5 лет. В GEM: до 1 года; от 1 года до 3 лет.

1. спрос на услуги предпринимателей обусловлен темпами изменений в экономике;
2. предложение предпринимательских услуг определяется величиной предпринимательского потенциала, которым располагает общество;
3. уровень вознаграждения предпринимательской услуги тем выше, чем больше спрос на нее и чем меньше предложение предпринимателей;
4. предприниматель может рассчитывать лишь на временное извлечение монопольной ренты, так как в долгосрочном периоде она будет размыта из-за притока соперников, привлеченных высоким предпринимательским доходом;
5. единственный способ консервации получения ренты – возведение барьеров входа на рынок для потенциальных предпринимателей.

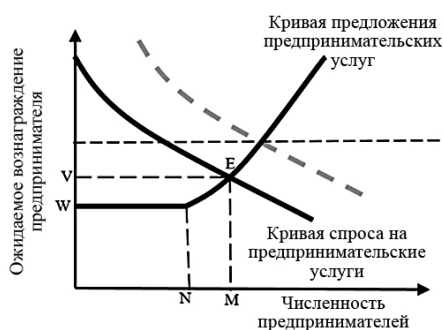

Рисунок 1. Модель рынка предпринимательских услуг

Figure 1. Entrepreneurship market model

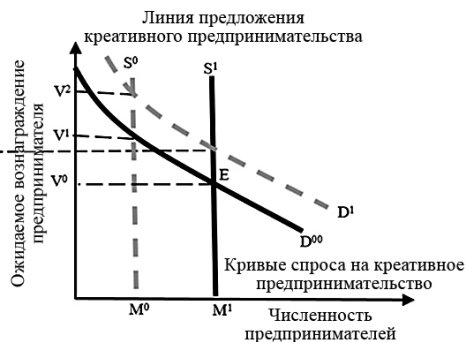

Рисунок 2. Модель рынка креативного предпринимательства

Figure 2. Creative entrepreneurship market model

Приведенные выводы характерны и для рынка креативных услуг предпринимательства, которые выражаются в классических шумпетерианских нововведениях – новый продукт, новая технология, новый ресурс или новый способ его применения, открытие нового рынка, новая форма бизнеса [Шумпетер 1982, 169–170], а также в «способности изобретать и находить новые пути увеличения своего благосостояния, власти и престижа» [Baumol 1990, 897–898]. Однако имеются и принципиальные отличия (рис. 2). В силу самой природы креативности численность креативных личностей ограничена. Для каждого «времени и места», т.е. в краткосрочном периоде, численность креативных предпринимателей всегда дискретна. Отсюда, не будет ошибкой отобразить предложение услуг креативного предпринимательства вертикальной линией M^0 или M^1 , как показано на рис. 2. Данная особенность позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, предложение креативного предпринимательства не зависит от спроса на предпринимательские услуги. Поэтому, в отличие от вынужденного предпринимательства, его предложение не зависит от уровня дохода и социальных гарантий, а также от стадии экономического цикла⁹. Совершенно очевидно, что потенциал креативного предпринимательства будет заведомо больше в странах с высоким уровнем развития $M^1 > M^0$. Однако данная особенность

⁹ Многолетние наблюдения GEM указывают на две особенности предпринимательской активности. Она всегда выше в странах с низким доходом и низким уровнем социальных гарантий, а также увеличивается в период экономического спада и снижается при экономическом подъеме. Однако все зависит от мотивационной структуры предпринимательства. В указанных странах, как автор сам выше справедливо отмечает, преимущественно сформировалось вынужденное предпринимательство.

обусловлена не уровнем вознаграждения, а другими, преимущественно институциональными факторами. Экономический спад может служить спусковым крючком для активизации креативного предпринимательства, но в целом объем его предложения зависит не от этапа экономического цикла, а от накопленного потенциала.

Второй вывод заключается в том, что предложение креативного предпринимательства абсолютно неэластично от вознаграждения. Как и в случае с вынужденным предпринимательством, равновесный уровень вознаграждения креативных предпринимателей определяется соотношением спроса и предложения их предпринимательских услуг. Однако численность креативных предпринимателей не определяется уровнем спроса. Наоборот, при данном спросе уровень вознаграждения креативного предпринимательства будет определяться величиной его предложения, как это видно из рисунка 2: $M^0 - V^1$; $M^1 - V^0$. Данная динамика не означает, что объем креативных услуг вообще не зависит от уровня вознаграждения. Тем не менее, корреляция между уровнем вознаграждения и численностью креативных предпринимателей будет крайне слабой.

Иной представляется зависимость между указанными параметрами в долгосрочном периоде. Если в краткосрочном периоде уровень вознаграждения не влияет на предложение креативного предпринимательства, то в долгосрочном он выступает фактором, активно влияющим на формирование креативного потенциала. Следовательно, уровень вознаграждения влияет на численность креативных предпринимателей в будущем, что может быть отражено в виде сдвига линии его предложения из положения M^0 в положение M^1 . Это говорит о том, что формирование предпринимательского потенциала креативного типа – результат долгосрочного процесса, в котором доминирующую роль играет принцип вознаграждения, в чем и заключается третий вывод.

Спрос порождает предложение. Действует ли данный принцип в отношении предпринимательства? Насколько этот принцип адекватен по отношению к креативному предпринимательству? Спрос на креативное предпринимательство – это запрос на экономические перемены, т.е. на решения, которые способны изменить сложившуюся структуру бизнеса и вознаграждения предпринимателей. Существует ли такой запрос в российской экономике, которая характеризуется столь высоким уровнем огосударствления и концентрации собственности?

Как показал У. Баумоль [Baumol 1990], в спросе на креативное предпринимательство главенствующую роль играет не уровень вознаграждения, а его принцип. Вознаграждение предпринимателей может иметь рентный и конкурентный характер. В первом случае оно зависит не от личных усилий предпринимателя, а от общественной значимости бизнеса и от «близости бизнесмена к власти». Конкурентный принцип вознаграждения опирается исключительно на преимущества, завоеванные предпринимателем в открытой конкурентной борьбе. Каждый тип вознаграждения формирует соответствующее ему поведение. При рентном характере вознаграждения усилия предпринимателей направлены на укрепление существующих и установление новых особых отношений с представителями властных структур. Поскольку в неизбежности таких отношений заинтересованы обе стороны, запрос на перемены в сложившейся системе экономических отношений угрожает стабильности. В результате даже пустяковая инновация рассматривается как нежелательное явление. В такой системе запрос на креативное предпринимательство, способное пошатнуть «устои», будет крайне низким. Господство в настоящее время в российской экономике рентного принципа вознаграждения практически сводит на нет мотивы и стимулы перехода к креативному предпринимательству. И все же наиболее значимые факторы лежат на стороне предложения.

Предложение креативного предпринимательства отражает восприимчивость индивидов к открывшимся на рынке возможностям. Оно формируется под влиянием двух групп факторов: внутренней готовности индивидов к предпринимательской деятельности и способности к ней. Внутренняя готовность определяется действующими стимулами: возможностью повысить стандарты жизни и социальной престижностью. Для креативного предпринимателя, несомненно, второй стимул выступает доминирующим. Однако реализовать он может только в конкурентной среде и при господстве права. Отсутствие гарантий собственности на достижения и присвоение результатов от них подрывает стимулы к креативному поведению, а возможное силовое перераспределение результатов предпринимательской деятельности устраняет даже намерения к нему.

Способность к выполнению предпринимательских функций – это вторая сила, которая определяет внутреннюю готовность индивидов к предпринимательству. Очевидно, что при прочих равных условиях предложение креативного предпринимательства зависит от уровня образования и квалификации граждан. Большое значение имеет знакомство с навыками ведения предпринимательской деятельности, которые формируются как в процессе обычной жизнедеятельности путем наблюдения, так и посредством специальной подготовки. В стране постепенно растет оценка готовности к занятию бизнесом, но в 2020 г. Россия по параметру достаточности знаний у индивидов для начала предпринимательской деятельности заняла только 43-е – последнее место среди стран-участниц рейтинга [Верховская, Богатырева, Дорохина, Ласковская, Шмелева 2021, 22–23].

Однако для креативного предпринимательства указанная характеристика – всего лишь общий фон. В отличие от вынужденного предпринимательства, которое зачастую возникает стихийно, креативное имеет подготовленный характер – нарождающийся предприниматель вынашивает его на протяжении длительного времени в процессе трудовой деятельности. Соответственно, интрапренерство, которое способствует не только развитию предпринимательских навыков, но и самого предпринимательского духа, играет значительную роль в предложении креативного предпринимательства. По данным Глобального мониторинга предпринимательства, в среднем вовлеченность во внутрифирменное предпринимательство составляет 4% при лидерских показателях в 8,6% (Канада, Ирландия), 8% (США), 7,9% (Нидерланды). В России в 2018/19 гг. показатель составил 0,7% [Верховская, Богатырева, Кнатко, Дорохина, Шмелева 2019, 33], а в 2020/21 гг. – 0,44% [Верховская, Богатырева, Дорохина, Ласковская, Шмелева 2021, 41]. Однако проблема заключается не в цифрах, а в той корпоративной культуре, которая сложилась на российских предприятиях.

Значимым фактором формирования предложения креативного предпринимательства выступает уровень экономической свободы. Нельзя сказать, что между степенью экономической свободы и предпринимательской активностью существует прямая зависимость, однако она прослеживается достаточно явно: чем больше экономическая свобода, тем выше предпринимательская активность (рис. 3). Можно предположить, что в отношении креативного предпринимательства зависимость проявляется еще сильнее. Косвенным доказательством может служить положительная корреляция между Индексом экономической свободы и Уровнем инноваций, которая равна 0,74¹⁰. Россия по уровню экономической свободы стабильно занимала по этому показателю место во второй сотне стран – 113 место в 2021 г.¹¹. Ориентироваться на показатели легкости ведения бизнеса из рейтинга «Doing

¹⁰ Economic Freedom Index. (2022). P. 28. The Heritage Foundation. (https://www.heritage.org/index/pdf/2022/book/03_2022_IndexofEconomicFreedom_ECONOMIC-FREEDOM-MATTERS.pdf).

¹¹ Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы. Гуманитарный портал. (<https://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom>).

Business», в котором Россия заняла 28 место в 2020 г.¹², уже нельзя. Как выяснилось, его показатели формировали под влиянием заинтересованных сторон, а главное, они отражали не действительное положение дел, а «заявленное», определяемое на основе провозглашенных правовых норм и правил. Поэтому нередко условия для предпринимательства на практике сильно отличалась от провозглашенных норм, что стало причиной отказа от использования данного рейтинга с 2021 г.

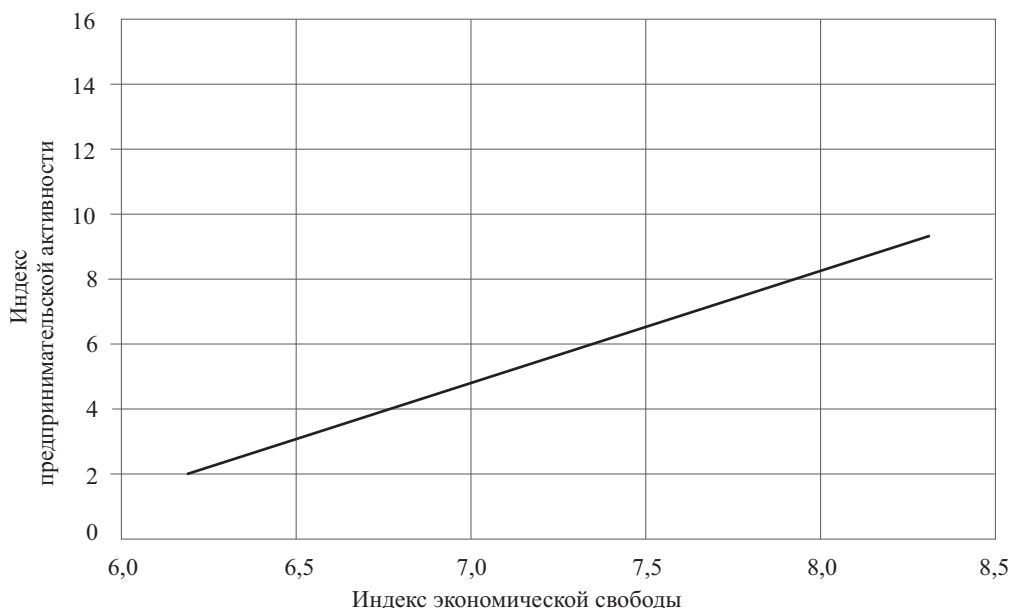

Рисунок 3. Экономическая свобода и предпринимательская активность в странах ОЭСР – 2013 г.

Figure 3. Economic freedom and entrepreneurial activity in OECD countries, 2013

Здесь уместно отметить, что развернувшееся после начала «специальной военной операции» на Украине законодательное нормотворчество, казалось бы, далекое от проблем предпринимательства, на самом деле весьма негативно влияет на проявление креативной составляющей в российском предпринимательстве. С одной стороны, данная особенность обусловлена возросшими рисками хозяйственной деятельности и усилением недоверия к институтам, а с другой – сужением возможностей для заимствований. И то, и другое подрывает не только внутреннюю готовность к креативной деятельности, но и способность к ней. Одновременно практика показала, что государственные усилия по развитию предпринимательства – как в виде экономической поддержки, так и обучающих программ – малоэффективны. Однако они неизбежно расширяют область и увеличивают степень государственного регулирования в сфере предпринимательства, что негативно сказывается на экономической свободе предпринимателя, благодаря которой он реагирует на открывающиеся на рынке возможности. Соответственно, задача государства сводится к созданию институтов и механизмов, которые минимизировали бы затраты предпринимателей на рыночные сделки, обеспечивая необходимые для этого характеристики: четкость установления и гарантия прав собственности; прозрачность налогообложения; защита имущественных прав и исполнение договоров; беспристрастность судебной системы.

¹² Doing Business 2020. World Bank Group. Washington. 2020. P. 4.

Уровень развития экономики влияет на предложение предпринимательства в том плане, что оно расширяет поле для бизнес-активности. Развитая экономика – это глубокая специализация производителей, что увеличивает возможности для новой предпринимательской ниши. Выступая фактором формирования конкурентного преимущества, производственная специализация требует более широкой палитры инновационных предложений, что, в свою очередь, способствует развитию производственной кооперации. Мировая практика показывает: чем технологически сложнее продукция, тем шире становится основа для инновационных предложений, тем больше доля инновационных предприятий и тем активнее проявляется креативное предпринимательство.

Условия и барьеры для перехода к креативному предпринимательству

Распространение производственной кооперации из-за углубления производственной специализации и обострения конкуренции можно определить как магистральное направление развития современной экономики или «нового института промышленного развития» [Бест 2002]. Данная особенность, естественно, не может не сказаться на характере развития предпринимательства. Предпринимательство становится все более узко специализированным и кооперированным. С одной стороны, это обусловлено сложностями создания конкурентного преимущества, а с другой – сокращением сроков окупаемости бизнес-проектов из-за высокой динамики продуктовых и технологических изменений.

Способом разрешения данного противоречия стали предпринимательские экосистемы, главной целью которых было создание конкурентных преимуществ и распределение хозяйственных рисков. Такая форма взаимодействия предоставляла целый ряд преимуществ. Во-первых, она позволяла добиваться высокого уровня компетенций за счет глубокой специализации. Во-вторых, обеспечивала повышение конкурентоспособности участников экосистемы благодаря системному кумулятивному эффекту. В-третьих, поддерживая среди участников соперничество за центральное место в системе, она ограждала сеть от бюрократизации и одновременно сохраняла стимулы для совершенствования.

В связи с указанной тенденцией следует признать обоснованным предложение о необходимости перехода к принципиально новой политике поддержки предпринимательства, которая опиралась бы на экосистемный подход [Земцов, Чепуренко, Баринаова, Красносельских 2020]. Суть подхода заключается в проактивной политике, которая сочетает «комплекс мер косвенной и прямой поддержки по выстраиванию устойчивых сетей бизнес-агентов и улучшению предпринимательской среды с учетом особенностей агентов и территории их деятельности» [Земцов, Чепуренко, Баринаова, Красносельских 2020, 50-51]. Стратегическая цель экосистемной политики развития предпринимательства – создавать условия, которые генерировали бы высокую готовность отклика бизнеса на открывающиеся возможности, т.е. его активного реагирования на происходящие в экономике и в обществе перемены. Отличительная особенность такой политики заключается в том, что главенство в ней отводится косвенным мерам, а объекты политики выступают активными ее участниками.

Для эффективного проведения такой политики непременно необходима соответствующая среда. Отличительная черта подобной среды – высокая доля креативного предпринимательства, что неудивительно: само формирование предпринимательских экосистем предполагает наличие креативной составляющей, вокруг которой начинает формироваться предпринимательская сеть. Только благодаря креативной составляющей предприниматель способен найти или создать новую рыночную нишу с большим потенциалом роста, которая может оказаться ядром для формирования предпринимательской экосистемы.

В то же время создателю экосистемы недостаточно обладать компетенциями (конкурентными преимуществами), ценными для других участников. Он должен быть способен постоянно обновлять кооперационные взаимосвязи между участниками, укреплять и расширять взаимодействие с внешними субъектами сети, повышать издержки переключения участников на другие экосистемы, создавать стимулы для укрепления сети.

Сторонники экосистемного подхода, говоря о трудностях его реализации, концентрируют внимание на неэффективности традиционной политики поддержки предпринимательства [Земцов, Чепуренко, Баринова, Красносельских 2020], что совершенно справедливо. Однако, по мнению автора, для российской действительности проблема не ограничивается типом политики. Она значительно глубже и заключается в сформировавшейся модели номенклатурного предпринимательства [Тарануха 2016]. Номенклатурная модель предпринимательства характеризуется следующими чертами: тесное переплетение интересов властных структур и бизнеса; наличие перекрестного представительства в управляющих органах; господство оппортунистического поведения; концентрация усилий на перераспределительной деятельности; стремление к консервации управленческих структур (несменяемость власти); распространение авторитарных методов управления. Находясь в такой модели, предприниматель воспринимает рынок как враждебную среду, в которой равенство конкурентных требований заменено корпоративной принадлежностью и близостью к властным структурам, а инновационная деятельность не выглядит самым привлекательным путем к обретению успеха. По сути – это оппортунистическая модель бизнеса, где усилия направляются не на созидание, а на перераспределение. Очевидно, что в такой ситуации предприниматели будут стремиться не к креативным решениям, а к поиску путей укрепить отношения с представителями властных структур. Главным направлением развития станет «патриотизм» бизнеса, который в действительности представляет собой не более чем стремление к созданию «заповедников прибыли». В такой модели нет места креативному предпринимательству.

Устойчивость номенклатурной модели определяется отсутствием работающей конкуренции. Ведь продуктивная работа предпринимательства, в какой бы форме она ни проявлялась, есть исключительно следствие конкуренции, которая создает стимулы для креативной деятельности благодаря уничтожению всяких привилегий [Энгельс 1955, 560; Маркс 1957, 455; Эрхард 1991, 13–15]. В связи с данной особенностью необходимо обеспечивать состязательный характер отношений среди агентов рынка. Реализовать данную функцию возможно только при наличии расщепления экономической власти. Отсюда, на первом месте стоит задача ликвидации сложившегося в российской экономике слияния бизнеса с представителями властных структур. Таков главный барьер для генерации креативного предпринимательства, требующего равных условий и равенства принципов вознаграждения.

Другая неперемнная составляющая состязательной среды – обеспечение равно напряженных условий для всех участников конкурентной борьбы, что всецело зависит от факторов, обуславливающих свободу миграции капиталов. Соответственно, главной задачей становится снижение уровня отраслевых барьеров. Подлинная проблема для внутри- и межотраслевой миграции капиталов заключается в низкой конкурентоспособности российского бизнеса. Как показал А. Алчян, в сложных конкурентных условиях рациональный выбор связан с приверженностью проверенному практикой поведению [Alchian 1977, 17]. В результате складывается особый тип среды, где вместо поиска инновационных решений конкуренты заинтересованы в консервации сложившихся условий. Из данной ситуации и возникает тяготение к тесному сотрудничеству бизнеса с представителями властных структур. Без разрыва подобной связи невозможно обеспечить равные условия конкуренции.

Третья составляющая подлинно конкурентной среды – создание условий, которые сделали бы следование конкурентным нормам не только необходимой, но и внутренне мотивированной формой поведения. Иначе говоря, необходимо сконструировать такую конкурентную среду, в которой каждый соперник воспринимает конкурентную борьбу как состязание, в котором вознаграждаются те, кто увеличил свое превосходство за счет создания дополнительной ценности. Как следствие, возникнут условия для состязательного характера отношений среди носителей частных интересов, для которых креативность, воплощенная в форму нововведений, станет главным источником предпринимательского дохода и успеха. В результате появится для генерации креативных предпринимателей.

Заключение

Главная ценность предпринимательства для экономики и общества заключена в его неисчерпаемости как производственного ресурса. Однако общественная результативность предпринимательской деятельности – это не данность, она возникает вследствие тех социально-экономических условий, в которых предпринимательство осуществляется. Если условия обеспечивают общественный престиж и вознаграждение только тем представителям бизнеса, которые создают дополнительную ценность, возникнет креативное предпринимательство, ориентированное на инновационную деятельность и обеспечивающее устойчивый экономический рост.

Как показывают исследования, креативный характер предпринимательства имеет и социальную сторону. Предпринимательство «по необходимости», т.е. фактически вынужденное, не генерирует креатив. Напротив, оно может стать фактором замедления перемен, а порой даже причиной консервации сложившихся условий. Только предпринимательство «по возможности», которое обусловлено стремлением реализовать коммерческую бдительность и накопленные компетенции, становится подлинным источником креативных свершений, обеспечивающих поступательный ход социально-экономического прогресса. Формирование условий для генерации креативного предпринимательства требует особого подхода. Со стороны спроса прежде всего требуется морально-нравственная санкционированность этой деятельности. Объем предложения креативного предпринимательства, выраженный в готовности откликнуться на открывшиеся возможности извлечения дохода, зависит не только от сформировавшегося в обществе предпринимательского потенциала. Как утверждает теория и показывает практика, для проявления этой готовности необходимы состязательные условия, которые обеспечивают одинаковые конкурентные требования и предъявляют ясные критерии вознаграждения ко всем соперникам.

В настоящее время это имеет особое значение, учитывая формирование предпринимательских экосистем (особенно на основе производственной кооперации). Соответственно, требуется новая политика в отношении развития бизнеса. Однако и то, и другое может быть реализовано только в рамках конкурентной среды, которой недостает в российской действительности, отличающейся сращиванием бизнеса с властными структурами. Возникший новый монополизм стал главным барьером на пути перехода к креативному типу предпринимательства. Следовательно, единственный способ решить задачу – устранить указанный барьер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барина В.А., Салимова Д.Р., Земцов С.П., Царева Ю.В. (2021) Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // Вопросы экономики. № 10. С. 66–93.
- Баумоль У. (2013) Микротеория инновационного Предпринимательства. Глава 1. Предпринимательство в экономической теории: причины его отсутствия и основания для восстановления // Экономическая социология. Т. 14. № 3. С. 96–107.
- Бест М. (2002) Новая конкуренция. Институты промышленного развития. М.: ТЕИС. 356 с.
- Верховская О.Р., Богатырева К.А., Кнатько Д.М., Дорохина М.В., Шмелева Э.В. (2019) Глобальный мониторинг предпринимательства 2018/2019. Национальный отчет. ВШМ СПбГУ. 91 с.
- Верховская О.Р., Богатырева К.А., Дорохина М.В., Ласковая А.К., Шмелева Э.В. (2021) Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный отчет. Россия 2020/2021. СПб.: ВШМ СПбГУ. 98 с.
- Волков В. (2012) Силовое предпринимательство, XXI век. Экономико-социологический анализ. 3-е изд. СПб.: Изд-во Европейского ун-та. 352 с.
- Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Барина В.А., Красносельских А.Н. (2020) Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. № 10. С. 44–67.
- Земцов С.П. (2021) Новые технологии и развитие регионов в современных условиях. Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 197–208.
- Кирцнер И. (2001) Предпринимательство и конкуренция. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 239 с.
- Маркс К. (1957) Наемный труд и капитал // В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. М.: Политиздат. 761 с.
- Тарануха Ю.В. (2012) Конкуренция: система и процесс. М.: ДиС. 672 с.
- Тарануха Ю.В. (2016) Постсоветский феномен номенклатурного предпринимательства: причины формирования и пути преодоления // Экономист. № 8. С. 24–41.
- Тарануха Ю.В. (1997) Сущность и формы предпринимательства // В: Курс экономической теории. Под ред. А.В. Сидоровича, М.: Дело и сервис. С. 488–514.
- Чепуренко А.Ю., Яковлев А.А. (2013) Теория предпринимательства: важность контекста // Российский журнал менеджмента. Том 11. № 2. С. 51–60.
- Чепуренко А.Ю., Образцова О.И., Алимова Т.А., Габелко М.В., Мулукова Л.Р., Денисова М.В., Филагова Ю.В. (2007) Предпринимательский потенциал российского общества: GEM Russia. Отчет о научно-исследовательской работе. М.: ГУ «ВШЭ». 121 с.
- Шумпетер Й. (1982) Теория экономического развития. М.: Прогресс. 455 с.
- Шумпетер Й. (1995) Капитализм. Социализм и демократия. М.: Экономика. 540 с.
- Энгельс Ф. (1955) наброски к критике политической экономии // В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат. 698 с.
- Эрхард Л. (1991) Богатство для всех. М.: Начала. Пресс. 336 с.
- Acs Z.J., Audrestch D.B. (1990) Innovation and Small Firms. Boston: MIT Press. 220 p.
- Acs, Z. J., Braunerhjelm, P., Audretsch, D. B., Carlsson, B. (2009) The Knowledge Spillover Theory of Entrepreneurship // Small Business Economics. No. 32. Pp. 15–30.
- Alchian A. (1977) Economic Forces at Work. Indianapolis: Liberty Press. 524 p.
- Audretsch D., Keilbach M. (2004). Entrepreneurship Capital and Economic Performance // Regional Studies. Vol. 38. No. 8. Pp. 949–959.
- Baumol W. J. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // Journal of Political Economy. Vol. 98. No. 5. Part 1. Pp. 893–921.
- Birch D. (1979) The Job Generation Process. Cambridge, MA. 22 p.
- Birch D. L. (1981) Who Creates Jobs? // The Public Interest. No. 65. Pp. 3–14.
- Bosma N., Hill S., Ionescu-Somers A., Kelley D., Guerrero M., Schott T. (2021) Global Entrepreneurship Monitor. 2020/2021 Global Report.

- Casson M. (2003) *The Entrepreneur: An Economic Theory* // Massachusetts: Edward Elgar Publishing Limited. 272 p.
- Dejardin M. (2000) *Entrepreneurship and Economic Growth: An Obvious Conjunction?* The Institute for Development Strategies. (<https://econwpa.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/dev/papers/0110/0110010.pdf>).
- Naudé W. (2008) *Entrepreneurship in Economic Development* Research Paper. No. 2008/20. (<https://core.ac.uk/download/pdf/6379935.pdf>).
- Reynolds P.D., Hay M., Camp M.S. (1999) *Global Entrepreneurship Monitor 1999. Executive Report*. Babson College. 46 p.
- Reynolds P.D., Camp M.S., Bygrave W.D., Autio E., Hay M. (2001) *Global Entrepreneurship Monitor 2001. Executive Report*. Massachusetts: Babson College. 58 p.
- Shane S., Venkataraman S. (2000) *The Promise of Entrepreneurship as a Field of Research* // *Academy of Management Review*. Vol. 25. No. 1. Pp. 217–226.
- Welter F. (2011). *Contextualizing Entrepreneurship. Conceptual Challenges and Ways Forward* // *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 35. No. 1. Pp. 165–184. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2010.00427.x>.

REFERENCES

- Acs, Z. J., Audrestch, D. B. (1990) *Innovation and Small Firms*. Boston: MIT Press. 220 p.
- Acs, Z. J., Braunerhjelm, P., Audrestsch, D. B., Carlsson, B. (2009) *The Knowledge Spillover Theory of Entrepreneurship*. *Small Business Economics*. no. 32, pp. 15–30.
- Alchian A. (1977) *Economic Forces at Work*. Indianapolis: Liberty Press. 524 p.
- Audrestsch D., Keilbach M. (2004). *Entrepreneurship Capital and Economic Performance*. *Regional Studies*. vol. 38, no. 8, pp. 949–959.
- Barinova V.A., Salimova D.R., Zemcov S.P., Careva YU.V. (2021) *Zanyatost' v malom i srednem biznese v Rossii: v poiskah faktorov rosta [Employment in SMEs in Russia: Looking for Growth Drivers]*. *Voprosy ekonomiki*. no. 10, pp. 66–93.
- Baumol' U. (2013) *Mikroteoriya innovacionnogo Predprinimatel'stva*. Glava 1. *Predprinimatel'stvo v ekonomicheskoy teorii: prichiny ego otsutstviya i osnovaniya dlya vosstanovleniya [Micro-theory of Innovative Entrepreneurship. Chapter 1: Entrepreneurship in Economic Theory: The Reasons for its Absence and the Reasons for its Recovery]*. *Ekonomicheskaya sociologiya*. vol. 14, no. 3, pp. 96–107.
- Best M. (2002) *Novaya konkurenciya. Instituty promyshlennogo razvitiya [The New Competition. Industrial Development Institutions]*. Moscow: TEIS. 356 p.
- Birch D. (1979) *The Job Generation Process*. Cambridge, MA. 22 p.
- Birch D. L. (1981) *Who Creates Jobs? The Public Interest*. no. 6, pp. 3–14.
- Bosma N., Hill S., Ionescu-Somers A., Kelley D., Guerrero M., Schott T. (2021) *Global Entrepreneurship Monitor. 2020/2021 Global Report*.
- Casson M. (2003) *The Entrepreneur: An Economic Theory*. 2nd ed. Massachusetts: Edward Elgar publishing limited. 272 p.
- Chepureno A.YU., Obrazcova O.I., Alimova T.A., Gabelko M.V., Mulukova L.R., Denisova M.V., Filatova YU.V. (2007) *Predprinimatel'skij potencial rossijskogo obshchestva: GEM Russia. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote [Entrepreneurial Potential of Russian Society: GEM Russia. Research paper report]*. Moscow: GU-VSHE. 121 p.
- Chepureno A.YU., Yakovlev A.A. (2013) *Teoriya predprinimatel'stva: vazhnost' kon-teksta [Entrepreneurial Theory: The Importance of Context]*. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*. vol. 11, no. 2. pp. 51–60.
- Dejardin M. (2000) *Entrepreneurship and Economic Growth: An Obvious Conjunction?* The Institute for Development Strategies. (<https://econwpa.ub.uni-muenchen.de/econ-wp/dev/papers/0110/0110010.pdf>).

Engel's F. (1955) Nabroski k kritike politicheskoy ekonomii [Outline for a Critique of Political Economy]. In: Marks K., Engel's F. *Soch. 2-e izd.* Vol. 1. Moscow: Politizdat. 698 p.

Erhard L. (1991) *Bogatstvo dlya vsekh* [Wealth for All]. Moscow: Nachala – Press. 336 s.

Kircner I. (2001) *Konkurenciya i Predprinimatel'stvo* [Competition and Entrepreneurship]. Moscow: YUNITI-DANA. 239 p.

Marks K. (1957) Naemnyj trud i capital [Wage Labour and Capital]. In: Marks K., Engel's F. *Soch. 2-e izd.* Vol. 6. Moscow: Politizdat. 761 p.

Naude W. (2008) *Entrepreneurship in Economic Development Research Paper*. No. 2008/20. (<https://core.ac.uk/download/pdf/6379935.pdf>).

Reynolds P.D., Hay M., Camp M. S. (1999) *Global Entrepreneurship Monitor 1999*. Executive Report. Massachusetts: Babson College. 46 p.

Reynolds P.D., Camp M.S., Bygrave W.D., Autio E., Hay M. (2001) *Global Entrepreneurship Monitor 2001*. Massachusetts: Executive Report. Babson College. 58 p.

Shane S., Venkataraman S. (2000) The Promise of Entrepreneurship as a Field of Research. *Academy of Management Review*. vol. 25, no. 1, pp. 217–226.

Shumpeter J. (1995) *Kapitalizm. Socializm i demokratiya* [Capitalism. Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika. 540 p.

Shumpeter J. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Economic Development Theory]. Moscow: Progress. 455 p.

Taranuha YU.V. (2016) Postsovetskij fenomen nomenklaturного predprinimatel'stva: prichiny formirovaniya i puti preodoleniya [The Post-Soviet Phenomenon of Nomenklatura Entrepreneurship: Causes of Formation and Ways to Overcome It]. *Ekonomist*. no. 8, pp. 24–41.

Taranuha YU.V. (1997) Sushchnost' i formy predprinimatel'stva. Glava 44. V kn. Kurs ekonomicheskoy teorii [The Essence and Forms of Entrepreneurship]. In: *Economic Theory Course*. Ed(s): A.V. Sidorovicha. Moscow: Delo i servis. Pp. 488–514.

Taranuha YU.V. (2012) *Konkurenciya: sistema i process* [Competition: System and Process]. Moscow: DiS. 672 p.

Verhovskaya O.R., Bogatyreva K.A., Knat'ko D.M., Dorohina M.V., SHmeleva E.V. (2019) *Global'nyj monitoring predprinimatel'stva 2018/2019. Nacional'nyj otchet* [Global Entrepreneurship Monitor 2018/2019. National Report]. Saint-Petersburg: VSHM SPbGU. 91 p.

Verhovskaya O.R., Bogatyreva K.A., Dorohina M.V., Laskovaya A.K., SHmeleva E.V. (2021) *Global'nyj monitoring predprinimatel'stva. Nacional'nyj otchet. Rossiya 2020/2021* [Global Entrepreneurship Monitor. National Report. Russia 2020/2021]. Saint-Petersburg: VSHM SPbGU. 98 p.

Volkov V. (2012) *Silovoe predprinimatel'stvo, HKHI vek. Ekonomiko-sociologicheskij analiz* [Power Entrepreneurship in the Twenty-First Century. An Economic and Sociological Analysis]. 3rd Edition. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta. 352 p.

Welter F. (2011). Contextualizing Entrepreneurship. Conceptual Challenges and Ways Forward. *Entrepreneurship Theory and Practice*. vol. 35, no. 1, pp. 165–184. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2010.00427.x>.

Zemcov C.P., Chepurenko A.YU., Barinova V.A., Krasnosel'skih A.N. (2020) Novaya predprinimatel'skaya politika dlya Rossii posle krizisa 2020 goda [A New Entrepreneurial Policy for Russia after the 2020 Crisis]. *Voprosy ekonomiki*. no. 10, pp. 44–67.

Zemcov S.P. (2021) Novye tekhnologii i razvitie regionov v sovremennykh usloviyah [New Technologies and Regional Development in Today's Environment]. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii*. no. 3, pp. 197–208.

Информация об авторе

Тарануха Юрий Васильевич, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики экономического факультета, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Адрес: Ленинские горы, д. 1, строение 46, Москва, 199991. E-mail: yu.taranukha@mail.ru

About the author

Yury V. Taranukha, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Emeritus Professor, Lomonosov Moscow State University. Address: 199991, Moscow, Leninskie gory 1, bld. 46. E-mail: yu.taranukha@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.02.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 11.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 18.05.2022

DOI: 10.31857/S0869049922030066
EDN: EWWTFC

Оригинальная статья / Original Article

Вклад стран Вишеградской группы в общеевропейскую экономику

© А.С. ЧЕТВЕРИКОВА

Четверикова Анна Сергеевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), chetverikova@imemo.ru. ORCID 0000-0003-4793-4145

В статье оценивается вклад вишеградских стран в экономику Евросоюза. Рассмотрены особенности структуры хозяйства участниц «четверки» и то, как они изменились за 2010-е гг. Наибольшее значение для общеевропейской экономики имеет вишеградская горнодобывающая промышленность, чей вклад с учетом современных условий в будущем может только возрастать. Также сильны позиции ряда традиционных подотраслей обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения и химической отрасли, и некоторых направлений третичного сектора. В регионе сохраняются основные факторы, влияющие на его вклад в ЕС, включая дешевизну рабочей силы, производительность труда, ПИИ, особенности инновационной деятельности. Экономика стран «четверки» играет определенную роль в ЕС, которая трансформируется под влиянием внутристрановых процессов и явлений в интеграционном объединении, что предопределяет дальнейшие изменения в современных кризисных условиях.

Ключевые слова: Вишеградская группа, структура экономики, ЕС, обрабатывающая промышленность, экономические факторы

Цитирование: Четверикова А.С. (2022) Вклад стран Вишеградской группы в общеевропейскую экономику // Общественные науки и современность. № 3. С. 88–101. DOI: 10.31857/S0869049922030066, EDN: EWWTFC

The Contribution of the Visegrad Countries to the European Economy

© A. CHETVERIKOVA

Anna S. Chetverikova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), chetverikova@imemo.ru. ORCID 0000-0003-4793-4145

Abstract. The article assesses the Visegrad countries' contribution to the EU economy. The features of the economy's structure of members of the Visegrad "four" and its transformation during the 2010s are considered. The most important for the European economy is the Visegrad mining industry. Its contribution, taking into account modern conditions, can only increase in future. Several traditional manufacturing industry subsectors also have strong positions, especially mechanical engineering and chemical industry, as well as some areas of the tertiary sector. Main factors that influence the Visegrad groups' contribution to the EU remain, including cheap labor force, labor productivity, FDI and innovation activity. The economy of the Visegrad countries plays a certain role in the EU, which transforms under intra-country processes and phenomena in the integration association, that predetermines future changes in contemporary crisis conditions.

Keywords: the Visegrad countries, economy's structure, EU, manufacturing industry, economic factors

Citation: Chetverikova A. (2022) The Contribution of the Visegrad Countries to the European Economy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 88–101. DOI: 10.31857/S0869049922030066, EDN: EWWTFC

Современное значение вишеградского региона для общеевропейской экономики формировалось на протяжении десятилетий, в том числе во время трансформационного периода стран «четверки» в конце XX в., этапа вступления в Евросоюз и постепенного превращения их в полноценных членов ЕС [Вишеградская Европа... 2010]. Некогда «новые члены» стали занимать определенные позиции в интеграционном объединении и играть отведенную им роль.

Одной из важных тенденций изменения позиций «четверки» стал возросший масштаб вишеградских экономик, что повлекло за собой и увеличение их доли в Евросоюзе. Так, если в 2010 г. на Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию приходилось более 8% ВВП¹ ЕС, то через 5 лет – уже более 9%, в 2020 г. – более 11%. Постепенный рост показателей обеспечивался более активным развитием вишеградских стран, в том числе за счет их экспортной ориентации. Столь же значительный скачок в 2020 г. стал следствием не только пандемии и результатов относительно успешной борьбы с ней в «четверке», но и выходом Великобритании из ЕС. Однако на вишеградские страны продолжают действовать факторы, которые препятствуют усилению их позиций в целом. Тем не менее, они сохраняют свою основную роль индустриальной базы Германии [Jasiecki 2020].

Структурные особенности «четверки»

Наравне с повышенными темпами роста экономик, которые отмечались и в восстановительный период после острой фазы пандемии, участницы «четверки» выделяются структурными особенностями хозяйства. Основным отличием структуры вишеградских

¹ ВВП по ППС в текущих ценах (данные Евростата).

экономик от общеевропейской можно считать повышенную роль первичного и вторичного секторов. Данная особенность сохранялась и до последнего времени (таб. 1). В то же время вишеградские страны не избежали деиндустриализации, которая характерна для развитых стран в последние десятилетия [Варнавский 2019], однако процесс шел медленнее, чем в целом в ЕС, с периодами временного роста доли промышленности в ВВП.

Также «четверка» выделяется значительной долей сектора снабжения электроэнергией и сектора перевозок и хранения, хотя для Венгрии, например, характерны пониженные показатели снабжения электроэнергией. Энергетический сектор вишеградских стран по-прежнему развит, также они продолжают выполнять роль транспортных хабов и функции транзитных путей в Европе. Государства стремятся сохранить данную роль, что выражается в строительстве логистических центров и складов, а также в развитии необходимой транспортной инфраструктуры.

Таблица 1

Структура экономик стран Вишеградской группы в совокупной добавленной стоимости, %

Table 1

The structure of the economies of the Visegrad Group countries in total value added, %

Сектор	2010					2020				
	В*	П	С	Ч	ЕС	В	П	С	Ч	ЕС
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	3,6	3,2	1,7	1,7	1,7	4,0	2,8	2,0	2,1	1,8
Промышленность**	21,5	19,8	20,4	24,4	16,1	21,0	19,6	20,0	24,5	16,5
Строительство	4,1	8,4	8,8	7,1	5,8	5,5	7,2	6,5	5,7	5,6
Снабжение электроэнергией, газом, паром	2,8	3,3	3,7	4,0	2,1	1,7	3,2	3,2	2,6	2,0
Водоснабжение, канализация, удаление отходов	1,2	1,2	1,0	1,2	1,0	0,8	1,4	0,9	1,0	1,0
Оптовая и розничная торговля	9,9	19,3	14,6	10,5	11,2	10,8	17,4	11,3	10,7	11,5
Перевозка и хранение	6,0	5,4	4,1	6,1	4,9	5,6	6,7	5,9	5,4	4,6
Предоставление услуг проживания и питания	1,8	1,1	1,5	2,1	2,7	1,3	1,2	0,8	1,3	1,8
ИТ и телекоммуникации	5,3	3,9	5,1	5,1	4,8	5,2	4,7	5,2	6,6	5,5
Финансовая, страховая деятельность	4,9	4,1	3,2	4,6	5,6	4,0	2,9	4,0	4,1	4,5
Операции с недвижимым имуществом	9,7	5,3	9,9	9,1	11,0	10,4	5,8	11,4	9,8	11,3
Профессиональная, научная и техническая деятельность	5,7	5,2	5,3	4,8	6,4	6,3	5,9	6,7	5,2	6,7
Деятельность по управлению***	3,2	1,8	3,1	2,0	4,0	3,4	2,9	3,3	1,8	4,4
Здравоохранение	4,0	4,3	3,4	4,1	7,2	4,8	4,6	4,5	5,5	7,7
Образование	4,7	5,1	3,5	4,2	5,3	4,5	4,9	4,3	5,1	5,2
Прочее	11,9	8,6	10,7	9,0	10,2	10,7	8,8	10,0	8,6	9,9

* В – Венгрия, П – Польша, С – Словакия, Ч – Чехия, ЕС – Евросоюз;

** горнодобывающая и обрабатывающая промышленность;

*** включая предоставление вспомогательных услуг.

Источник: *National accounts aggregates by industry. Eurostat* (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/structural-business-statistics/data/main-tables>).

Source: *National accounts aggregates by industry. Eurostat* (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/structural-business-statistics/data/main-tables>).

Третичный сектор имеет меньшее значение как структурный элемент хозяйства вишеградских стран, чем в целом по ЕС. В большинстве его сфер в «четверке» показатели ниже, чем среднеевропейские. Однако, например, в Польше оптовая и розничная торговля играет более значимую роль, чем у ее партнеров по группе или в ЕС в целом. Такая же тенденция в последние годы наблюдается в сфере ИТ и телекоммуникаций в Чехии. С другой стороны, в структуре ВВП вишеградских стран, в отличие от Евросоюза в целом, малую долю занимают предоставление услуг проживания и питания, финансовая и страховая деятельность, управление и здравоохранение.

Сравнив ситуации в регионе и в ЕС в начале второго и третьего десятилетий XXI в. (таб. 1), можно составить определенные представления о сохраняющихся особенностях вишеградских экономик. Несмотря на негативные внешние факторы, в частности пандемию и последствия мирового финансово-экономического кризиса, в экономике «четверки» отмечались некоторые особенности на фоне общеевропейских процессов. Например, доля промышленности в структуре ЕС в 2020 г. возросла по сравнению с 2010 г., однако в вишеградских странах – за исключением Чехии – показатель упал. В определенной степени та же картина свойственна и для деятельности по управлению. В то же время в «четверке» – как и в ЕС в целом – росла доля сектора здравоохранения. Позитивная динамика имела место и в секторе ИТ и телекоммуникаций большинства вишеградских стран, причем в Польше и Чехии рост был более активным, чем в среднем по ЕС. Из-за эффектов пандемийного периода в Евросоюзе наиболее «пострадали» сектор предоставления услуг проживания и питания, а также финансовая и страховая деятельность. В вишеградских странах эти секторы также испытывали негативное влияние, однако оно было не так велико. В Словакии, например, и вовсе отмечался рост в финансовом и страховом секторах. В «четверке» наибольший ущерб понесли строительство, торговля, снабжение электроэнергией, а также финансовая и страховая деятельность. Наиболее динамичным ростом в государствах Вишеградской группы отличились здравоохранение, операции с недвижимым имуществом, ИТ и телекоммуникации, частично – профессиональная, научная деятельность, перевозка и хранение. Наиболее сильно колебалась структура у самой небольшой экономики группы – словацкой, а также у Польши.

Значение вишеградских стран для общеевропейской экономики

Структурные особенности вишеградских экономик влияют и на вклад, который вишеградские страны вносят в общеевропейское хозяйство. Главным образом он затрагивает первичный и вторичный секторы, частично – третичный. Поддержка национального сельского хозяйства, обсуждение вопросов АПК в рамках общей повестки Вишеградской группы, внимание к таким аспектам, как «двойные стандарты» пищевых продуктов, обуславливают значимость этой экономической сферы для «четверки». В сельском хозяйстве ЕС позиции вишеградских стран относительно велики. Согласно данным Евростата, на «четверку» в 2010 г. приходилось 13,2% от общеевропейского производства в секторе, в 2015 г. – 14,0%, в 2020 г. – 15,6%. Поставленные же странами региона цели по развитию сельскохозяйственной отрасли позволяют говорить о том, что вклад группы в общеевропейскую экономику сохранится.

Вишеградскую горнодобывающую промышленность возможно отнести к наиболее значимым секторам для экономики ЕС, ее роль со временем только увеличивается. Регион превратился в значимый центр общеевропейской горнодобывающей промышленности на фоне сокращения грязных производств в других государствах-членах ЕС и нацеленности стран «четверки» на планомерное сворачивание своих подотраслей. Показатели растут

как по доле в товарообороте (на 14 п.п. в 2020 г. по сравнению с 2010 г.), так и в добавленной стоимости (15,7 п.п.) и занятости (11 п.п.) (таб. 2). В данной сфере наблюдается максимальный рост среди сфер хозяйства.

Высокую долю вишеградской занятости в ЕС обеспечивают в основном Польша и Чехия, в которых развита угольная промышленность. Власти данных стран затягивают закрытие этих производств, откладывают сроки реализации планов из-за проблемы реструктуризации экономики угольных регионов Польши и Чехии, вопроса высвобождающегося персонала, включая, например, стимулирование раннего выхода на пенсию горняков, а также из-за фактора изменения энергобаланса стран. Отсюда, численность занятых в добывающей промышленности в вишеградских странах сокращалась, однако ее доля остается высокой. В современных же условиях повышенной неопределенности, с учетом последствий событий на Украине в 2022 г. оценивать перспективы данного сектора «четверки» сложно. Однако в случае принятия соответствующих политических решений добывающие секторы могут продолжить развиваться, а срок их сворачивания отодвинется на более отдаленную перспективу. Немаловажным фактором, влияющим на перспективы отрасли, можно назвать планы по развитию атомной энергетики в вишеградских странах, которые включают в себя строительство новых энергоблоков и постепенный уход от тепловой энергетики.

Обрабатывающая промышленность – еще одна «специализация» вишеградских стран в ЕС, хотя их вклад в сектор не так четко просматривается на отдельных показателях по сравнению с горнодобывающей промышленностью, и в ряде случаев ситуация схожа с отдельными направлениями третичного сектора. Однако обрабатывающая промышленность остается значимой экономической силой, негативные тенденции в которой влияют на всю экономику страны [Кондратьев 2013, 41]. Сектор характеризовался ростом относительных показателей в 2010-е гг., особенно в первой половине периода по доле в товарообороте (таб. 2). Обрабатывающая промышленность Вишеградской группы остается одним из европейских центров по аккумулярованию трудовых ресурсов. Численность занятых в секторе только возросла, что влекло за собой и положительную динамику доли в показателях ЕС. Тем не менее, изменения в занятости в секторе и характер деиндустриализации в целом неодинаковы среди вишеградских стран и по-разному влияют на другие сферы хозяйства участниц «четверки» [Hegy-Keri 2016].

На фоне возможной будущей реиндустриализации Европы роль вишеградских стран может снижаться, однако позиции машиностроительного центра и, в первую очередь, центра автомобильной отрасли сохранятся за «четверкой».

В третичном секторе вишеградский регион выделяется по доле снабжения электроэнергией, газом, паром и доле водоснабжения благодаря транзитной инфраструктуре и структуре самого энергокомплекса стран. Однако в последние годы данные секторы характеризовались отрицательной динамикой и сокращением позиций в ЕС как по товарообороту, так и по занятости и добавленной стоимости. Особенно ярко данная тенденция проявилась в снабжении электроэнергией, газом и паром: даже брекзит не способствовал оживлению динамики, показатели были самыми низкими среди всех секторов. Выход Великобритании из ЕС улучшил вишеградские позиции в ЕС, однако, скорее всего, это временное явление.

Стоит упомянуть о динамике занятости в ряде секторов, которая характеризует изменение вишеградских позиций в отдельных направлениях. Так, наращивание численности занятых было характерно для подотрасли информационных технологий и телекоммуникаций. Страны «четверки» за прошедшие годы укрепили свои позиции привлекательно-го региона в сфере ИТ. В результате ее доля в показателях ЕС в 2020 г. приблизилась

к 15%, хотя здесь не последнюю роль сыграл брекзит. В профессиональной, научной и технической деятельности также отмечалась позитивная динамика: в польском секторе численность занятых увеличилась более чем на 50% в 2020 г. по сравнению с 2010 г., в Словакии – почти на 47%, в Венгрии – на 42%, в Чехии – более чем на 20%. Активно росли показатели и в секторе перевозки и хранения, что стало следствием развития этого направления в регионе и увеличения складских мощностей.

Таблица 2

Позиции вишеградских стран в экономике ЕС²

Table 2

Positions of the Visegrad countries in the EU economy

Сектор ²	Доля В4 в товарообороте, % от ЕС			Доля В4 в добавленной стоимости, % от ЕС			Доля В4 в занятости, % от ЕС		
	2010	2015	2020	2010	2015	2020*	2010	2015	2020
Горнодобывающая промышленность	7,8	8,2	21,8	11,9	14,6	27,6	36,5	35,4	47,5
Обрабатывающая промышленность	7,9	8,5	10,1	6,6	7,2	8,3	15,7	16,5	20,5
Снабжение электроэнергией, газом, паром	9,3	8,0	9,0	10,7	9,7	10,9	19,6	16,7	21,5
Водоснабжение, канализация, удаление отходов	6,9	6,3	8,3	6,9	6,1	8,3	17,6	16,7	20,5
Строительство	7,4	6,9	9,4	5,0	4,5	7,5	12,7	12,8	17,3
Оптовая и розничная торговля	6,2	6,3	8,4	5,4	5,0	7,4	11,9	11,7	15,6
Перевозка и хранение	6,0	6,3	8,9	5,0	5,1	7,2	10,6	12,7	18,3
Деятельность по предоставлению услуг проживания и питания	3,1	3,1	5,5	2,3	2,2	4,1	5,7	5,5	7,8
ИТ и телекоммуникации	4,8	4,6	6,3	4,9	4,2	6,4	9,1	9,7	14,9
Операции с недвижимым имуществом	6,9	6,0	8,0	4,7	3,9	7,0	12,1	12,7	16,7
Профессиональная, научная и техническая деятельность	4,9	4,6	6,9	3,6	3,3	5,4	9,3	9,9	14,7
Деятельность по управлению и предоставлению вспомогательных услуг	3,6	3,7	6,1	3,0	2,8	4,7	6,9	7,2	10,2

* данные доступны только за 2019 г., для репрезентативности представлены без учета Великобритании.

Источник: *рассчитано автором на основе Structural business statistics. SBS-main indicator. Eurostat (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/structural-business-statistics/data/main-tables>).*

Source: *compiled by the author from Structural business statistics. SBS-main indicator. Eurostat (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/structural-business-statistics/data/main-tables>).*

На территории Вишеградской группы аккумулировано значительное количество предприятий, структура которых отражает особенности экономик государств «четверки»: малый и средний национальный бизнес сохраняет значение на фоне деятельности крупнейших ТНК. На вишеградские страны, по данным Евростата, накануне пандемии приходилось чуть более 18% количества всех предприятий нефинансового сектора Евросоюза. Как и в целом по ЕС, в «четверке» по количеству преобладают небольшие предприятия

² Разбивка по секторам дана согласно классификации NACE Rev.2.

с численностью занятых до 10 человек: в данной категории доля вишеградских стран составляет около 19% от ЕС. С другой стороны, в «четверке» в наименьшей степени представлены предприятия с численностью занятых до 20 человек: таковых лишь 11% от ЕС.

Таким образом, основной вклад в общеевропейскую экономику «четверка» вносит во вторичной и – в некоторых направлениях – в третичной сферах.

Позиции вишеградских стран в обрабатывающей промышленности ЕС

Пожалуй, именно в обрабатывающей промышленности позиции «четверки» относительно диверсифицированы и устойчивы. Конечно, в горнодобывающем секторе их положение сильнее, однако данная отрасль не столь диверсифицирована и перспективна, учитывая общеевропейские планы. Например, в рамках горнодобывающей промышленности вишеградские страны выделялись по добыче угля: в рамках отрасли на Польшу и Чехию приходилось 76,4% добавленной стоимости ЕС в 2018 г.

Ситуация внутри группы в обрабатывающем секторе в последние годы не так однородна: в Польше и Венгрии во второй половине 2010-х гг. проходила возвратная деиндустриализация, в то время как для Чехии и Словакии были характерны признаки реиндустриализации [Кризис в Европейском... 2020, 51-54]. В обрабатывающей промышленности ЕС страны-члены «четверки» в первую очередь выделялись в производстве автомобилей, прицепов и полуприцепов, а также в производстве компьютерной, электронной, оптической продукции и продукции из резины и пластика (таб. 3). Соответственно, они в основном были задействованы в отдельных подотраслях машиностроения и химической промышленности, которые относились к их отраслям специализации. Роль машиностроения в обрабатывающем секторе вишеградских стран значительно изменилась еще на трансформационном этапе [Лобанов 2017, 77]. Деятельность иностранных автомобильных ТНК обусловила современные вишеградские позиции в соответствующем секторе. Автосборочные производства европейских и азиатских компаний, а также локальная сеть поставщиков превратили регион в центр автомобилестроения всего Евросоюза. Словакия, Чехия и Венгрия много лет входят в пятерку лидеров ЕС по доле добавленной стоимости в производстве автомобилей, прицепов, полуприцепов в обрабатывающей промышленности.

Таблица 3

Позиции стран ЕС в отдельных видах деятельности обрабатывающей промышленности, 2019 г.

Table 3

Positions of the EU countries in sectors of manufacturing, 2019

Вид деятельности (производство)	Страны с максимальной добавленной стоимостью	Наиболее специализированная страна ЕС и ее доля в промышленности*	Страна «четверки» с наибольшей и наименьшей долей в промышленности
Пищевых продуктов	Германия	Кипр – 29,8	Польша – 13,3 Словакия – 5,3
Напитков	Германия	Мальта – 5,7	Чехия – 2,4 Словакия – 1,3
Табачных изделий	Германия	Греция – 2,8	Польша – 1,0 Венгрия – 0,3

Вид деятельности (производство)	Страны с максимальной добавленной стоимостью	Наиболее специализированная страна ЕС и ее доля в промышленности*	Страна «четверки» с наибольшей и наименьшей долей в промышленности
Текстиля	Италия	Португалия – 4,9	Чехия – 1,4 Венгрия – 0,6
Одежды	Италия	Португалия – 5,9	Польша – 1,2 Венгрия – 0,6
Кожи	Италия	Португалия – 3,6	Словакия – 1,1 Чехия – 0,2
Продукции из древесины	Германия	Латвия – 24,0	Польша – 3,4 Венгрия – 1,1
Продукции из бумаги	Германия	Финляндия – 9,6	Польша – 3,6 Венгрия – 2,0
Кокса и продукции нефтеперегонки химикатов и химпродукции	Германия Германия	Греция – 13,2 Нидерланды – 12,2	Венгрия – 5,9 Польша – 4,8** Словакия – 2,3
Фармацевтических препаратов	Германия	Кипр – 11,0	Венгрия – 5,7 Словакия – 0,4
Продукции из резины и пластика	Германия	Словакия – 9,0	Словакия – 9,0 Венгрия – 7,1
Прочей неметаллической продукции	Германия	Кипр – 10,6	Польша – 6,4 Венгрия – 3,7
Основных металлов	Германия	Австрия – 7,8	Словакия – 3,9 Венгрия, Чехия – 2,8
Готовых металлических изделий	Германия	Словения – 13,7	Чехия – 12,0 Венгрия – 7,3
Компьютерной, электронной, оптической продукции	Германия	Венгрия – 9,2	Венгрия – 9,2 Польша – 2,3
Электрооборудования	Германия	Словения – 9,4	Чехия – 7,9 Польша – 4,4
Машин и оборудования	Германия	Дания – 18,9	Чехия – 9,7 Польша – 5,1
Автомобилей, прицепов, полуприцепов	Германия	Словакия – 26,2	Словакия – 26,2 Польша – 9,7
Прочего транспортного оборудования	Франция	Франция – 9,6	Польша – 2,1 Словакия – 0,7
Прочая продукция	Германия	Мальта – 12,4	Чехия – 2,4 Словакия – 1,2

* доля добавленной стоимости вида деятельности в обрабатывающей промышленности в целом, %.

** данные за 2018 г.

Источник: *Annual detailed enterprise statistics for industry (NACE Rev.2, B-E)*. Eurostat (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SBS_NA_IND_R2_custom_2120363/default/table?lang=en).
 Source: *Annual detailed enterprise statistics for industry (NACE Rev.2, B-E)*. Eurostat (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SBS_NA_IND_R2_custom_2120363/default/table?lang=en).

Венгрия в последние годы превратилась в общеевропейского лидера по показателям добавленной стоимости в производстве компьютерной, электронной и оптической продукции, обогнав скандинавских конкурентов. Как и в случае других машиностро-

ительных секторов, ключевую роль в сложившейся ситуации сыграли азиатские и европейские компании, которые открыли на территории страны свои производственные мощности по выпуску бытовой техники, коммуникационного и компьютерного оборудования. Десятилетием ранее похожие позиции занимала и Словакия, однако страна утратила часть преимуществ, что привело к уходу иностранных производителей и переносу мощностей в соседнюю Венгрию. По итогам 2019 г. доля добавленной стоимости в словацком секторе составляла 2,7%, что сравнимо с польскими показателями, которые традиционно не отличаются высокими значениями.

В силу наличия на их территориях нефтеперерабатывающих производств все вишеградские страны выделяются по производству нефтехимической продукции. Особенно прочны позиции Словакии в производстве продукции из резины и пластика – в том числе благодаря деятельности компании Slovnaft.

Среди традиционных отраслей вторичного сектора особое место занимает и металлургия. Страны «четверки» не лидируют в ЕС по относительным показателям добавленной стоимости, их вклад значителен в отдельных видах деятельности. В частности, металлургические заводы, созданные еще в прошлом столетии, обеспечивают вклад вишеградских стран в производство готовых металлургических изделий (таб. 3). Особенно выделяются Чехия, Словакия и Польша.

Венгрия, Польша, Словакия и Чехия вносят относительно значимый и диверсифицированный вклад в общеевропейскую обрабатывающую промышленность, лидируя в ряде традиционных подотраслей вторичного сектора. Несмотря на то, что, например, Польшу и Чехию исследователи относят к группе стран с традиционно низкими издержками, но теряющими конкурентоспособность [Shirkin, Zinser, Rose 2014], региону в целом удается сохранять свои позиции.

Факторы вклада вишеградских стран в общеевропейскую экономику

В трансформационный период вишеградские страны привлекали иностранные компании, которые стремились купить имеющиеся в регионе активы или создать там впоследствии производства, наличием относительно квалифицированной и дешевой рабочей силы – особенно за пределами третичного сектора. В определенной степени фактор рабочей силы продолжает играть эту роль, обеспечивая сохранение и развитие отдельных видов деятельности именно в «четверке». Сами ТНК, которые владеют крупнейшими вишеградскими активами, не стремятся к изменениям на рынке труда и поддерживают низкую стоимость рабочей силы [Трансформация... 2020, 49]. Ценовая составляющая здесь очень важна. В целом средние затраты на персонал в вишеградских странах в 1,4–1,9 раза меньше, чем в ЕС, хотя за последнее десятилетие разрыв сокращается – особенно в Польше и Венгрии (таб. 4). В промышленности же разрыв еще больше: согласно данным Евростата, в добывающем секторе средние затраты на персонал в странах «четверки» ниже в 1,7–2,8 раза, чем в среднем по ЕС, в обрабатывающем секторе – в 2,1–2,8 раза. Однако низкая стоимость рабочей силы несет и негативные эффекты: страны не стремятся переходить к «индустрии 4.0» [Szabo 2020].

По секторам в отношении расходов на персонал «четверка» повторяет общеевропейскую структуру и тенденции крупнейших экономик ЕС: наибольшими затратами отличается снабжение электроэнергией, газом и паром, наименьшими – сектор услуг проживания и питания. В то же время в Польше и Чехии сектор ИТ и телекоммуникаций относится к наиболее затратным с точки зрения персонала из-за того, что данные государства выполняют функции региональных центров ИТ. Соотношение же затрат в вишеградских странах

по отношению к средним по ЕС в секторах снабжения электроэнергией, газом и паром и услуг проживания и питания в целом сходно с общим средним соотношением: оба сектора не характеризуются, как в случае обрабатывающей промышленности, увеличенными или сниженными разрывами, которые выделяли бы их среди других стран-членов ЕС.

Таблица 4

Расходы на персонал в вишеградских странах

Table 4

Average personnel costs in the Visegrad countries

Страна	Средние затраты на персонал*			Сектор с наибольшими затратами, 2019	Сектор с наименьшими затратами, 2019
	2010	2015	2019		
ЕС	26,9	28,3	30,8	снабжение электроэнергией, газом, паром – 59,4	предоставление услуг проживания и питания – 17,6
Германия	34,9	38,8	42,9	снабжение электроэнергией, газом, паром – 76,5	предоставление услуг проживания и питания – 15,2
Франция	44,5	50,4	51,8	снабжение электроэнергией, газом, паром – 80,4	предоставление услуг проживания и питания – 34,1
Венгрия	11,2	12,1	15,9	снабжение электроэнергией, газом, паром – 30,8	предоставление услуг проживания и питания – 9,3
Польша	11,1	12,7	15,8	ИТ и телекоммуникации – 29,0	предоставление услуг проживания и питания – 11,0
Чехия	15,4	15,9	21,6	ИТ и телекоммуникации – 37,7	предоставление услуг проживания и питания – 13,8
Словакия	13,1	14,9	18,6	снабжение электроэнергией, газом, паром – 32,2	предоставление услуг проживания и питания – 9,4

* затраты на персонал на одного работника, тыс. евро

Источник: *Annual enterprise statistics for special aggregates of activities. Eurostat (NACE Rev.2)*(https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SBS_NA_SCA_R2_custom_2160187/default/table?lang=en).

Source: *Annual enterprise statistics for special aggregates of activities. Eurostat (NACE Rev.2)*(https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/SBS_NA_SCA_R2_custom_2160187/default/table?lang=en).

С другой стороны, вишеградский регион отличается низкой производительностью труда, что предопределяет отсутствие на его территории ряда секторов, а также имеющий место уход акторов в другие государства. Свою роль играет и нетипичная для ЕС в целом структура занятости. За последнее десятилетие наблюдался положительный тренд в производительности труда в участницах «четверки», однако ее динамика недостаточна. По производительности труда (валовой добавленной стоимости на одного занятого) вишеградские страны, скорее, находятся в числе отстающих: более низкие показатели характерны лишь для Болгарии, Румынии, Греции, прибалтийских стран. Однако та же Румыния или Литва сумели значительно быстрее улучшить свое положение. Наибольших значений производительность труда достигла в Чехии (31,1 тыс. евро в 2019 г.), наименьших – в Словакии (25,2). Тем временем, в лидере ЕС по данному показателю – Ирландии – значение составляет 153,1 тыс. евро, в Германии – 60,6 тыс. евро.

В то же время вишеградские страны, несмотря на колебания их инвестиционных рейтингов, оставались относительно инвестиционно привлекательным регионом, который аккумулировал значительные объемы ПИИ. Со временем участницы «четверки» стали яснее

осознавать последствия выбранного пути, основанного на иностранном капитале [Глинкина 2018]. Иностранные компании продолжали вкладывать в производства «четверки», создавая новые импульсы к развитию определенного круга секторов. В целом наблюдается достаточный уровень инвестирования в вишеградские экономики, что в свою очередь обеспечивает повышенную динамику их ВВП. Так, по отношению инвестиций к добавленной стоимости Венгрия – вторая страна в ЕС (32,4% в 2019 г.). Остальные вишеградские страны также отличаются показателями выше среднего: Словакия – 28,1%, Чехия – 23,8%, Польша – 23%. Особенности же рынка труда предопределяют низкие подушевые показатели вложений. Инвестиции на одного занятого не так высоки: от 6,2 тыс. евро в Польше до 8,3 тыс. евро в Венгрии, одновременно в лидере ЕС Ирландии показатель составляет 49,5 тыс. евро.

На вклад участниц «четверки» в общеевропейскую экономику и его изменение в будущем влияет и инновационная деятельность в этих странах, которую поддерживает не только государство, но и частный бизнес – в том числе ТНК, которые ориентируются на собственные нужды. Интеграция в ЕС способствовала и развитию инновационного сектора вишеградских стран. На инновационную деятельность государств влияет также участие в общеевропейских механизмах и институтах, которые стимулируют ее развитие. В 2010-е гг. в странах-участницах «четверки» увеличивались расходы на сектор исследований и разработок. Его доля в ВВП Венгрии, Чехии и Польши превысила 1%. Последняя продемонстрировала наибольший рост относительных показателей с конца 2000-х гг. (таб. 5).

Таблица 5

Инновационный сектор участниц Вишеградской группы

Table 5

Innovation sector of the member-states of the Visegrad Group

Страна	2009	2010	2014	2015	2019	2020
Доля высокотехнологичной продукции в общем экспорте, %						
Венгрия	22,2	21,8	14,5	15,4	15,6*	–
Польша	5,7	6,0	7,9	8,5	8,4	–
Словакия	5,9	6,6	9,9	10,0	9,6	–
Чехия	15,2	16,1	15,3	15,5	17,8	–
ЕС	17,1	16,1	15,6	17,0	17,9	–
Расходы на сектор исследований и разработок, % ВВП						
Венгрия	1,13	1,13	1,35	1,34	1,48	1,62
Польша	0,66	0,72	0,94	1,00	1,32	1,39
Словакия	0,47	0,61	0,88	1,16	0,83	0,92
Чехия	1,29	1,33	1,96	1,92	1,93	1,99
ЕС	1,93	1,92	2,03	2,04	2,15	2,32

* данные по всем странам доступны лишь за 2018 г.

Источник: *Research and development expenditure, by sectors of performance. Eurostat* (<https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TSC00001/default/table>); *High-tech exports – Exports of high technology products as a share of total exports. Eurostat* (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/htec_si_exp4/default/table?lang=en).

Source: *Research and development expenditure, by sectors of performance. Eurostat* (<https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TSC00001/default/table>); *High-tech exports – Exports of high technology products as a share of total exports. Eurostat* (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/htec_si_exp4/default/table?lang=en).

Можно сказать, что в целом сохранялась ситуация хронической недофинансированности, наблюдавшаяся и ранее, а также недостаточный уровень научно-технического прогресса [Глинкина, Куликова 2016, 56–57]. Вишеградские страны продолжают отставать от средне-европейских показателей и опираться при развитии сектора на своих партнеров по ЕС – в первую очередь на крупнейших из них в лице Германии и ряда других. Состояние исследований и разработок определяет и позиции в экспорте соответствующей продукции. В данном направлении позиции вишеградских стран не столь устойчивы. Чехия занимает лидерское и улучшающееся положение, в то время как Венгрия в определенной степени растратила имеющийся потенциал по экспорту высокотехнологичной продукции. Динамика Польши и Словакии отличается повышенными темпами, однако роста недостаточно для формирования значимых позиций не только в ЕС, но и в регионе.

Выводы

Вишеградские страны смогли постепенно нарастить свой вклад в общеевропейскую экономику, чему способствовали не только внутристрановые факторы, но и процессы в самом интеграционном объединении. Наибольшее значение «четверка» имеет в нескольких отраслях вторичного и третичного секторов, которые главным образом связаны с конкурентными преимуществами данных стран. Часть из упомянутых преимуществ были созданы еще в XX в., часть сами государства стремятся развивать уже в последние годы. Дешевизна рабочей силы продолжит обеспечивать вишеградские позиции наравне с инвестиционным и рядом других факторов. Инновационная составляющая пока не может обеспечить трансформацию вишеградской роли в экономике ЕС. Текущие вызовы, которые стоят не только перед «четверкой», но и перед Евросоюзом в целом, могут только усилить существующую специализацию этих государств, однако современный уровень неопределенности не позволяет делать точных оценок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варнавский В.Г. (2019) Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 1. С. 25–33.
- Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии (2010) Ред.: Шишелина Л.Н. М.: Весь Мир. 563 с.
- Глинкина С.П. (2018) Экономический патриотизм: понятие, предпосылки, появление в Центральной и Восточной Европе (практика Венгрии) // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 45–58.
- Глинкина С.П., Куликова Н.В. (2016) Евроинтеграционная модель постсоциалистической трансформации стран Центрально-Восточной Европы и их экономическая динамика // *Российский экономический журнал*. № 5. С. 52–69.
- Кондратьев В.Б. (2013) Обращающаяся промышленность: секреты и тенденции // *Прямые инвестиции*. № 8. С. 41–45.
- Кризис в Европейском союзе: последствия для стран Центрально-Восточной Европы (2020) Отв. ред.: Князев Ю.К., Куликова Н.В. М.: ИЭ РАН. 358 с.
- Лобанов М.М. (2017) Промышленность стран ЦВЕ и ЮВЕ в 1990-2015 гг. // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 2. С. 74–84.
- Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира (2020) Отв. ред.: Тураева М.О., Вардомский Л.Б. М.: ИЭ РАН. 192 с.

Hegy-Keri A. (2016) A Study of the Process and Types of Deindustrialization in the Visegrad Countries // *Theory, Methodology, Practice. Club of Economics in Miskolc*. Vol. 12. No. 2. Pp. 5–13.

Jasiecki K. (2020) The Role and Importance of Economic Cooperation of the Visegrad Group Countries in the European Union // *Modelling the New Europe*. No. 33. Pp. 25–45.

Sirkin H.L., Zinser M., Rose J.R. (2014) *The Shifting Economics of Global Manufacturing. How Cost Competitiveness is Changing Worldwide*. Boston: The Boston Consulting Group.

Szabo S. (2020) *Transition to Industry 4.0 in the Visegrad Countries*. Economic Brief 052. Luxembourg: Publication office of the European Union.

REFERENCES

Glinkina S.P. (2018) Jekonomicheskij patriotizm: ponjatie, predposylki, pojavlenie v Central'noj i Vostochnoj Evrope (praktika Vengrii) [Economic Patriotism: The Concept, the Prerequisites for the Emergence in Central and Eastern Europe (the practice of Hungary)]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 45–58.

Glinkina S.P., Kulikova N.V. (2016) *Evrointegracionnaja model' postsocialisticheskoy transformacii stran Central'no-Vostochnoj Evropy i ih jekonomicheskaja dinamika* [Eurointegration Model of Post-Socialist Transformation of Central and East European Countries and Their Economic Dynamics]. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*. no. 5, pp. 52–69.

Hegy-Keri A. (2016) A Study of the Process and Types of Deindustrialization in the Visegrad Countries. *Theory, Methodology, Practice. Club of Economics in Miskolc*. vol. 12, no. 2, pp. 5–13.

Jasiecki K. (2020) The Role and Importance of Economic Cooperation of the Visegrad Group Countries in the European Union. *Modelling the New Europe*. no. 33, pp. 25–45.

Kondratyev V.B. (2013) Obrabatyvajushhaja promyshlennost': sekrety i tendencii [Manufacturing: Secrets and Trends]. *Prjamyje investicii*. no. 8, pp. 41–45.

Krizis v Evropejskom sojuze: posledstvija dlja stran Central'no-Vostochnoj Evropy [Crisis in the European Union: Consequences for CEE countries] (2020) Ed(s).: Knyazev Yu.K., Kulikova N.V. Moscow: IE RAS.

Lobanov M.M. (2017) *Promyshlennost' stran CVE i JuVE v 1990-2015 gg.* [Industry in the Countries of Central and South-Eastern Europe, 1990–2015]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. vol. 61, no. 2, pp. 74–84.

Sirkin H.L., Zinser M., Rose J.R. (2014) *The Shifting Economics of Global Manufacturing. How Cost Competitiveness is Changing Worldwide*. Boston: The Boston Consulting Group.

Szabo S. (2020) *Transition to Industry 4.0 in the Visegrad Countries*. Economic Brief 052. Luxembourg: Publication office of the European Union.

Transformacija modelej jekonomiki v stranah postsocialisticheskogo mira [Transformation of Market Economy Patterns in the Post-Socialist World] (2020) Ed(s).: Turaeva M.O., Vardomsky L.B. Moscow: IE RAS.

Varnavsky V.G. (2019) *Globalizacija i strukturnye sdvigi v mirovom proizvodstve* [Globalization and Structural Changes in the World Economy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. vol. 63, no. 1, pp. 25–33.

Vishegradskaja Evropa: otkuda i kuda? Dva desjatiletija po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakkii i Chehii [Visegrad Europe: Where from – Where to? Twenty Years on the Path of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czech Republic] (2010) Ed(s).: Shishelina L.N. M.: Ves' Mir.

Информация об авторе

Четверикова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, заведующая сектором экономики европейских стран, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997. E-mail: chetverikova@imemo.ru

About the author

Anna S. Chetverikova, Candidate of Sciences (Economics), Head of Section of European Countries' Economy, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: chetverikova@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.04.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 13.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 20.05.2022

DOI: 10.31857/S0869049922030078
EDN: EXNAMH

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

Оригинальная статья / Original Article

О применимости принципа мультилатерализма во внешней политике (на примере ФРГ)

© Ф.О. ТРУНОВ

Трунов Филипп Олегович, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия), ltrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

В статье исследованы особенности и «узкие места» постоянного включения политико-дипломатической и военной активности государства на мировой арене в контекст многосторонних усилий. В качестве кейса для изучения выбрана ФРГ, которая позиционирует себя как органичную часть Евро-Атлантического сообщества. Охарактеризованы историческая детерминированность обращения страны к принципу мультилатерализма и приобретенные в результате возможности в области безопасности и обороны. Исследуются формы и политическая ценность наделения бундесвера функциями «рамочного государства» в деятельности многонациональных группировок вовне и внутри зоны ответственности НАТО. Показана значимость принципа мультилатерализма для сотрудничества Германии с Францией и США на различных треках переговорного процесса в области международной безопасности. Сделан вывод об основных трудностях гибкого подхода к использованию многосторонности, который последовательно реализует ФРГ.

Ключевые слова: многосторонность, Евро-Атлантическое сообщество, дипломатия, переговорные форматы, Германия, бундесвер

Цитирование: Трунов Ф.О. (2022). О применимости принципа мультилатерализма во внешней политике (на примере ФРГ) // Общественные науки и современность. № 3. С. 102–115. DOI: 10.31857/S0869049922030078, EDN: EXNAMH

On the Applicability of Multilateralism in Foreign Policy (the case of Germany)

© PH. TRUNOV

Philipp O. Trunov, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ltrunov@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7092-4864

Abstract. The article studies the features and weak points of placing political-diplomatic and military activity into the context of multilateral efforts. As the case study the author chose the Federal Republic of Germany, which positions itself as an integral part of the Euro-Atlantic community. The author shows the historic determinism of FRG's appeal to the principle of multilateralism and the resulting opportunities in the areas of security and defense. The forms and political importance of the usage of the Bundeswehr as a «framework nation» in the military groups inside and outside the NATO zone of responsibility are presented. The paper explores the importance of multilateralism for Germany's cooperation with France and the USA on various tracks of the negotiations in the field of international security. The research presents conclusions on the key difficulties for future flexible usage of the multilateralism principle by Germany.

Keywords: multilateralism, Euro-Atlantic community, diplomacy, negotiations formats, Germany, Bundeswehr

Citation: Trunov Ph. (2022). On the Applicability of Multilateralism in Foreign Policy (the case of Germany). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 102–115. DOI: 10.31857/S0869049922030078, EDN: EXNAMH

В XXI в. наблюдается увеличение спектра вызовов и угроз для государства как института. Под последними понимаются, с одной стороны, действительные и потенциальные угрозы безопасности и обороны страны, общества, граждан. С другой – невозможность или сложность реализации государством мер по сохранению и усилению его позиций на мировой арене. Данные сдерживающие факторы вкупе с разноплановым влиянием глобализации обуславливают все более активное обращение стран к принципу мультилатерализма (многосторонности). Он требует гибкости и умения в использовании инструментария внешней политики, но позволяет существенно оптимизировать его применение.

Фокусным государством для изучения предложена ФРГ. К настоящему моменту принцип мультилатерализма получил наиболее полное развитие в рамках Евро-Атлантического сообщества. Из его стран-участниц официальный Бонн/Берлин накопил едва ли не самый богатый опыт использования многосторонности в деятельности в Европе и мире. Иллюстрацией тому – дипломатическая инициатива ФРГ по созданию «Альянса в поддержку мультилатерализма» (с 2018 г.) [Bukarest, Berlin... 2018] и прецедентное принятие «Белой книги по мультилатерализму» в мае 2021 г. [A Multilateralism... 2021].

Задача данной статьи – проследить эволюцию тактик использования принципа мультилатерализма во внешней политике ФРГ. Исследуя исторический опыт, основное внимание автор обратил на временной отрезок с середины 2010-х гг. Основными методами избраны сравнительный и ивент-анализ.

Под термином «многосторонность» в статье понимается солидаризация действий (объединение усилий более чем трех государств и их союзов) по выполнению как минимум большинства тактических задач и стратегических целей. В сфере безопасности и обороны мультилатерализм военного характера в основном проявляется в развертывании, функционировании и использовании группировок совместного комплектования. В политико-

дипломатической сфере мультилатерализм выражается в обеспечении сонаправленности усилий декларативно и на практике.

Несмотря на повышенный интерес экспертов к внешней политике ФРГ в целом, в обозначенном ракурсе она рассматривается в небольшом количестве статей, которые хронологически ограничены периодом начала 2010-х гг. [Егоров 2012]. Вместе с тем, теория и практика использования многосторонности, особенно в рамках Евро-Атлантического сообщества, подробно анализируется в работах отечественных [Обичкина 2021, 241–242] и зарубежных – в том числе немецких [Brozus 2019; Maull 2020] – специалистов.

Фактор мультилатерализма: основные возможности для внешней политики ФРГ

Представляется, что приверженность идее мультилатерализма позволяет ФРГ успешно решать минимум три важнейшие задачи внешней политики:

1) демонстрировать, что она учитывает свою историческую ответственность как ключевого агрессора во Второй мировой войне. Официальный Бонн/Берлин последовательно стремился использовать политико-дипломатический – и особенно военный – инструментарий в рамках многосторонних механизмов, «растворяясь» в них и принимая на себя лишь часть коллективной ответственности. Обычно под общие решения подводилась международно-правовая база в виде резолюций Совета Безопасности ООН, а также постановлений ЕС и НАТО. Исключения из правила редки и наблюдаются лишь в случаях, когда речь идет о критически важных случаях использования войск с точки зрения приближения ФРГ к положению мировой державы. Кабинет Г. Шредера в 2001 г. присоединился к операции «Enduring Freedom», которую США проводили в национальном качестве [The Bundeswehr... 2009, 76]. В августе 2021 г. правительство А. Меркель отправило фрегат в акваторию Тихого океана с военно-дипломатической миссией [Indo-Pacific... 2021]. Однако даже в упомянутых случаях Германия была привержена принципу мультилатерализма: в операции «Enduring Freedom» приняла участие большая группа стран-участниц НАТО в целом [The Bundeswehr... 2009, 76], а появление корабля «Бавария» на Дальнем Востоке было согласовано с региональными партнерами ФРГ – Австралией, Японией, Южной Кореей, Сингапуром, США и Великобританией [Indo-Pacific... 2021];

2) укреплять позиции внутри Евро-Атлантического сообщества и осуществлять стратегическое проникновение в регионы за его пределами. ФРГ де-юре значительно сокращала риск отчуждения своего политического и военного присутствия на местах, позиционируя его как органичную часть многосторонних усилий стран Запада по борьбе с угрозами и вызовами нестабильности. Впервые данный подход Германия начала применять на Балканах с начала 1990-х гг., затем – в Центральной Азии (с начала 2000-х гг.), на Ближнем Востоке (с середины 2000-х гг.), в Западной Африке (к середине 2010-х гг.);

3) применять гибкий подход к использованию собственной ресурсной базы. В зависимости от ценности конкретного трека, ФРГ может варьировать свою роль от «рамочного государства» (вносящее наибольший вклад государство-участник) до наблюдателя. Так, при создании сил передового развертывания НАТО в Восточной Европе ФРГ приняла на себя ключевую роль в комплектовании многонациональной батальонной тактической группы в Литве (с 2017 г.) [Panzerdivision 1. 2022], однако она внесла минимальный вклад в проведение учений НАТО «Anakonda 16» на территории Польши (2016 г.).

Исторические особенности обращения к принципу многосторонности

Приверженность принципу мультилатерализма как столп внешней политики ФРГ заложил еще канцлер-основатель Боннской республики К. Аденауэр. Изначально руководство республики пошло на данную меру во многом вынужденно, хотя сам К. Аденауэр считал, что схема будет стратегически выигрышной. Действия первого канцлера ФРГ были основаны не только на стремлении максимально быстро восстановить германскую государственность, но в отдаленной перспективе и вернуть державный статус страны. Отвергая идею создания единой, но демилитаризованной и бессрочно принимающей внеблоковый статус Германии, канцлер сознательно соглашался на ужесточение конфронтации Запад-Восток и сохранение двух немецких государств разделенными на передовой линии холодной войны. Данные положения рассматривались как самоограничения – хоть и хронологически длительные, но все же временные – а в итоге они должны были гарантировать восстановление ФРГ в положении державы. Западная Германия предельно интегрировалась в состав Евро-Атлантического сообщества, превратив принцип мультилатерализма в контексте солидарности с союзниками по НАТО и Европейским сообществам в органичное рамочное условие внешней политики. По замыслу К. Аденауэра, данная особенность должна была обеспечивать безусловную поддержку ФРГ западными партнерами в наращивании ресурсной базы (особенно ремилитаризации) и укреплении позиций в Европе и мире.

Гипотеза К. Аденауэра впервые была доказана при решении сложнейшей задачи по воссозданию национальной военной машины. Официальный Бонн подчеркивал, что неотъемлемой (и бессрочной) частью формирования вооруженных сил ФРГ априори является их предельная интеграция в структуры НАТО. Партнеры по Евро-Атлантическому сообществу в результате получили возможность контролировать процесс на всех стадиях, а ФРГ смогла участвовать в принятии и выполнении всех решений, чтобы другие государства-члены военного объединения учитывали ее национальные интересы. Первая попытка воссоздания военной машины в рамках Европейского оборонительного сообщества провалилась, что предопределило обращение к механизму НАТО. К. Аденауэр принципиально согласовал данное обращение на переговорах с администрацией Д. Эйзенхауэра в США в апреле 1953 г. [Архив...Л. 26-о], обеспечив итоговую поддержку данной идеи Францией, Великобританией и в целом государствами-членами Альянса. Тем самым западногерманская сторона успешно применила гибкий подход к принципу многосторонности: сначала договоренности были достигнуты на двустороннем уровне с наиболее заинтересованным ключевым партнером (в данном случае США), что Западная Германия затем использовала, чтобы обеспечить принятие ее условий широкой группой стран-участниц Евро-Атлантического сообщества. Позиционируя себя его органичной частью, ФРГ подвела объективно существующие национальные интересы под общие потребности всех государств-членов. В данном случае она представила бундесвер как существенное усиление коллективного потенциала Запада в условиях его конфронтации с социалистическим блоком. Логично, что именно на территории ФРГ – особенно с учетом ее расположения на передовой линии холодной войны – принцип многосторонности стали активно внедрять в собственно военной области: единую линию союзнических сил образовали из перемешавшихся армейских корпусов бундесвера и группировок войск Нидерландов, Бельгии, Великобритании, Канады и США [The Bundeswehr... 2009, 14].

Вновь гибкий подход к использованию мультилатерализма официальный Бонн успешно применил на переговорах по решению «германского вопроса» (февраль-сентябрь 1990 г.). Используя фактор в основном скрытой тесной координации с США, ФРГ пролоббировала свои интересы не только перед Францией и Великобританией, но и перед

СССР. Однако важнейшим условием урегулирования «германского вопроса» по сценарию официального Бонна (полностью согласованного с США) стала уступчивость руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым. Здесь национальные интересы ФРГ вписали в общие интересы для государств-членов Евро-Атлантического сообщества в целом: включение в ее состав территории ГДР представлялось как фактическое расширение коллективного Запада в контексте свертывания холодной войны.

Фактор многосторонности при строительстве вооруженных сил

Тем не менее, использование данного принципа в своих целях отнюдь не девальвирует для ФРГ ценность ее приверженности мультилатерализму во внешней политике. Во-первых, это облегчало дальнейшее укрепление на мировой арене позиций официального Бонна/Берлина. Он все более активно позиционировал себя не как обычное (ведомое старшими партнерами) государство-член, а как центр притяжения Евро-Атлантического сообщества.

Во-вторых, поддержка партнеров по Альянсу в переговорном процессе 1990 г. априори не могла быть обеспечена без четких гарантий предсказуемости последующего стратегического курса уже объединенной Германии. Такими гарантиями выступали сохранение полноценного членства ФРГ в НАТО (не говоря уже о Европейских сообществах) и согласие с новыми – существенно более низкими и жесткими – «потолками» для развития «военной машины» страны [The Bundeswehr... 2009, 25]. Страны-участницы Альянса сохраняли военное присутствие на германских землях. Тем не менее, в условиях окончания конфронтации Запад-Восток оно не только существенно сокращалось вплоть до полного демонтажа (в случаях Канады и Бельгии), но и трансформировалось. ФРГ стала первым государством-членом НАТО, на территории которой предпринимались попытки перехода к продвинутому мультилатерализму в сотрудничестве вооруженных сил. В холодную войну каждая группировка (на уровнях корпус, отдельная дивизия и ниже) союзнических войск в Германии была мононациональной, а взаимодействие с соседним войсковым механизмом другой страны блока поддерживали с помощью небольших миссий связи при штабах. К середине 1990-х гг. на западногерманских землях были учреждены управления дву- и трехнациональных корпусов: германо-американского, американо-германского, франко-бельгийско-германского и германо-нидерландского [Armee der Einheit 2000, 34–36]. Однако из четырех корпусов уже к началу 2000-х гг. сохранился лишь один – германо-нидерландский. Почему?

К числу детерминант можно отнести дальнейшие масштабные редукции группировок партнеров Германии по блоку на ее территории (что, однако, в полной мере относилось и к Нидерландам), а также особенности «нарезки» стран-участниц НАТО при комплектовании группировок. Однако основной причиной представляется наличие/отсутствие готовности другой стороны согласиться с признанием за ФРГ роли равноправного – и тем более ведущего – партнера в чувствительной для любого государства сфере вооруженных сил, притом на уровне армейского корпуса, высшего звена военного формирования в большинстве стран НАТО в мирное время. В совместных корпусах Франции, США и бундесвера дивизии продолжали быть однонациональными. Более того, такой же состав имели не только войсковые формирования, но и штабы [Armee der Einheit 2000, 34–36]. Качественно иную схему комплектования имел германо-нидерландский корпус: единый штаб с персоналом бундесвера и королевских войск в пропорции 50% на 50% [Armee der Einheit 2000, 34–37]. К началу 2020-х гг. смешанный состав приобрели и подчиненные ему войска: в состав германской 1-й танковой дивизии включили голландскую механизированную

бригаду, а частью последней стал танковый батальон бундесвера [Panzerdivision 1 2022]. Принцип перекрестного комплектования применили и в дивизии сил быстрого реагирования бундесвера, частью которой стала нидерландская аэромобильная бригада. В случае официального Парижа единственным таким примером осталась лишь франко-германская бригада (создана в 1989 г.) [Сидоров 2019, 177–181].

В целом схема продвинутого мультилатерализма в войсках оказалась весьма востребованной в деятельности НАТО в целом. В ходе операций по миротворчеству и поддержанию мира территорию их проведения разбивали на обширные секторы. В каждом секторе развертывалась многонациональная группировка во главе с «рамочным государством», которое предоставляет самый многочисленный континент и координирует усилия на уровне данной зоны. Подобная практика распространилась на Балканах с середины 1990-х гг. и позволила ФРГ укрепляться в положении регионального миротворца (в т.ч. в военном плане). Так, в Боснии и Герцеговине бундесвер нес ключевую нагрузку в составе сил IFOR/SFOR при обеспечении мира и безопасности в одном из четырех созданных секторов – в районах Сараево, Горадже, Коньич, Фоча (вспомогательная роль была отведена итальянским частям) [The Bundeswehr... 2009, 67]. В Косове в рамках миссии KFOR германский континент в партнерстве с австрийскими частями также служил «рамочным государством» в одной из пяти зон, центром которой был город Призрен [The Bundeswehr... 2009, 73]. Наконец, наиболее значимым для ФРГ стало выполнение бундесвером аналогичных функций в североафганских провинциях под эгидой сил ISAF (2003¹-2014 гг.), а затем в миссии «Resolute Support» (2015–2021 гг.). Так, одновременно штаб регионального командования «Север» (г. Мазари-Шариф) с ведущим участием германских офицеров руководил действиями подразделений до 17 стран-участниц НАТО [Antrag... 2018, 5–6].

Еще одна форма наделения бундесвера функциями «рамочного государства» – выполнение данной роли в рамках миссии в целом либо в ее важнейшей составляющей. В составе сил UNIFIL, развернутых в зоне прекращенных боестолкновений между Израилем и движением «Хезболла» на юге Ливана (с 2006 г.), ФРГ приняла на себя ключевую нагрузку в деятельности военно-морского соединения миротворцев ООН [The Bundeswehr... 2009, 92]. В Мали де-факто уже с первых месяцев (2013–2014 гг.) функционирования военно-тренировочной миссии ЕС по подготовке кадров сил безопасности (особенно армии) Германия не только лидировала по численности инструкторов, но и координировала усилия партнеров. Параллельно к 2018 г. бундесвер уже играть роль «рамочного государства» и в составе миссии ООН MINUSMA в вопросах тактической разведки (в т.ч. с помощью беспилотной техники), охраны и логистического функционирования основной базы миротворцев [Antrag... 2019, 5–6]. Притом численно значительную часть сил MINUSMA составляли контингенты стран-участниц Африканского союза.

Евро-Атлантическое сообщество активно использовало принцип многосторонности не только при развертывании миссий вне зоны ответственности Альянса, но и при формировании группировок внутри оной. В условиях возникновения и развития конфронтации между Западом и Россией (с 2014 г.) ФРГ предпочитала комплектовать силы быстрого реагирования Альянса (СБР; второй стратегический эшелон союзнических войск), а не силы передового развертывания (СПР; первый эшелон) блока. Так, в случае СБР Германия многократно становилась «рамочной нацией» при комплектовании бригады сверхповышенной боевой готовности – «острия копья» этих войск [NATO Response Force 2019]. Ключевую роль в них играли силы 1-го германо-нидерландского корпуса. Его штаб в се-

¹ Указана дата не начала деятельности ISAF/MCCB (2001), а выдвижения первых германских подразделений к северу от Кабула.

редине – второй половине 2010-х гг. окончательно превратился в управление, способное принимать на себя командование крупными многонациональными группировками стран-участниц Альянса. Опираясь на двусторонние связи с ближайшим союзником, официальный Берлин трансформировал их в военный мультилатералистический механизм.

Принцип многосторонности в дипломатии германо-французского тандема

Аналогичную схему с опорой на сотрудничество с Нидерландами Германия реализовала и в общеполитической сфере: формат межгосударственных консультаций с официальным Амстердамом (создан в 2013 г.) функционально превратился в площадку для обсуждения вопросов с широким представительством государств-партнеров по ЕС и НАТО [Pressekonferenz...2019].

Сфера создания совместных военных группировок – хоть и значимое, но все же исключение из общего правила использования фактора мультилатерализма в сотрудничестве официальных Берлина и Парижа. Следует оговориться, что применительно к политико-дипломатической сфере данная тенденция стала особенно заметной с середины 2010-х гг. в связи с тем, что оба актора относятся к категории держав. Франция, которая пребывает в данном статусе длительное время, прилагает максимум усилий, чтобы не допустить критического ослабления своих позиций. Германия, будучи восходящим центром влияния, также сталкивается с растущими вызовами для укрепления стратегического присутствия. Вкупе со значительным набором общих ценностей и географической близостью, риск утраты влияния обуславливал существенное взаимное притяжение официальных Берлина и Парижа – разумеется, не снимая в полной мере вопроса о лидерстве в тандеме. Их стремление олицетворять собой ядро группы континентальных европейских стран-участниц ЕС и НАТО особенно возросло в условиях холодной войны Запада с РФ, брежневизма и трампазма. Речь здесь идет о дивергенции позиций материковых стран Западной Европы не только с убеждениями группы англосаксонских держав, но и с рядом восточноевропейских партнеров.

Роль германо-французского союза проявилась при развитии платформы PESCO (с 2017 г.), которая направлена на углубление функционального и технико-технологического сотрудничества государств-членов ЕС в области безопасности и обороны по принципу гибкого участия в интеграции [Permanent Structured... 2019].

Политико-дипломатический тандем активно принимал функции по представительству стран-участниц ЕС на значимых треках международной безопасности. Иллюстрацией тому стало создание (2014 г.) и последующее функционирование «Нормандского формата». По мере развития переговорного процесса его промежуточные результаты подробно доводили до сведения ближайших партнеров – в основном в ходе двусторонних встреч [Pressekonferenz... 2019] – что обеспечивало благоприятный рамочный многосторонний фон для действий германо-французского тандема. Данную схему также принимали при диалоге с державами Астанинского «треугольника» по сирийской тематике в конце 2010-х гг. В полной мере тактика проявилась и в отношениях с Мали и другими странами «G5 Sahel» (Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад) в середине – второй половине 2010-х гг. Совместно с официальным Парижем Берлин стал посредником в организации межмаллийского диалога и заключении договоренностей о мире (2015 г.). Существенно нарастив вклад в стабилизацию обстановки в регионе, ФРГ перешла к выстраиванию продвинутых политических контактов с группой «G5 Sahel», в рамках данного процесса тесно сотрудничая с Францией и иными ближайшими партнерами по ЕС (Нидерланды, Австрия, Швеция) [Antrag... 2019, 5–8].

В тех случаях, когда официальный Берлин считал свои позиции достаточно сильными, он сам инициировал создание и координировал деятельность переговорных форматов, но притом детально согласовывая шаги с ближайшими союзниками по ЕС и НАТО, включая официальный Париж. Так, в 2014 г. в столице Германии начала работать Конференция по Западным Балканам – площадка, предназначенная обеспечить сближение ЕС и региональных игроков, не интегрированных в его состав [Konferenz der Staaten... 2014]. Перед наступлением пандемии, в январе 2020 г., стартовала Берлинская конференция по Ливии, нацеленная на прекращение гражданской войны в стране и на ее возвращение на путь стабильного развития [Einigung auf Berliner... 2020]. В первом случае (Балканы) роль ФРГ объяснялась уверенным закреплением за ней функции модератора постюгославского пространства еще с 1990-х гг. Во втором (Ливия) Германия, единственная из западных держав, не принимала сколько-нибудь активное участие в военно-силовой операции НАТО 2011 г., которая привела к обрушению вертикали власти в стране, что обеспечивало достаточно выгодные переговорные позиции официальному Берлину.

Здесь уместно обратить внимание на то, что в XXI в. при возникновении военно-политических кризисов с участием держав Запада, то есть при постановке вопроса о проведении масштабной силовой операции, ФРГ последовательно занимала осторожную позицию, отказываясь от использования бундесвера непосредственно в боевых формах (что не отменяло готовности его применять для «разгрузки» партнеров). Данная линия поведения проявлялась в ходе военно-политических кризисов в Ираке (2003 г.), Ливии (2011 г.) и Сирии (2013 г.). Примеры показывают, что ФРГ использовала принцип мультилатерализма во внешней политике в строгом соответствии со своими национальными интересами, стремясь не подстраивать их под позиции даже важнейших партнеров.

Мультилатерализм в отношениях ФРГ и США: триггер или спойлер?

Какую роль исследуемый фактор играл в отношениях ФРГ и США – и почему? С образования ФРГ (1949 г.) приверженность многосторонности при решении значимых международных проблем стала неотъемлемой частью политических ценностей и правил поведения, которые объединяют элиты двух стран. Отказ одной стороны участвовать в стратегическом проекте другой означал четкий сигнал не только о несогласии с партнером, но и о кризисном состоянии межгосударственного диалога. До середины 2010-х гг. такие случаи все же не были частыми. Ситуация резко изменилась при президенте Д. Трампе, который стремительно перешел к унилатерализму, основанному на частных компромиссах.

В ответ Германия стала играть роль «охранителя» общих для стран-участниц Евро-Атлантического сообщества ценностей, особенно приверженности многостороннему подходу, тем самым оказавшись в специфической ситуации. Боннская республика в 1950–1960-е гг. находилась в положении ученика, который усваивал уроки политической грамоты от учителей в лице англо-саксонских держав – лидеров лагеря «западных демократий» во главе с США. Закончив обучение на «отлично», ФРГ стала последовательно распространять в мире ценности и правила поведения Евро-Атлантического сообщества, а также защищать их от своих бывших «педагогов» в условиях трампизма и брекзита. Предварительно (в 2018 г.) согласовав свои планы с ближайшими партнерами по ЕС [“Bukarest, Berlin... 2018], ФРГ на открытии 74-й Генеральной ассамблеи ООН выступила с инициативой создать неформальный «Альянс в поддержку мультилатерализма» в сентябре 2019 г., что означало координацию усилий международных игроков, в той или иной степени приверженных принципу многосторонности [Ministertreffen... 2021].

К середине 2020-х гг. в данную группу входило порядка 70 государств. Альянс успешно действовал не только при противодействии трампизму и брекзиту, но и в условиях пандемии, при которой многие государства мира в различных отношениях «замыкались на себя». Идеи, заложенные в данном неформальном объединении игроков, предельно подробно отражены в «Белой книге по мультилатерализму» от мая 2021 г. [A Multilateralism... 2021], опубликованной на фоне постепенной разморозки мирополитических процессов после первых волн COVID-19 и изменений в политике США.

Создание Альянса было значимой, но лишь одной из многих мер, нацеленных на противодействие трампизму. Став объектом критики и давления 45-го президента США, ФРГ активно стремилась помешать его действиям по разрушению многих договоренностей, которые ранее были предметом консенсуса Евро-Атлантического сообщества (схема урегулирования арабо-израильского конфликта, сохранение СВПД и др.). Однако во многом данные германские шаги имели слабый результат, о чем свидетельствует выход администрации Д. Трампа на стратегическую «сделку» с «Талибаном»² 29 февраля 2020 г., воплощение которой априори вела к демонтажу военного присутствия ФРГ в Афганистане. Основные надежды, связанные со сменой администрации, сначала казались вполне обоснованными: президент Дж. Байден заявлял о возвращении США к приверженности мультилатерализму и демонстрировал стремление к восстановлению диалога с ФРГ на этой ценностной основе. Соответствующий оптимизм в полной мере нашел отражение в «Белой книге» от мая 2021 г. [A Multilateralism... 2021].

Однако, вопреки ожиданиям, новый «старый» (с ценностной точки зрения) внешнеполитический курс США оказался не слишком благоприятным для официального Берлина. Во-первых, после паузы (которую восприняли как признак пересмотра решения Д. Трампа) администрация Дж. Байдена в середине апреля 2021 г. одобрила соглашение с «Талибаном», поставив ФРГ и иных партнеров перед необходимостью экстренной эвакуации их контингентов.

Во-вторых, после прихода к власти администрации Дж. Байдена Германия на дву- и многосторонней основе (как по линии ЕС, так и НАТО) стала поддерживать США в выстраивании конфронтации с КНР, однако достаточно умеренно. Белый дом содействовал появлению военно-морского присутствия ФРГ в Тихом океане (со второй половины 2021 г.) [Indo-Pacific... 2021]. Однако 15 сентября 2021 г. США, Великобритания и Австралия объявили о создании военно-политического объединения AUKUS – структуры закрытого состава, которая включает лишь англосаксонские державы. Данное решение представляло собой де-факто вызов не только Франции, но и Германии.

В-третьих, Белый дом при Дж. Байдене, в отличие от администраций Д. Трампа и особенно Б. Обамы, сумел обеспечить за собой роль основного представителя интересов Евро-Атлантического сообщества на украинском направлении. Данная тенденция проявилась не только в наращивании системы сдерживания РФ, но и при развитии контактов с Россией по вопросам безопасности с целью снять чрезмерную напряженность в отношениях. США с декабря 2021 г., сразу по окончании эры А. Меркель, пошли по пути фактического дезавуирования «нормандского формата», заменяя его собственными контактами с Россией.

О чем свидетельствуют приведенные выше примеры? Администрация Дж. Байдена вернулась к принципу мультилатерализма во внешней политике США, но при условии его строгого соответствия национальным интересам – так же, как последовательно делала ФРГ (особенно в периоды канцлерства Г. Шредера и А. Меркель). Белый дом стал настойчиво проводить курс, который зеркально повторяет линию официального Берлина.

² Движение находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

Не афишируя де-юре, Белый дом при 46-м президенте США де-факто учитывал недовольство, которое возникло из-за превращения ФРГ в параллельный Соединенным Штатам (и группе англо-саксонских стран в целом) центр влияния. Наиболее отчетливо данная особенность проявилась в демонтаже крупнейшего механизма союзнического присутствия НАТО вне ее зоны ответственности (Афганистан) и в выстраивании парадигмы обеих холодных войн стран Запада – с РФ и КНР. Детерминированность выбора данных векторов отнюдь не случайна, т.к. они определяют контуры формирующегося миропорядка.

* * *

В биполярную эпоху под приверженностью мультилатерализму руководство ФРГ понимало прежде всего формальную и фактическую солидаризацию с партнерами по Евро-Атлантическому сообществу. В 1990-е – начале 2020-х гг. эта политика Германии стала более широкой географически и начала включать в себя страны, не входившие в ЕС и НАТО. Так, данный подход нашел отражение в составе «Альянса в поддержку мультилатерализма» [Ministertreffen... 2021] и профильной «Белой книге» [A Multilateralism... 2021]. С другой стороны, указанные изменения существовали прежде всего де-юре. Де-факто ФРГ не была готова учитывать интересы незападных держав в сфере безопасности и обороны и выстраивать с ними работающие кооперативные схемы безопасности. В целом для акторов за пределами ЕС и НАТО использование Германией принципа многосторонности определяется готовностью данных игроков согласиться с подходами Евро-Атлантического сообщества в целом. Соответственно, следует отметить селективный характер применения идей мультилатерализма со стороны ФРГ.

Обращение к ним обеспечивало поддержку державных амбиций Германии со стороны широкого круга малых и средних государств-членов ЕС и НАТО, а также Франции. Одновременно группа англосаксонских стран по-прежнему воспринимает планы ФРГ во многом скептически, что проявилось не только в унилатерализме администрации Д. Трампа, но и в недружественном по отношению к Берлину мультилатерализме Дж. Байдена.

Правительство О. Шольца, которое сменило последний кабинет А. Меркель, декларировало приверженность идее многосторонности как неизменному приоритету. Данный принцип нашел отражение в коалиционном договоре СДПГ, «Зеленых» и СвДП от 8 декабря 2021 г. В контексте мультилатерализма в сфере безопасности и обороны наибольшее внимание в нем уделено поддержке ООН и ЕС, причем в первом случае подчеркнута значимость задачи по обретению ФРГ постоянного места в Совете Безопасности ООН [Mehr Fortschritt... 2021, 104, 114]. Степень приверженности конкретной страны мультилатерализму, которая, в понимании правительства О. Шольца, снизилась к 2021 г., выступала ключевым критерием для выбора государства в роли фокусного партнера Германии как осевая составляющая совместных с ФРГ политических ценностей [Mehr Fortschritt... 2021, 113]. «Стратегическим компасом» внешней политики ФРГ провозгласила приверженность принципу защиты прав человека и гражданина во всем мире [Mehr Fortschritt... 2021, 114], то есть официальный Берлин взял на себя функцию защиты принципов «западной демократии» на глобальном уровне. Тем самым де-факто оттенялась роль США: часть от нее ФРГ стремилась принять на себя, притом качество, масштаб и полнота диалога определялись приверженностью самого Белого дома принципу многосторонности. Данные принципы представляли одновременно завуалированную критику трампа и новое восприятие отношений с США, которое уже нашло отражение в «Белой книге» по мультилатерализму при А. Меркель [A Multilateralism... 2021]. В коалиционном договоре (2021 г.) первоочередное внимание уделено именно координации усилий с европейскими

партнерами по ЕС и НАТО при признании безусловной важности трансатлантических отношений. Значимая роль в достижении данных целей отводится использованию потенциала «Альянса в поддержку мультилатерализма» [Mehr Fortschritt... 2021, 114].

На фоне специальной военной операции РФ на Украине канцлер О. Шольц по согласованию с министрами иностранных дел А. Бербок («Зеленые») и обороны К. Ламбрехт (СДПГ) выступил с программной речью на заседании Бундестага 27 февраля 2022 г. Необоснованно жесткая риторика в адрес РФ сопровождалась декларированием ряда чувствительных мер в сфере безопасности и обороны [Regierungserklärung... 2022]. Следует, однако, отметить, что почти все шаги – логическое продолжение тенденций и конкретных шагов ФРГ периода «поздней» А. Меркель, в том числе выработанного восприятия мультилатерализма в отношениях с союзниками и партнерами. Во-первых, Германия нарастила вклад в комплектование многосторонних группировок НАТО – наземных (БТГ СПР в Литве), воздушных (миссия по воздушному патрулированию Румынии) и морских (оперативные группы блока, развернутые к северу и югу от европейского континента) [Regierungserklärung... 2022], в которых она участвует с 2016 г., 2021 г., 2004 г. (в акваториях севернее Европы), 2008 г. (южнее) соответственно. Однако ФРГ не инициировала создание новых механизмов, которые бы принципиально отличались от прежних функционалом и логикой географического размещения. Во-вторых, такие меры, как целевой фонд в 100 млрд евро для ускоренного усиления потенциала бундесвера и выход на отметку в 2% военных расходов от ВВП [Regierungserklärung... 2022] стали продолжением ускоренного роста данного показателя с конца 2010-х гг. Данная тенденция сохранялась даже в условиях наступления пандемии [Defence Expenditure... 2021, 8]. Возможное внесение специального пункта о поддержке бундесвера в Основной закон отражает длительную (с начала XXI в.) тенденцию по активизации использования военного инструментария Германии внутри и вне зоны ответственности Альянса [Antrag... 2018; Antrag... 2019]. В-третьих, возобновлены планы по оснащению бундесвера ударно-разведывательными БПЛА, которые активно обсуждали в конце 2010-х гг. [Regierungserklärung... 2022]. Параллельно планируется увеличить финансирование и ускорить разработку перспективных истребителя, основного боевого танка и средневысотного БПЛА в кооперации с партнерами по ЕС, особенно Францией – как на уровне PESCO, так и вне платформы. Именно официальный Париж остается наиболее ценным партнером при реализации многосторонних схем, в пользу чего говорит многократное упоминание Франции в речи 27 февраля 2022 г. в отсутствие таких же упоминаний США [Regierungserklärung... 2022]. Германия стремится использовать возможности тандема и для усиления влияния в Совете Безопасности ООН в контексте критики РФ. Здесь ФРГ продолжила дрейфовать в сторону от предельной приверженности принципу «стратегической сдержанности». Данное движение характеризует выполнение многосторонних обязательств, в частности действительно новое – но лишь тактически – решение о поставке вооружений на Украину [Regierungserklärung... 2022]. Однако в перспективе движение по пути избирательного подхода к использованию многосторонности будет сопровождаться ростом не только преимуществ, но и проблем: неготовность к полноценному сотрудничеству с незападными державами становится все более мощным препятствием на пути глобальных амбиций ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив посла А.И. Степанова // Отдел Европы и Америки ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 26-о.
- Егоров А.И. (2012) Отражение интересов Германии в теории и практике мультилатерализма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 12. С. 108–111.
- Обичкина Е.О. (2021) Внешняя политика Эммануэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. № 3. С. 235–274. DOI: 10.31249/ape/2021.03.10.
- Сидоров А.С. (2019) Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «Окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 172–186. DOI: 10.31249/ape/2019.04.10.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan (2018) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094. 12 S.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. 12 S.
- Armee der Einheit 1990 – 2000 (2000) Bonn: BMVg. 48 S.
- Brozus L. (2019) Strategische Vorausschau für multilaterale Politik // SWP-Aktuell. Oktober. No. 55. 4 S. DOI:10.18449/2019A55.
- “Bukarest, Berlin, Brüssel – gemeinsam für ein souveränes, starkes Europa”. Rede von Außenminister Heiko Maas anlässlich der rumänischen Botschafterkonferenz (2018) Auswärtiges Amt. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2130236>).
- The Bundeswehr on Operations (2009) Berlin: Federal Ministry of Defense. 120 p.
- Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021) (2021) Brussels: NATO Public Diplomacy Division. 12 p.
- Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen (2020) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310>).
- Indo-Pacific Deployment 2021 (2021) BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021>).
- Konferenz der Staaten des Westlichen Balkans in Berlin (2014) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/konferenz-der-staaten-des-westlichen-balkans-in-berlin-753800>).
- Mauil H. (2020) Multilateralism, Varianten, Möglichkeiten, Grenzen, Erfolgsbedingungen // SWP-Aktuell. Februar. No. 11. 8 p. DOI: 10.18449/2020A11.
- Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis Für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeitkoalitionsvertrag 2021–2025 Zwischen Der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 / Die Grünen Und Den Freien Demokraten (FDP) (2021) Berlin. 144 p.
- Ministertreffen der Allianz für Multilateralismus (2021) Auswärtiges Amt. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/-/2484204>).
- A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper (2021) Berlin: Federal Government. (<https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2460320/0e29e9a0f2c3b9af9a4268ba913f26a9/weissbuch-multilateralismus-data.pdf>).
- NATO Response Force (NRF) Fact Sheet. (2019) NATO. (<https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet>).
- Panzerdivision 1. (2022) BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision>).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview (2019) EU. (<https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf>).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte zu den 3. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Berlin (2019) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-zu-den-3-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-1678038>).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27 (2022) Februar 2022. Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>).

REFERENCES

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan (2018) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094. 12 p.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. 12 p.

Arhiv posla A.I. Stepanova [Archive of Ambassador A.I. Stepanov]. Otdel Evropy i Ameriki INION RAN. F. 1. Op. 2. D. 22. L. 26-o.

Armee der Einheit 1990–2000 (2000) Bonn: BMVg. 48 p.

Brozus L. (2019). Strategische Vorausschau für multilaterale Politik. *SWP-Aktuell*. Oktober, no. 55, 4 p. DOI:10.18449/2019A55.

“Bukarest, Berlin, Brüssel – gemeinsam für ein souveränes, starkes Europa”. Rede von Außenminister Heiko Maas anlässlich der rumänischen Botschafterkonferenz (2018) *Auswärtiges Amt*. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2130236>).

The Bundeswehr on Operations (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense. 120 p.

Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021) (2021) Brussels: NATO Public Diplomacy Division. 12 p.

Egorov A.I. (2012). Otrazhenie interesov Germanii v teorii i praktike mul'tilateralizma [Reflection of Germany's Interests in the Theory and Practice of Multilateralism]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. no 12, pp. 108–111.

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen (2020) Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310>).

Indo-Pacific Deployment 2021 (2021). BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021>).

Konferenz der Staaten des Westlichen Balkans in Berlin (2014). Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/konferenz-der-staaten-des-westlichen-balkans-in-berlin-753800>).

Mauil H. (2020). Multilateralism, Varianten, Möglichkeiten, Grenzen, Erfolgsbedingungen. *SWP-Aktuell*. Februar, no. 11, 8 p. DOI: 10.18449/2020A11.

Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis Für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeitkoalitionsvertrag 2021–2025 Zwischen Der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), BÜNDNIS 90 (2021) Die Grünen Und Den Freien Demokraten (FDP). Berlin. 144 p.

Ministertreffen der Allianz für Multilateralismus (2021) Auswärtiges Amt. (<https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/-/2484204>).

A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper (2021). Berlin. Federal Government. (<https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2460320/0e29e9a0f2c3b9af9a4268ba913f26a9/weissbuch-multilateralismus-data.pdf>).

NATO Response Force (NRF) Fact Sheet. (2019) NATO. (<https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet>).

Obichkina E.O. (2021) Vneshnjaja politika Jemmanujelja Makrona: poiski geopoliticheskoj strategii v razladivshejsja mirovoj ierarhii [Emmanuel Macron's Foreign Policy: Searching for a Geopolitical Strategy in the Disordered World Hierarchy]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no 3, pp. 235–274. DOI: 10.31249/ape/2021.03.10.

Panzerdivision 1 (2022) BMVg. (<https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision>).

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s projects – Overview (2019) EU. (<https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf>).

Pressekonzferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Rutte zu den 3. deutsch-niederländischen Regierungskonsultationen in Berlin (2019). Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonzferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-rutte-zu-den-3-deutsch-niederlaendischen-regierungskonsultationen-1678038>).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27 (2022) Februar. Bundeskanzleramt. (<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356>).

Sidorov A.S. (2019). Franko-germanskoje voenno-politicheskoe sotrudnichestvo: «Okno vozmozhno-*stej*» ili dvizhenie po inercii? [French-German Military Cooperation: “Window of Opportunities” or Movement by Inertia?]. *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 172–186. DOI: 10.31249/ape/2019.04.10.

Информация об авторе

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 15, стр. 2, 117218. E-mail: 1trunov@mail.ru

About the author

Philipp O. Trunov, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: Moscow, Krzhizhanovskogo St., 15, b. 2, 117218. E-mail: 1trunov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 15.12.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 28.03.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 07.04.2022

DOI: 10.31857/S086904992203008X
EDN: EXSDPE

Оригинальная статья / Original Article

«Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке

© В.И. СПИРИДОНОВА

Спиридонова Валерия Игоревна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), vspirid@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6774-7203

Кризис неолиберальной парадигмы развития, который привел к разочарованию в западных ценностях, а также отказ крупнейших восходящих мировых держав – Китая, Индии и России – от притяжения универсалистской европейской модели модернизации в форме «государства-нации» привел к формированию новой концепции политического устройства – «государства-цивилизации», или, согласно другой формулировке, «цивилизационного государства». К настоящему моменту приверженность идее «цивилизационного государства» высказали такие страны, как Китай, Индия, Россия, Турция и Египет. Каждая из них демонстрирует собственные основания для такого выбора, исходя из особенностей социально-исторического развития. Помимо перспективы внутренней консолидации, концепция «цивилизационного государства» способствует преобразованию культурно и ценностно близких стран в макрорегиональные союзы, которые образуют пространства «мир-цивилизаций». Данная тенденция – предвестник нового абриса мирового порядка не только как состояния многополярного мира, но и как многоцивилизационного.

Ключевые слова: кризис, неолиберализм, государство-нация, цивилизация, государство-цивилизация, мир-цивилизация

Цитирование: Спиридонова В.И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. № 3. С. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE

“Civilization-state” as a New Formula of Existence in the XXI Century

© V. SPIRIDONOVA

Valeria I. Spiridonova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
vspirid@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-6774-7203

Abstract. The crisis of the neoliberal development paradigm caused disappointment in Western values. At the same time the largest rising world powers – China, India and Russia – refused to accept the universalist European model of modernization in the form of a “nation-state”. Both of these facts led to the formation of a new concept of political structure – a “civilization-state”, or, according to another formulation, a “civilizational state”. Today, such countries as China, India, Russia, Turkey and Egypt expressed their commitment to the idea of “civilization-state”. Each of them demonstrated its own grounds for such a choice based on the peculiarities of their socio-historical development. In addition to the prospect of internal consolidation, the concept of “civilizational state” promotes the transformation of culturally and value-linked countries into macro-regional unions, forming big spaces of “world-civilizations”, which is a harbinger of a new outline of the world order not only as a multipolar world, but also as a multi-civilizational one.

Keywords: crisis, neoliberalism, nation-state, civilization, civilization-state, world-civilization

Citation: Spiridonova V. (2022) «Civilization-state» as a New Formula of Existence in the XXI Century. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE

Три десятилетия кризисного существования России в конце XX – начале XXI в. в стране проводилась попытка радикальной смены экономической, политической и социальной парадигмы, а также приобщения к неолиберальному стандарту. В результате сформировалась ситуация, которая неоднократно имела место в ее истории – возникла необходимость сконцентрировать все силы на восстановлении и укреплении своей цивилизационной субъектности. Самой яркой исторической аналогией такого состояния называют период после поражения в Крымской войне, когда России, как и ныне, противостоял весь коллективный Запад. Она вынуждена была сконцентрироваться на стратегии цивилизационного сосредоточения по известной формуле А.М. Горчакова: «Россия не сердится. Россия сосредотачивается». Реформы начала XX в. также требовали аккумуляции усилий, квинтэссенция которых выразилась в вошедших в историю словах П.А. Столыпина: «Дайте Государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Эта установка получила свое продолжение после революции 1917 г., когда политическая реальность была определена как необходимость так называемой ленинской «передышки».

Как в предшествующие периоды, так и сегодня, два главных фактора – внешнее давление сильных мировых держав и внутреннее экономическое неустройство – ставят перед страной задачу цивилизационного сбережения с акцентом на сохранении ядра самобытной системы ценностей. Анализируя современную стратегию России, профессор международных отношений и политических наук Калифорнийского университета А.П. Цыганков указывает, что сегодня важно сохранить витальную силу цивилизационного ядра, «используя уже введенные в общенациональный дискурс идеи “государства-цивилизации”»

и консервативной державы» [Цыганков 2017]. Как он замечает далее, «цивилизационщиков отличает от западников и державников убежденность в том, что основной источник процветания и развития находится в нас самих, а не в достижениях западной культуры» [Цыганков 2017]. Данная стратегия, однако, не означает приверженности политике самоизоляции, отказа от активного взаимодействия с миром, свободного заимствования – тем не менее при данных факторах сохраняются собственные цивилизационные основания.

Возвращение цивилизационного дискурса

С 2010-х гг. в мировой политической риторике начала утверждаться концепция «государства-цивилизации», которая первоначально формировалась как антитеза европейской модели «национального государства». Отторжение идеи «национального государства» современными восходящими экономиками – такими как Китай, Индия, Россия и др. – связано с негативными воспоминаниями либо о колониальном прошлом этих стран, либо о чрезмерном давлении Запада, который продвигал модель государства-нации в качестве универсальной и безальтернативной для всего остального мира. Наиболее полно осознали преимущества пересмотра данной идеи китайские исследователи. Так, один из ведущих американских ученых в области китаеведения Л. Пай, отмечая, что китайская теория и политическая практика на протяжении многих лет находились под «прессом западной ментальности», писал: «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать собой национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX в.» [Cho 2009]. Сходной позиции придерживается индийский историк Р. Кумир, который указывает на насильственные попытки Британии переформатировать паниндийское пространство. Современная идентичность Республики Индия должна определяться в терминах «цивилизационного государства», заявляет он [Kumar 1993]. Что касается России, она обратила внимание на эту концепцию, когда страна разочаровалась в возможности выстраивать равноправные отношения с Западом, а также возникла угроза суверенному существованию страны.

Более глубокий анализ показывает, что современная инициатива по преодолению европейской универсалистской парадигмы развития связана не только со стремлением стран, которые считают себя тысячелетними цивилизациями, выйти за рамки навязанной извне модели национального государства. Дело и в императиве расширить само понимание цивилизаций и цивилизационного развития, которое до сих пор воспринимают как «европейское самоназвание», тождественное западному состоянию общества. Термин «цивилизация» в большинстве случаев продолжает подразумевать, что Запад представляет собой уникальную вершину человеческого развития, которая маркирует его отличие от «варварства» и «дикости» остального мира.

В XX в. распространились произведения Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Ф. Броделя, которые перевели дискурс о цивилизациях во множественное число и показали, что этот феномен связан с древними устойчивыми культурными конфигурациями. Соответственно, стало возможным размышлять о цивилизациях как о полноправных инструментах теоретического анализа, а в практической политике – говорить о перспективах «цивилизационных государств» в качестве политических проектов. Сегодня западные аналитики, хотя и считают новые концепции и проекты «цивилизационного государства» политическими изобретениями, экстраполируя на них идеи Б. Андерсона о «воображаемых сообществах», вынуждены признать значимость идеи «государства-цивилизации» для ведущих стран незападного мира. Согласно рассуждениям известного норвежского

исследователя, профессора Кембриджского университета Й. Тернборна, «государства-нации» были продуктом европейского модерна, и в этом отношении развитые европейские государства в отдельности могут быть «национальными государствами», но никак не «цивилизационными государствами», что вполне приемлемо, например, для таких стран, как Китай и Россия [Therborn 2021, 234]. Отсюда, начинают признавать не только право западных стран на особую форму политического существования, но и то, что у них есть определенное преимущество в плане преемственности с собственной длительной социально-политической традицией. Ибо цивилизации, согласно тезису французского историка Ф. Броделя, есть проявления глубинного слоя актуальной культурной геологии, они – «самый древний персонаж человеческой истории», «старец, патриарх мировой истории» [Бродель 1992, 60], существующий во «времени большой длительности».

В современную европейскую научную мысль концепт «государства-цивилизации» пришел с книгой британского независимого исследователя М. Жака, который несколько лет преподавал в университетах Китая и Японии, а позднее стал научным сотрудником Центра международной стратегии и дипломатии Лондонской школы экономики. Его труд под названием «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка», который увидел свет в 2009 г., стал неожиданным открытием для европейского научного сообщества. М. Жак обратил внимание на то, что Китай не является национальным государством в европейском смысле этого термина, – впрочем, так же как Индия и большинство неевропейских государств. Однако стоит отметить, что в теоретическом плане эта идея возникла не внезапно. Ее подготовил С. Хантингтон, который в своем известном труде [Хантингтон 1996] актуализировал цивилизационный аспект анализа международных отношений после окончания холодной войны тезисом о столкновении цивилизаций. М. Жак в своей работе конкретизировал данный тезис на примере подъема Китая, который, по его мнению, обозначил состояние «раскола современности», открыл «новую эру оспариваемой современности» (a new era of «contested modernity») [Jacques 2012, 11], бросив вызов европейской цивилизации модерна и универсалистскому проекту развития.

На публикацию М. Жака активно откликнулись сами китайские ученые, для которых перестройка мировой системы в сторону многополярности совпала с необходимостью обосновать новую суверенную парадигму развития страны. Наиболее известной работой в данном направлении стала книга китайского профессора Чж. Венвэй «Китайская волна: подъем цивилизационного государства», которая получила широкий отклик в европейском интеллектуальном пространстве. В 2017 г. китайского ученого пригласили в один из старейших университетов Германии – Международный университет Шиллера, где он прочитал лекцию по тематике своей книги, после которой прошла дискуссия в рамках мероприятия «Диалог цивилизаций» по посредничеству между Китаем, США и другими странами.

Признавая своеобразие Китая как тысячелетней цивилизации, европейские ученые, однако, остались в рамках прогрессистской идеологии и сочли, что цивилизационный акцент есть дань «до-современности» как пройденному этапу в эволюции политической и социальной реальности. Ч. Венвэй, напротив, утверждает, что «цивилизационное государство» представляет собой новую модель развития и новый политический дискурс, «которые в совокупности открывают новую страницу в истории человечества» [Weiwei 2012, 174].

В отличие от индивидуалистической основы национального государства, идея «государства-цивилизации» имеет холистскую природу и опирается на синергию культурной традиции и переосмысления западной концепции ценностей демократии и прав человека.

Европейский взгляд на сущность государства, по сути, конфронтационный, он видит в государстве неизбежное зло, которому нужно противостоять. В китайском же сознании государство воспринимается в этической парадигме как добродетель. Оно должно сохранять единство «больших пространств», характерных для цивилизационных государств, способствовать формированию солидарности между его многонациональными составными частями и интегрировать усилия для успешного развития экономики в обстоятельствах, не слишком благоприятных условий проживания.

Исторически особая ценность категории «общего» в китайском обществе оформилась как реакция на необходимость координировать усилия в борьбе со стихией, ярким примером которой было обуздание мощи двух великих рек Янцзы и Хуанхэ, имеющих решающее значение для китайской экономики и выживания народа. Такие факторы, как указывал представитель французской школы «Анналов» Ф. Бордель, создают фундаментальные основы цивилизаций, отражая давление «материальной цивилизации», формируя «структуры повседневности» и порождая «диалектику возможного и невозможного» в конкретно заданных природных рамках существования.

Сохранение цивилизационной природы китайского государства сегодня позволяет не только решить важнейшие внутренние проблемы страны, но и предложить миру новый проект грядущего развития. В современном Китае в рамках неоконфуцианства продвигается идея обновления фундаментального принципа солидарности «всех под небесами» (Тяньси) в формате «Тяньси 2.0», который предполагает не только пересмотр основы внутрикитайского единства под лозунгом «одна система, разные модели», но и преобразование мирового порядка через воплощение принципа «один мир, разные цивилизации» [Хи 2018].

Если в основе Вестфальской системы потенциально был заложен принцип конкуренции и стремления к гегемонии, то китайская идея «Тяньси 2.0» подразумевает согласование действий разных государств, однако Запад воспринимает ее как «новый китайский универсализм» и претензию Китая на мировое господство. Китайскую инициативу трактуют как стремление создать «всеохватывающую систему управления с центральной ролью в ней синосферы и мировым правительством под предводительством Китая» [Jain 2021, 102]. Поскольку исходной точкой для такой внешнеполитической программы развития стала концепция «цивилизационного государства», последнее рассматривают как фундаментальную угрозу всему неолиберальному проекту. Тем не менее, западноевропейское научное сообщество единодушно признает, что идея цивилизационного государства оказалась наиболее органичной именно для Китая, который считают едва ли не единственной высокой культурой человечества, обладающей тысячелетней непрерывной традицией. К тому же, китайское государство – едва ли не единственное, в котором исторические границы полностью совпадают с цивилизационными.

В отношении Индии складывается более сложная ситуация, которая и внутри, и вовне вызывает острые дискуссии о том, какой путь должна избрать страна – путь «государства-цивилизации» или «национального государства», близкого к европейскому образцу. Помимо длительного британского влияния, немаловажную роль в данном интеллектуальном сомнении играет прерывистость истории индийской цивилизации, отмеченной исчезновением первоначальной культуры долины Инда, а также пестрота современных культурных практик на территории страны, которая затрудняет их отнесение к единой цивилизации.

Что касается России, то универсалистская формула национального государства оказалась мало или вовсе не применимой к российским реалиям, так как она стимулирует дезинтеграцию страны и распад государственности. В то же время другая исторически релевантная политическая идея – идея империи – в период торжества неолиберализма

повсеместно подвергалась резкой критике. Находясь под сильным идейным влиянием западной мысли, Россия в конце XX – начале XXI в. не видела возможности вернуться к имперскому образцу существования. На данном фоне отмечались попытки ввести в научный оборот такие абстрактные конструкты, как «региональная интеграция» [Некlessа 2013] или «импероподобное образование» [Фурсов 2011], которые должны были обозначать новую форму российского политического устройства.

После того, как В.В. Путин в 2013 г. впервые использовал термин «государство-цивилизация» применительно к России, во многих западных работах, посвященных проблеме возвращения цивилизационной тематики в научную повестку, появились разделы, анализирующие «российское евразийское государство-цивилизацию» и перспективы его развития [Coker 2019; Pabst 2019; Jain 2021; Therborn 2021]. Главное преимущество новой концепции, несомненно, состоит в том, что благодаря интенсификации культурного синтеза в условиях огромной территориальной протяженности и этнического многообразия России цивилизационный ракурс анализа позволяет решить основную экзистенциальную проблему ее многоконфессионального и климатически мозаичного бытия – проблему связности в пространстве и историческом времени.

Помимо Китая, Индии и России, о своей приверженности идее цивилизационного государства в последнее годы все явственнее заявляют другие страны. Среди них выделяется Турция, которая стремится использовать возникший «геополитический вакуум» на Ближнем Востоке и в Центральной Азии для узко прагматических целей расширения зоны своего влияния. Исследователь в области ближневосточной политики Ньюкаслского университета Р. Аль-Хафид заявляет, что современное человечество находится на пороге радикальных перемен, которые изменят культурный и стратегический ландшафт мира постмодерна. Упадок национального государства и проект «цивилизационного государства», которое определяется через призму общей культуры и общих ценностей, позволяет Турции сформулировать новую интеллектуальную платформу – «гибридную доктрину, сочетающую национальный дискурс с внешним культурным посланием». Результатом должно стать создание своего рода «регионального жизненного пространства», однако не путем военного вмешательства, как было в XX в., а на основе прочных культурных и социальных связей с соседними регионами. По словам Р. Аль-Хафида, Турция имеет все шансы стать центром нового объединения, так как обладает «всеобъемлющей письменной историей совместного существования этих стран на протяжении пяти веков во всех ее мельчайших деталях». Речь идет об османских архивах, которые включают в себя 150 миллионов документов – они и должны стать фундаментом нового «тюркского мира» [Rabee Al-Hafidh 2020].

К этой четверке государств, каждое из которых по-своему восприняло формулу «государства-цивилизации», начинают присоединяться новые страны, у которых пока нет глубокой концептуализации данного понятия. Среди них, например, Египет. «После десятилетий тяжелых поисков политического самоопределения, Каир вырабатывает сегодня новый идеологический дискурс и нацелен на строительство “государства-цивилизации” с его особым культурным, историческим и политическим нарративом, отвергающим культурное доминирование Запада», пишет ученый-исследователь Института Среднего Востока в Вашингтоне М. Сулейман [Soliman 2021]. Египет, полагает он, хочет присоединиться к формирующемуся клубу наций, включающих сегодня Китай, Россию и Индию. Они сосредотачивают свои усилия на цивилизационной перспективе, возрождают традиционные ценности и историческое наследие, которые коренным образом расходятся с постнациональным, пострелигиозным и мультикультурным мировым неолиберальным порядком.

От «государства-цивилизации» к «мир-цивилизации»

С развитием цивилизационного процесса становится все более очевидным формирующийся императив перехода к новой, макрорегиональной структуре мирового сообщества, которую наиболее адекватно можно выразить не столько модусом «государства-цивилизации», сколько более широким понятием «мир-цивилизация». Подобную формулировку впервые обозначил французский историк Ф. Бродель, в трудах которого она присутствует в виде специфической лексической конструкции «мир с тире» («мир-»). Она встречается у него в нескольких сочетаниях: «мир-экономика», «мир-цивилизация», «мир-культура», «города-миры». Сочетание «мир-цивилизация» отражает взаимопроницаемость и глубокий симбиоз разных сфер социальности – экономической, политической, культурной, социологической. Данная конструкция, как поясняет Бродель, означает самодостаточность, независимость от других таких же образований, «в общем некий мир в себе, некую целостность» [Бродель 1992, 14]. Ее особый смысл состоит в том, что она концентрирует внимание на единстве структур в пространстве и их устойчивости во времени, а также способствует сосредоточению на внутренней сплоченности, что важно для понимания существования цивилизаций, которые находятся в процессе преобразования или восстановления.

Введение категории «мир-цивилизация» в современную политическую риторику позволяет указать на расширение области цивилизационного охвата и сферы цивилизационного воздействия, которые выходят за границы конкретно-политических интерпретаций государственности, а также за границы наций или этносов. Новое понятие снимает внутреннее семантическое и логическое противоречие концепта «государство-цивилизация», которое возникает между составными элементами данного термина, опирающимися на разные основания: сугубо институциональное толкование «государства», преобладающее в западной мысли, и духовно-культурный базис «цивилизации».

«Мир-цивилизация» может охватывать несколько политических образований, множество национальных и этнических сообществ. О том, что данный смысл уже присутствует в политической реальности, свидетельствует тот факт, что в политико-философском дискурсе появилось такое понятие, как «синосфера» (Sinosphere) [Fogel 2009]. Оно предполагает социокультурное единство целого кластера стран Юго-Восточной Азии, в роли цивилизационного фундамента которого выступает китайская иероглифическая письменная традиция. К области «синосферы», или китайского «мира-цивилизации», в настоящее время причисляют культуры таких стран, как Корея, Япония и Вьетнам.

Недавно данную идею восприняла практическая политика, в результате чего она стала оформляться в виде концепта «китайского мира». Его исходные мотивы были отмечены уже в Средневековье. Указывая на грядущую возможность Китая образовать обширный территориальный «мир-цивилизацию», Ф. Бродель отмечал, что с самого начала Китай окружил себя «гирляндой» зависимых государств – Кореей, Вьетнамом, Тибетом, Монголией [Бродель 1992, 480]. Такое единение признается до сих пор, так как Китай имеет культурное-мировоззренческое влияние на Корею, Японские острова и на северный Вьетнам – районы, которые сближает материальная цивилизация, основанная на сельском хозяйстве с влажным рисом, а также исторически сложившаяся руководящая традиция классического канона конфуцианской философии.

Интегрирующим моментом для всех стран синской цивилизации стала этическая система понятий, центральное место в которой занимают категории долга и гармонии, что формирует характерный для этого региона социоцентризм. Европейский акцент на индивидуализме в системе заменяет идеал соразмерности и согласованности, особое внимание уделяется взаимоотношениям и коллективным действиям, создающим

такое глубинное единение. Дуализму добра и зла, характерному для западного наследия, противопоставляется стремление избежать антагонизмов в политических решениях, предпочитая конфронтации и обострению мягкое согласование позиций. Ориентация на гармонию в совокупности с долгосрочным планированием – ведущий принцип внешне-политического курса Китая.

Также важной для области «синосферы» стала китайская иероглифическая письменность, которая долгое время была языком общения во всем регионе для образованной части общества, создавая общее культурное поле поверх национальных границ. Идеографическая система письма остается составной частью классического образования Восточной Азии. Японская письменная культура и поныне включает в себя ряд китайских иероглифов, а в Корейском университете Сеула студенты при поступлении обязаны знать в обязательном порядке около 2000 китайских иероглифических символов [*Тернборн* 2015, 22–25]. Кроме того, именно классическое образование лежит в основе меритократической системы административного отбора, которая сохранилась и признается не только в Китае, но также получила распространение в соседних с ним Корее и Вьетнаме. Такое общее цивилизационное наследие на самом деле может стать основой для утверждения структуры совокупного «китайского мира».

Потенциально схожая ситуация исторически существовала в цивилизационном ареале «индийского мира». Ф. Бродель отмечал, что Индия уже во времена Средневековья превратила Индийский океан в свое внутреннее море от восточного побережья Африки до берегов Индонезии подобно Средиземноморью, создав тем самым основу собственного «сверхбольшого пространства» [*Бродель* 1992, 480]. В настоящее время индийское влияние частично распространяется на современную Индонезию, Камбоджу, Таиланд и Мьянму, которых некогда роднила общность санскритского языка. Данные государства заимствовали свою письменность из Индии, она легла в основу бирманского, кхмерского и лаосского алфавитов. Глубокое влияние индийской культуры проявляется также в формате официальных государственных церемоний: тайские короли и ныне традиционно нарекаются божественным именем Рамы.

В то же время общечивилизационная индийская идентичность находится под вопросом. Несмотря на недавние попытки лингвистической и культурной повторной санскритизации, сама индийская цивилизация имеет хрупкую преемственность. Ее центральным религиозным компонентом когда-то был буддизм, но его заменил индуизм. Отсутствие государственной централизации маргинализирует ритуальные индуистско-буддийские концепции как в самой Индии, так и в тех странах, на которые сегодня все больше распространяется влияние соседнего Китая [*Therborn* 2021, 231-232].

Помимо религиозных противоречий, ситуация осложняется последствиями глубокой колониальной травмы. Одним из итогов британского наследия стало замещение санскрита через широкое распространение английского языка среди высшей элиты страны, что порождает раскол внутри самой Индии. Он имеет исторические корни. Немалую роль в его формировании сыграли инициативы историка и члена колониальной администрации Британской Индии Т. Маколея, родоначальника создания новой образовательной системы. Она преследовала прагматические цели формирования класса посредников между англичанами и туземным населением, «класса людей, индийцев по крови и цвету кожи, но англичан по вкусам, мнениям, нравам и интеллекту» [*Macaulay* 1835]. Через данный класс, говорил Т. Маколей, Британия может усовершенствовать местные диалекты страны, обогатить их научными терминами, заимствованными из западной номенклатуры, и постепенно сделать эти термины пригодными для передачи знаний широким массам населения. Выступая против распространения санскрита в индийских учебных заведениях, он

писал, что «одна полка хорошей европейской библиотеки стоит всей местной литературы Индии и Аравии» [Macaulay 1835]. Усилия Т. Маколея принесли свои плоды. Несмотря на то, что индийская элита, воспитанная на английской системе образования, в XX в. восстала против Британии, те, кто получил «маколеевское образование», гордятся им и поныне. Сегодня большая часть индусов, ставших оппонентами политической идеи «государства-цивилизации» и выступающих за «европейский путь» национального государства, относят себя к тем, кто следовал британскому образовательному стандарту.

Идея Ф. Броделя о «гирлянде государств» как характерной черте китайского и индийского регионов получила неожиданное развитие в современных исследованиях Юго-Восточной Азии. Так, американский историк восточных цивилизаций Т. Чунг в духе обновленной геополитической теории полагает, что Китай и Индия сегодня являются «цивилизационными близнецами Гималайской сферы» [Chung 2015]. Основание для данного предположения он видит в том, что каждая из этих культур рождена в долинах двух великих рек – Инда и Ганга в Индии и Янцзы и Хуанхэ в Китае. Их устья очерчивают контуры, соответственно, «сферы индийской» и «сферы китайской» цивилизаций, не имеющих аналогов в Западном полушарии. Именно такой «сферический» абрис, утверждает он, ведет к устойчивости культурных традиций на больших пространствах азиатского мира – в отличие от конъюнктурных циклов эволюции государств европейского типа по типу «подъем-расцвет-упадок». Результатом, заключает он, становится приверженность восточных государств пути «государства-цивилизации» в ущерб пути «национального государства», что составляет коренное различие Востока и Запада.

Идея «мир-цивилизации» может оказаться плодотворной и для России. Ее цивилизационная субъектность сопряжена с географическим регионом северной Евразии, что, по единодушному признанию западных экспертов, отличает ее от Китая и Японии, где цивилизация и государство исторически совпадали, а также от евро-американской цивилизации, которая имеет идеологическую природу, связанную с либеральным и неолиберальным проектом. Россия отличается тем, что на ее территории длительное время сосуществует огромное количество этносов и национальностей. Данное разнообразие намного превосходит индийское и китайское. Если к упомянутому фактору добавить полиэтничность сопряженных пространств, которые потенциально представляют собой вероятный российский «мир-цивилизацию» в силу долговременных экономических, культурных и исторических связей, то проблема становится еще очевиднее. В данном контексте идея «мир-цивилизации» представляется действенной для предотвращения центробежных тенденций в развитии этнонациональных идентичностей, равно как и для создания основы консолидации исторически и культурно общего «сверхбольшого» российского пространства.

Заключение

Появление в теоретическом дискурсе о цивилизации новой концепции «государства-цивилизации» многие западные исследователи рассматривают как угрозу неолиберальному порядку – и прежде всего концепции «государства-нации». Такое опасение, а также то, что евро-американский «мир-цивилизация» все более очевидно теряет «монополию на ценность», заставляет западных ученых в порядке самообороны сконцентрировать свои усилия на ренессансе и переосмыслении концепции собственной западной идентичности в новых исторических условиях. Возникают сожаления по поводу того, что за завесой универсализма Европа утратила собственное лицо и свою европейскую сущность, превратившись в некую формальную модель, «абстрактную операционную систему» для

тестирования возможности ее использования в разных регионах мира. Распространяется убежденность в том, что напрасно «западные общества пожертвовали своими специфическими культурами ради универсального проекта» [Maçães 2020]. Осознавая неотвратимость возрождения дискурса цивилизации в глобальном масштабе, европейские политики стремятся вписаться в новую мировую повестку и заявляют о том, что Европа, которая долгое время хотела порвать с «логикой цивилизации», ныне готова к тому, чтобы принять новую цивилизационную парадигму.

Данные процессы подтверждают тезис о том, что евро-американский «мир-цивилизация» – вовсе не высшая цель всемирной эволюции и обязательный «паттерн» для усвоения странами «остального мира», не проект с универсалистским призванием. Она – всего лишь одна из многих локальных цивилизаций наряду с другими, такая же «мир-цивилизация» макрорегионального характера, как и российский, китайский и индийский «мир-цивилизации». Особенность европейской макросистемы состоит прежде всего в том, что волею судеб она оказалась историографически лучше описана, нежели другие. Второй ее характерной чертой является то, что благодаря своей активности, переходящей в историческую агрессивность, она сумела перешагнуть через Атлантику и начать историю Европы заново на новом континенте, расширившись таким образом до евро-американского «мира-цивилизации», мессианский характер которого создал претензию на универсальность. Сегодня, однако, становится ясно, что данная локальная цивилизация, возможно, исчерпала свой энергетический импульс и достигла некоторых пределов экстенсивного расширения. Возникают новые центры силы, среди которых прежде всего выделяются такие крупные «мир-цивилизации», как Китай, Россия и Индия. Они находятся на пути самоидентификации, которая неизбежно приведет к новому абрису мирового порядка, главными чертами которого, несомненно, будет многополярность и многоцивилизационность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бродель Ф. (1992) *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс. 680 с.
- Некlessа А. (2013) Преодоление Евразии // Развитие и экономика. № 5. С. 162. (<http://devec.ru/almanah/5/1307-aleksandr-neklessa-preodolenie-evrazii.html>).
- Терборн Й. (2015) *Мир. Руководство для начинающих.* М.: Изд-во ВШЭ. 336 с.
- Фурсов А.И. (2011) Будущее русской государственности: НАЦИЯ? ЦИВИЛИЗАЦИЯ? ИНОЕ? // Российская Федерация сегодня. № 6. С. 25–27. (http://www.политуправление.рф/archiv/avtoritet/person/Fursov_nation.html).
- Цыганков А.П. (2017) Цивилизационная геополитика на рубеже эпох // Россия в глобальной политике. № 2. (<https://globalaffairs.ru/articles/sosredotochenie-ne-po-gorchakovu/>).
- Al-Hafidh R. (2020) Rise of the Civilizational State in Post-Nation-State Middle East // Daily Sabah. May 29. (<https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/rise-of-the-civilizational-state-in-post-nation-state-middle-east>).
- Cho K. (2009) The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? // Knowledge. Economics & Finance. October 21. (<http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state-1370>).
- Chung T. (2015) The Path of “Civilization State” as Against the Road of “Nation State” // Shanghai Daily. November 20. (<https://archive.shine.cn/opinion/The-path-of-civilization-state-as-against-the-road-of-nation-state/shdaily.shtml>).

- Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilisational State*. Cambridge: Polity Press. 224 p.
- Fogel J. (2009) *Articulating the Sinosphere*. Cambridge: Harvard University Press. 216 p.
- Jacques M. (2012) *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books. 848 p.
- Jain A. (2021) Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. Summer. Pp. 93–125.
- Kumar R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? // *Hérodote : stratégies, géographies, idéologies*. No. 10. Pp. 43–60. (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut>).
- Maçães Br. (2020) The Attack Of The Civilization-State // *Noema Magazine*. June 15. (<https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/>).
- Macaulay T.B. (1835) Minute. Dated 2nd February. (http://www.columbia.edu/itc/mealc/pritchett/00generallinks/macaulay/txt_minute_education_1835.html).
- Pabst A. (2019) China, Russia and the Return of the Civilisational State // *New Statesman*. 2019. 8 May. (<https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>).
- Soliman M. (2021) The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt's Civilization-State // *Middle East Institute*. September 16. (<https://www.me-policy.org/2021/09/16/the-return-of-the-pharaohs-the-rise-of-egypts-civilization-state/>).
- Therborn G. (2021) States, Nations, and Civilizations // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. No. 14. Pp. 225–242.
- Weiwei Zh. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapore: World Century Publishing Corporation. 208 p.
- Xu J. (2018) The New Tianxia: Rebuilding China's Internal and External Order // In: Xu J. *Rethinking China's Rise*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 88–113.

REFERENCES

- Al-Hafidh R. (2020) Rise of the Civilizational State in Post-Nation-State Middle East. *Daily Sabah*. May 29. (<https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/rise-of-the-civilizational-state-in-post-nation-state-middle-east>).
- Brodell F. (1992) *Vremya mira. Material'naya civilizaciya, e'konomika i kapitalizm. XV-XVIII vv.* [Time of the World. Material Civilization, Economy, and Capitalism. XV-XVIII Centuries]. Vol. 3. Moscow: Progress. 680 p.
- Cho K. (2009) The Middle Kingdom: Civilisation State or Nation State? *Knowledge. Economics & Finance*. October 21. (<http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state-1370>).
- Chung T. (2015) The Path of “Civilization state” as Against the Road of “Nation State”. *Shanghai Daily*. November 20. (<https://archive.shine.cn/opinion/The-path-of-civilization-state-as-against-the-road-of-nation-state/shdaily.shtml>).
- Coker Ch. (2019) *The Rise of the Civilisational State*. Cambridge: Polity Press. 224 p.
- Fogel J. (2009) *Articulating the Sinosphere*. Cambridge: Harvard University Press. 216 p.
- Fursov A.I. (2011) Budushhee russkoj gosudarstvennosti: NACIYA? CIVILIZACIYA? INOE? [The Future of Russian Statehood: A NATION? CIVILIZATION? SOMETHING DIFFERENT?]. *Russia Federation Today*. no. 6, pp. 25-27. (http://www.политуправление.рф/архив/авторитет/person/Fursov_nation.html).
- Jacques M. (2012) *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin Books. 848 p.
- Jain A. (2021) Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. Summer, pp. 93–125.

- Kumar R. (1993) L'Inde: État-nation ou État-civilisation? *Hérodote: stratégies, géographies, idéologies*. no. 10, pp. 43–60. (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56209715/texteBrut>).
- Maçães Br. (2020) The Attack Of The Civilization-State. *Noema Magazine*. June 15. (<https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/>).
- Macaulay T.B. (1835) *Minute*. Dated 2nd February. (http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00generallinks/macaulay/txt_minute_education_1835.html).
- Neklessa A. (2013) Preodolenie Evrazii [Overcoming Eurasia]. *Razvitie i ekonomika*. no. 5, pp. 162. (<http://devec.ru/almanah/5/1307-aleksandr-neklessa-preodolenie-evrazii.html>).
- Pabst A. (2019) China, Russia and the Return of the Civilisational State. *New Statesman*. May 8. (<https://www.newstatesman.com/2019/05/china-russia-and-return-civilisational-state>).
- Soliman M. (2021) The Return of the Pharaohs: The Rise of Egypt's Civilization-State. *Middle East Institute*. September 16. (<https://www.me-policy.org/2021/09/16/the-return-of-the-pharaohs-the-rise-of-egypts-civilization-state>).
- Therborn G. (2015) *Mir. Rukovodstvo dlya nachinayushchih*. [The World. A Beginner's Guide] Moscow: Izd-vo VSHE. 336 p.
- Therborn G. (2021) States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. no. 14, pp. 225–242.
- Tsygankov A.P. (2017) *Civilizacionnaya geopolitika na rubezhe epoh* [Towards a New Strategy of Civilisational Concentration]. *Rossiya v global'noj politike*. no. 2. (<https://globalaffairs.ru/articles/sosredotochenie-ne-po-gorchakovu>).
- Weiwei, Zh. (2012) *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. Singapur: World Century Publishing Corporation. 208 p.
- Xu J. (2018) The New Tianxia: Rebuilding China's Internal and External Order. In: Xu J. *Rethinking China's Rise*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 88–113.

Информация об авторе

Спиридонова Валерия Игоревна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: Гончарная ул., д. 12, стр. 1, Москва, 109240. E-mail: vspirid@yandex.ru

About the author

Valeria I. Spiridonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Research Fellow, Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IF RAS). Address: 109240, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. E-mail: vspirid@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.02.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 04.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 11.05.2022

DOI: 10.31857/S0869049922030091
EDN: EXXOLX

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original Article

Фактор региональной политики ЕС в Испании¹

© Ю.А. БЕЛОУС

Белоус Юлия Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ybelous@hse.ru. ORCID 0000-0002-0871-8223

Статья посвящена роли и месту фактора Европейского союза в развитии центробежных тенденций в Испании. В первой части статьи рассматривается методология исследования. Во второй части оцениваются эффекты европейской интеграции в рамках отношений между центром и регионами. В третьей части представлены результаты серии полуструктурированных интервью, которые автор провел совместно с испанскими и европейскими исследователями в рамках полевого исследования в период с октября 2021 по январь 2022 г. Анализируя результаты интервью, автор приходит к выводу о том, что среди представителей академического сообщества Испании устойчив дискурс об ограниченном влиянии Европейского союза на центробежные тенденции в Испании. Несмотря на позитивное влияние региональной политики ЕС на социально-экономическое развитие регионов Испании, степень политического влияния на центробежные тенденции ограничена. Тем не менее, государства, а не регионы, по-прежнему играют ключевую роль в процессе выработки и принятия решений в рамках европейского вектора внешней политики Испании. Научная значимость работы заключается в обобщении результатов серии интервью по теме влияния Европейского союза на центробежные тенденции в Испании. Собранный в ходе полевого исследования материал вводится в научный оборот при изучении указанной темы впервые.

Ключевые слова: центробежные тенденции, Испания, Европейский союз, интервью

Цитирование: Белоус Ю.А. (2022) Фактор региональной политики ЕС в Испании // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 128–136. DOI: 10.31857/S0869049922030091, EDN: EXXOLX

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-314-90001 «Региональная политика Европейского союза как фактор центробежных тенденций в Испании».

Funding. The study was funded by RFBR, project number No. 20-314-90001, ‘The Impact of the EU Regional Policy on Centrifugal Tendencies in the Political System of Spain’.

The Impact of the European Union Regional Policy in Spain

© Y. BELOUS

Yulia A. Belous, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ybelous@hse.ru. ORCID 0000-0002-0871-8223

Abstract. The article analyzes the role and place of the European Union in the development of centrifugal tendencies in Spain. The first part of the paper presents the methodology of the research. The second part assesses the effects of European integration on relations between the center and regions. The third part depicts the results of a series of interviews conducted by the author as part of the field research from October 2021 to January 2022. Based on the results of the interview, the author concludes that among the representatives of the academic community of Spain there is a general view of a limited influence of the European Union on the centrifugal tendencies in Spain. Despite the positive influence of the EU Regional policy on the socio-economic development of the regions of Spain, the degree of political influence on centrifugal tendencies is limited. At the same time, states, not regions, remain the key actors in the decision-making process within the European vector of Spain's foreign policy. The scientific significance of the paper lies in the synthesis of the results of the series of interviews about the influence of the European Union on centrifugal tendencies in Spain. The material collected in this field study is being researched in this context for the first time.

Keywords: centrifugal tendencies, Spain, European Union, interviews

Citation: Belous Y. (2022) The Impact of the European Union Regional Policy in Spain. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 128–136. DOI: 10.31857/S0869049922030091, EDN: EXXOLX

Европейский союз в последние годы активизировал региональную политику, помещая регионы в свой политический фокус и делая их подотчетными различным программам финансирования: структурные фонды, фонды помощи. Европейские фонды – Фонд сплочения (Cohesion Fund), Европейский фонд регионального развития (European Regional Development Fund), Европейский социальный фонд + (European Social Fund +) – дотации по которым поступают в регионы государств-членов ЕС, побуждают региональные и/или местные правительства планировать свою политику с оглядкой на европейскую и принимать меры, которые будут проведены на средства, поступающие из Брюсселя. После создания Комитета регионов в начале 1990-х гг. в европейских регионах росли надежды на то, что права национальных государств будут уравновешены, так как с созданием Европейского союза в 1992 г. произойдет передача части суверенитета наднациональным органам. За ним последует формирование контекста, при котором полномочия региональных структур власти расширятся, а вместе с ними повысится и запрос на большую самостоятельность от центра при выработке и принятии решений [Bache, Jones 2000]. Основным принципом деятельности Комитета регионов станет принцип субсидиарности, согласно которому выработка и принятие решений должны осуществляться на максимально низком уровне. По мнению российского исследователя И.Л. Прохоренко, Комитет регионов стремился играть влиятельную роль в законодательном процессе Европейского союза [Прохоренко 2011].

На практике Европейский союз всегда придерживается концепции союза государств, и территориальная целостность государств-членов Союза следует поддерживать. Для Европейского союза принцип территориального единства играет основополагающую роль,

так как члены организации – это прежде всего государства, состоящие из регионов, что неоднократно подтверждали органы ЕС. Одним из ярких примеров данного принципа может служить реакция органов союза на референдум о независимости Каталонии в 2017 г. Более того, некоторые испанские авторы приводят аргумент о том, что европейская интеграция «слабо связана с умеренным увеличением избирательной поддержки сепаратистских партий, особенно в экономически развитых регионах» [Brancati 2013]. Д. Бранкати утверждает, что децентрализация сокращает стремление к отделению от государства, в том числе благодаря предоставлению автономии в решении образовательных и культурных вопросов. Подобный аргумент вступает в противоречие с основным тезисом сторонников С. Джолли о том, что языковая и культурная однородность ведет к вероятному отделению [Jolly 2007].

В современном мире ряд государств-членов ЕС и бывших участников Союза находятся в процессе децентрализации и передачи полномочий на более низкие уровни: Испания с ее автономиями, Франция, Италия, а также Соединенное Королевство. Особенностью Испании в данном случае выступает ее территориально-политическое устройство, а именно модель «государства автономий» [Хенкин 2018]. «Государство автономий» – это модель, похожая на федерацию, но ей не являющееся. Данное утверждение похоже на противоречие. Не желая создания федерации, Испания выдвинула похожую модель – автономные сообщества. Разница с федеральной моделью заключается в стремлении остановить возможность развития в направлении независимого государства с самого начала. «Государство автономий» отвечает идее о том, что государство в итоге унитарно, национальный суверенитет принадлежит всей нации и что не может быть внутренней фрагментации, которая нарушала бы единство страны. Данный лейтмотив повторяется и в Конституции Испании 1978 г.

Испанское «государство автономий» отличается от федеративных государств по ряду причин. Во-первых, в кортесах Испании нет палаты территориального представительства. В федеративных странах, таких как Германия и США, данную роль играет Сенат, однако Сенат Испании имеет другой характер. Соответственно, региональные партии стремятся быть представленными не в нем, а скорее в Конгрессе, где присутствуют партии федерального уровня и партии регионального уровня. Политическое влияние, которое регионы не могут иметь в Сенате, они получают в нижней палате – Конгрессе. Во-вторых, некоторые испанские автономные сообщества – например, Страна Басков – обладают *большим* объемом полномочий, чем другие региональные партии в федеративных государствах. В-третьих, согласно ст. 145 Конституции 1978 г., в Испании запрещено создавать федерации автономных сообществ. Несмотря на то, что в статутах автономии зафиксировано, что «власть в них исходит от народа, что может рассматриваться как признак федеративной модели», Конституция закрепляет связь унитарного государства и автономий [Аникеева 2007].

Однако децентрализацию нельзя считать синонимом центробежных тенденций. Под децентрализацией автор подразумевает смещение «локуса принятия решений» от центрального правительства к региональным, муниципальным или местным правительствам. В случае центробежных тенденций происходит обратная динамика – полномочия не просто передаются по направлению от центра к регионам, а выявляется запрос к *большим* полномочиям на региональном уровне. Центробежные тенденции – это направление развития от центра государства в интересах региональных политиков, которое не приводит к признанию их в качестве акторов, независимых от государства [López Basaguren, Escajedo San Epifanio 2019].

При анализе поставленных вопросов автор статьи обращается к серии полуструктурированных интервью, которые он провел в рамках полевого исследования на базе Мадридского автономного университета в период с октября 2021 по январь 2022 гг. Также в рамках исследования автор опирается на официальный портал Европейской Комиссии и испанскую базу данных Datos Macro.

Методология исследования

В мировой и отечественной науке существует множество исследований, которые объясняют динамику центробежных тенденций в Испании. Несколько менее изучено влияние фактора Европейского союза на эту динамику. Однако количество научных работ, в которых эти теории проверяли бы с помощью серии полуструктурированных интервью с испанскими и европейскими исследователями, в современном мире ограничено, или таких вовсе не существует.

Основным методом данного исследования стало полуструктурированное интервью, которое, в отличие от структурированного интервью, не содержит строго ограниченного количества вопросов и позволяет в ходе беседы развивать новые идеи, одновременно сохраняя набор тем, важных для изучения. Подобный подход представляется особо продуктивным для изучения темы центробежных тенденций в Испании, так как он позволяет учесть широкий спектр мнений и отразить их многообразие.

В рамках настоящего исследования было проведено более 30 полуструктурированных интервью с учеными, исследователями Испании и некоторых других государств-членов ЕС. Серия интервью по теме статьи была проведена с учеными из 16 испанских университетов и исследовательских центров из 10 испанских городов, а также из двух государств-членов ЕС. К ним относятся: Мадридский автономный университет (UAM), Университет Помпеу Фабра, Университет Страны Басков, Автономный университет Барселоны, Мадридский университет Комплутенсе, Мадридский университет имени Короля Хуана Карлоса, Университет Гранады, Университет Мурсии, Университет Вальядолида, Университет Саламанки, Национальный университет дистанционного образования (UNED), Папский университет Комильяс, Школа перспективных исследований в области социальных наук (École des hautes études en sciences sociales (EHESS), исследовательский центр), Королевский институт международных и стратегических исследований Элькано (Real Instituto Elcano), Королевская академия испанского языка (Real Academia Española), Атеней Вальядолида (Ateneo de Valladolid). Также проводилось интервью с исследователем из Копенгагенского университета (University of Copenhagen).

Интервью состояло из трех тематических блоков: исторический контекст, внутренняя политика и внешний контур, международный контекст. Для данной статьи особой значимостью обладают ответы на вопросы интервью, посвященные внешнему контуру и международному контексту, на которых будет сосредоточено основное внимание автора. В частности, особое внимание уделяется вопросу о влиянии Европейского союза, его институциональной структуры и его программ – например, региональной политики Европейского союза или политики сплочения – на динамику центробежных тенденций в Испании.

Региональная политика ЕС в Испании

Сегодня в Испании существует запрос на изменение метода «совместного управления» с автономиями – основного механизма региональной политики ЕС. Центральные власти в 2022 г. намерены пересмотреть управление фондами ЕС, чтобы удовлетворить запрос автономных сообществ на большую децентрализацию². Данный вопрос планируется обсудить на региональном форуме на острове Ла-Пальма, а цель переговоров – достичь

² El Confidencial (2022). Moncloa revisará la gestión de los fondos UE para tratar de sofocar la revuelta de las CCAA (https://www.elconfidencial.com/espana/2022-01-20/moncloa-tratará-sofocar-revuelta-ccaa-fondos-ue-revisando-gestion_3361128/).

большей децентрализации за пределами уровня нынешнего распределения по регионам, которое было определено в 55% от общей доли. Ранее подобное распределение – например, в 2021 г. – не достигало 50%, заложенных в бюджете.

Благодаря дотационной поддержке от структурных фондов, таких как Европейский фонд регионального развития (таб. 2), ВВП на душу населения в ряде автономных сообществ Испании значительно возрос (таб. 1), о чем свидетельствуют зарубежные исследования [Medeiros 2016]. Тем не менее, в стране все еще высок уровень межрегиональных диспропорций – разрыв между развитыми регионами и развивающимися, «догоняющими» [Tirado, Díez-Minguela 2016]. В частности, несмотря на высокий уровень финансовой поддержки из структурных фондов ЕС таких регионов юга Испании как Андалусия, их ВВП на душу населения все еще значительно отстает от экономических локомотивов страны, в частности от Каталонии, Страны Басков и Мадрида. Одновременно ВВП на душу населения южных регионов, например, Андалусии и Эстремадуры, приблизился к показателям регионов со средним уровнем ВВП на душу населения – Валенсии и Галисии (таб. 1). Такому нивелированию уровня различий безусловно способствовали дотации структурных фондов ЕС в рамках региональной политики ЕС.

Таблица 1

ВВП на душу населения в автономных сообществах Испании, 2014–2020 гг. (в евро)

Table 1

GDP per capita by Autonomous Communities of Spain, 2014–2020 (in euro)

Автономное сообщество	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Андалусия	16413	17235	17659	18490	19103	19530	17747
Арагон	24308	24874	25985	27087	28021	28759	26512
Астурия	19594	20471	20920	21936	22676	23240	21149
Балеарские острова	23892	25002	26093	27102	27847	28522	22048
Валенсия	19469	20301	20948	21864	22581	23083	20792
Галисия	19782	20794	21482	22340	23130	23842	21903
Канарские острова	18536	19065	19612	20436	20943	21387	17448
Кантабрия	20568	21122	21905	22767	23656	24350	22096
Кастилия и Леон	20737	21603	22408	23130	24289	24910	23167
Кастилия-Ла-Манча	17099	18907	18752	19621	20431	20841	19369
Каталония	26403	27630	28680	29727	30481	31209	27812
Ла-Риоха	24471	25453	25636	26554	27511	28128	25714
Мадрид	30574	31907	32840	34133	35042	36049	32048
Мелилья	16684	17257	17783	17921	18644	19224	17900
Мурсия	18260	19462	19997	20724	21024	21596	19838
Наварра	27524	28520	29375	30468	31053	32030	29314
Сеута	18236	19065	19316	19529	20251	20960	19559
Страна Басков	28946	30046	31004	32136	33111	33938	30401
Эстремадура	15564	16460	17117	18203	18828	19304	18301

Источник: *PIB de las Comunidades Autónomas. Datosmacro.com.* (<https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas>).

Source: *PIB de las Comunidades Autónomas. Datosmacro.com.* (<https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas>).

Таблица 2

**Дотации автономным сообществам Испании из Европейского фонда
регионального развития в рамках региональной политики ЕС,
бюджетные распределения на 2007–2013 гг., 2014–2020 гг. и 2021–2027 гг. (в евро)**

Table 2

**Subsidies to the Autonomous Communities of Spain from the European Regional Development Fund
within the EU regional policy, budget allocations for 2007–2013, 2014–2020 and 2021–2027 (in euro)**

	Европейский фонд регионального развития		
	2007–2013	2014–2020	2021–2027
Андалусии	6 531 308 334	4 731 532 152	7 733 500 000
Валенсия	1 326 340 547	1 280 726 561	1 639 329 998
Галисия	2 191 544 341	1 264 516 998	1 719 743 117
Каталония	679 074 228	1 859 088 239	2 287 346 320
Мадрид	336 953 127	935 084 067	1 728 456 890
Страна Басков	240 582 157	498 277 476	697 588 466

Источник: *European Commission*. (https://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/spain).
Source: *European Commission*. (https://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/spain).

Диспропорции и неравномерность социально-экономического развития автономных сообществ подпитывают центробежные тенденции. Тем временем участие Испании в интеграционных процессах приводит к тому, что у регионов помимо основного «центра притяжения» в лице Мадрида появляется дополнительный – Брюссель. «Локус ответственности» перемещается между двумя центрами притяжения и стимулирует желание регионов играть более активную роль в диалоге между центром государства и Брюсселем. Более того, согласно исследованиям, интеграция позволяет регионам получить доступ к внутреннему рынку без необходимости принадлежать к государству [Alesina, Spolaore 2003]. Соответственно, экономическая интеграция снижает потребность регионов оставаться в составе государства, ведь именно интеграция гарантирует их доступ ко внутреннему рынку. Следовательно, само по себе пребывание в составе ЕС приводит к запросам регионов на большую самостоятельность. Региональные правительства активно участвуют в формировании европейской политики как внутри страны, так и посредством лоббирования в Брюсселе. Тем не менее, это не означает, что они могут как-либо влиять на позиции государств-членов на переговорах – или на возможные результаты политики ЕС [Cole, Pasquier 2012].

Результаты серии интервью

В результате проведенной серии интервью исследователи разделились во мнениях относительно роли Европейского союза и его институциональной структуры в развитии центробежных тенденций в Испании. С одной стороны, меньшая часть исследователей высказала аргументы в пользу того, что ЕС стимулирует центробежные тенденции, придавая более важную роль субнациональному уровню. Согласно их аргументации, Европейский союз подпитывает центробежные тенденции, предоставляя регионам площадку для их большего участия и вовлеченности в процесс выработки и принятия решений. В результате регионы могут использовать данные каналы для продвижения интересов своего региона на наднациональном уровне, а также мобилизовать настроения населения для укрепления позиций региона на площадках ЕС в обход государства.

С другой стороны, большинство исследователей сходятся во мнении, что Европейский союз «тормозит» центробежные тенденции, выступая за территориальную целостность государств-членов и признавая Союз как объединение государств. Например, после референдума о независимости Каталонии в 2017 г. Европейский союз, во-первых, не поддержал Каталонию. Во-вторых, в заявлении о событиях в Каталонии 2017 г. А. Таяни, президент Европейского Парламента, подчеркнул, что в случае выхода Каталонии из состава Испании первой будет необходимо снова пройти процедуру вступления в ЕС в соответствии с правилами Союза³, что не гарантировало бы вступление региона в принципе. Членство в Союзе критически важно для социально-экономического развития Каталонии, поэтому поддержка ЕС считается одним из ключевых факторов успеха националистического движения. В результате часть предприятий Каталонии перевели свое производство в другие регионы Испании, преимущественно ближе к центру, чтобы хеджировать риски в случае наиболее радикального исхода событий – выхода Каталонии из состава Испании и, как следствие, ее автоматического выхода из состава государств-членов Союза.

Третья точка зрения заключается в том, что ЕС помог разработать программу существования регионов с разной социально-экономической и культурно-лингвистической базой и нивелировать различия, диспропорции в развитии между ними. Например, сельскохозяйственный сектор южной части Испании развивался быстрее благодаря структурным фондам ЕС, то есть развивающиеся регионы стали догонять развитые, такие как Каталония, Страна Басков и – в меньшей степени – Галисия и Валенсия. Сокращение уровня социально-экономических дисбалансов привело к сближению регионов, «затормозив» центробежные тенденции.

Наконец, важным стало суждение о том, что ЕС снижает уровень националистических настроений, потому что позволяет гражданам идентифицировать себя не только со своим регионом и страной, но также с Союзом в целом. Будучи каталонцем или баском, можно быть одновременно и европейцем. Если человек не желает идентифицировать себя с Испанией, он может идентифицировать себя с ЕС.

Выводы

Испанский кейс продемонстрировал, что региональная политика ЕС позитивно влияет на уровень социально-экономического развития ряда регионов Испании, особенно на юге страны. Тем не менее, существенного сокращения диспропорций в социально-экономическом развитии развитых и менее развитых регионов не наблюдается. Испания представляет собой страну-еврооптимиста, она стремится соответствовать европейским нормам, учитывая внутренний контекст развития и предпочтения регионов. Благодаря ЕС социально-экономическая ситуация в Испании улучшилась, а сами испанцы выступают сторонниками европейской интеграции [Испания в меняющемся... 2017].

В случае Испании Европейский союз влияет на региональное развитие государства, однако влияние зависит от степени противоречий между европейскими и внутренними нормами, что соотносится с видением Т. Берцель [Borzell 2002]. Институциональная рамка Европейского союза позволяет регионам таких государств-членов, как Испания, наращивать свой потенциал и аккумулировать дополнительные ресурсы для действия и продвижения своих интересов. Несмотря на то, что в последние годы наблюдается некоторое

³ El Confidencial (2017). Lo que Europa opina sobre el referéndum independentista de Cataluña. (https://www.elconfidencial.com/espana/cataluna/2017-09-25/europa-referendum-independencia-cataluna-posiciones_1449488/).

изменение дискурса националистических партий автономных сообществ Испании, его радикальной трансформации как результата региональной политики ЕС не произошло.

Серия интервью продемонстрировала, что на данный момент в Испании среди представителей академического сообщества преимущественно устойчив дискурс о «единстве страны», «территориальной целостности» и ограниченной роли Европейского союза в ней. В будущих исследованиях целесообразно более детально изучить данный вопрос с применением метода дискурс-анализа. Соответствующее исследование можно провести, опираясь на стенограммы выступлений политических деятелей на заседаниях как Парламента Испании, так и Европейского парламента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникеева Н.Е. (2007) Испания – государство автономий в объединенной Европе // Современная Европа. № 2. С. 91–102.

Испания в меняющемся мире: к 40-летию дипломатических отношений между Россией и Испанией (2017) Доклады Института Европы № 339. Отв. ред.: В.Л. Верников. М.: Ин-т Европы РАН. С. 1–76.

Прохоренко И.Л. (2011) Регионы Испании в политическом пространстве Европейского союза // Вестник Московского университета. Международные отношения и мировая политика. Т. 25. № 1. С. 32–48.

Хенкин С.М. (2018) Сепаратизм по-каталонски // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 5. С. 29–40.

Alesina A., Spolaore E. (2003) *The Size of Nations*. Cambridge: MIT Press. Pp. 1–272.

Bache I., Jones R. (2000) Has EU Regional Policy Empowered the Regions? A Study of Spain and the United Kingdom // *Regional & Federal Studies*. Vol. 10. No. 3. Pp. 1–20.

Borzel T. (2002) *States and Regions in the European Union: Institutional Adaptation in Germany and Spain*. Cambridge University Press. P. 270.

Brancati D. (2014) The Other Great Illusion: The Advancement of Separatism through Economic Integration // *Political Science Research and Methods*. Vol. 2. No. 1. Pp. 69–95.

Cole A., Pasquier R. (2012) The Impact of European Integration on Centre/Periphery Relations // *Politique Européenne*. Vol. 36. No. 1. Pp. 160–182.

Jolly S. (2007) The Europhile Fringe? Regionalist Party Support for European Integration // *European Union Politics*. Vol. 8. No. 1. Pp. 109–130.

López Basaguren A., Escajedo San Epifanio L. (2019) *Claims for Secession and Federalism. A Comparative Study with a Special Focus on Spain*. Switzerland: Springer. Pp. 1–1029.

Medeiros E. (2016) *European Union Cohesion Policy and Spain: A Territorial Impact Assessment* // *Regional Studies*. No. 8. Pp. 1259–1269.

Tirado D., Díez-Minguela A. (2016) Regional Inequality and Economic Development in Spain, 1860–2010 // *Journal of Historical Geography*. Vol. 54. Pp. 87–98.

REFERENCES

Alesina A., Spolaore E. (2003) *The Size of Nations*. Cambridge: MIT Press. Pp. 1–272.

Anikeeva N.E. (2007) *Ispaniya – gosudarstvo avtonomij v ob»edinennoj Evrope* [Spain – the State of Autonomies in United Europe]. *Sovremennaya Evropa*. no. 2, pp. 91–102.

Bache I., Jones R. (2000) Has EU Regional Policy Empowered the Regions? A Study of Spain and the United Kingdom. *Regional & Federal Studies*. vol. 10, no. 3, pp. 1–20.

Borzel T. (2002) *States and Regions in the European Union: Institutional Adaptation in Germany and Spain*. Cambridge: Cambridge University Press. 270 p.

Brancati D. (2014) The Other Great Illusion: The Advancement of Separatism through Economic Integration. *Political Science Research and Methods*. vol. 2, no. 1, pp. 69–95.

Cole A., Pasquier R. (2012) The Impact of European Integration on Centre/Periphery Relations. *Politique Européenne*. vol. 36, no. 1, pp. 160–182.

Henkin S.M. (2018) Separatizm po-katalonski [Catalan Separatism]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. vol. 62, no. 5, pp. 29–40.

Ispaniya v menyayushchemsya mire: k 40-letiyu diplomat. otnoshenij mezhdru Rossiej i Ispaniej [Spain in a Changing World: On the 40th Anniversary of Diplomatic Relations between Russia and Spain] (2017) Doklady Instituta Evropy. No. 339. Ed(s): V.L. Vernikov. Moscow: In-t Evropy RAN. Pp. 1–76.

Jolly S. (2007) The Europhile Fringe? Regionalist Party Support for European Integration. *European Union Politics*. vol. 8, no. 1, pp. 109–130.

López Basaguren A., Escajedo San Epifanio L. (2019) *Claims for Secession and Federalism. A Comparative Study with a Special Focus on Spain*. Switzerland: Springer. Pp. 1–1029.

Medeiros E. (2016) European Union Cohesion Policy and Spain: A Territorial Impact Assessment. *Regional Studies*. no. 8, pp. 1259–1269.

Prohorenko I. L. (2011) Regiony Ispanii v politicheskom prostranstve Evropejskogo soyuza [Regions of Spain in the Political Space of the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. vol. 25, no. 1, pp. 32–48.

Tirado D., Diez-Minguela A. (2016) Regional Inequality and Economic Development in Spain, 1860–2010. *Journal of Historical Geography*. vol. 54, pp. 87–98.

Информация об авторе

Белоус Юлия Александровна, аналитик, Центр комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), аспирант, Аспирантская школа по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям НИУ ВШЭ. Адрес: ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, 119017. E-mail: ybelous@hse.ru

About the author

Yulia A. Belous, Analyst, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University “Higher School of Economics”, Postgraduate Student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 127005, Moscow, Malaya Ordynka Street, 17. E-mail: ybelous@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.03.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 19.05.2022